

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества
Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Глинбургъ.

1889.

Печатать разрешается. Президентъ Императорскаго Общества Любителей
Естественнаго, Антропологическаго и Этнографическаго,
Ординарный Профессоръ *Всеславъ Миллеръ*. 20 декабря, 1889 г.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
I. Частныя и общественныя гульбища на Дону. <i>А. А. Казмина.</i>	1
II. Семейная община у грузанъ. <i>Н. Л. Абазадзе.</i>	13
III. Празднованіе Нового года у грузанъ. <i>А. С. Хаманова.</i>	29
IV. Сила родительскаго проклятiя по народнымъ разсказамъ Харьк. губ., <i>П. И.</i> , съ замѣткою <i>Н. Я.</i>	41
V. Опытъ бѣлорускаго народнаго снотолкователя. <i>Е. Романова.</i>	54
VI. Двѣ статьи о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ нѣсняхъ. Ст. I, <i>М. В. Готовицкаю.</i>	73
Ст. II, <i>Р. А. Пфеннича.</i>	83
VII. Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай. <i>А. А. Ивановскаю.</i>	92
VIII. Изъ матеріаловъ по этнографіи сымольскихъ и вычегодскихъ зырянъ. Национальными божества. <i>В. В. Кандинскаю.</i>	102
IX. Этнографическія замѣтки: 1. Сонъ-трава. 2. Розмай-зилье. 3. Жемчужная трава. 4. Васильки. 5. Обжянки. 6. Спасова борода. 7. Символика краснаго цвѣта. 8. Татуировка у католиковъ Босніи и Герцеговины. <i>Н. Ѳ. Сумцова.</i>	111
X. Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ шервобытномъ обществѣ, гл. III. <i>В. В. Каллаша.</i>	133
XI. Библиографія: 1. Книги и ученые изданія.	156—173
<i>М. Веcke</i> , Исслѣдованіе о нарѣчiяхъ черемисскаго языка. — <i>Г. Арандаренко</i> , Досуги въ Туркестанѣ. — <i>Гр. Верещанинъ</i> , Вотьяки Сарапупльскаго уѣзда. Вят. г. — <i>И. Н. Смирновъ</i> , Черемисы (Извѣстія Общ. Археол., Истор. и Этногр. при И. Казанск. университетѣ, т. VII). — <i>Д. Н. Остров-</i>	

скій, Лопари и ихъ преданія (Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ. т. XXV, в. IV).—Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества, т. IX, вып. 2.—*Кулишеръ*, Очерки сравнительной этнографіи и культуры—*Г. С. Дытсинъ*, Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ—*Шептинъ*, 1. Дохристіанское воззрѣніе человѣка на смерть и загробную жизнь. 2. Наши письменные источники о языческихъ богахъ рус. миеологін. — *Д. Хизанашвили*, Сборникъ пшавскихъ пѣсенъ.—Сборникъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ.—*П. Чуцеевъ*, 1) Малорусскія бытовыя пѣсни. 2) О русской народной культурѣ.

2. Журналы.	173—177
3. Газеты.	178 201

XII. Слѣсь:

Къ вопросу о народной медицинѣ <i>Н. Я.</i>	202
Мелкія этнологическія замѣтки: 1. Къ вопросу о прозваніи И. Муромца.—2. Къ малорусс. легендамъ объ И. Муромцѣ.—3. Къ былинамъ о Соловьѣ-разбойникѣ.—4. Малорусс. пѣсни о Дунаѣ богатырѣ.—5. Тугаринъ.—6 Къ пѣснямъ и былинамъ о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ —7. Журъ.—8. Къ бѣлорусскому народному снотолкователю.—9. Превращеніе въ растенія и деревья.—10. Сонъ-трава, <i>В. Калаша.</i>	203

XIII. Извѣстія и замѣтки.	212
-----------------------------------	-----

XIV. Приложенія: 1. русскій переводъ киргизскихъ и сартскихъ пѣсенъ, 2. напѣвы ихъ.
Объявленія.

Частныя и общественныя гульбища на Дону *).

Казаки Донской Области, вслѣдствіе долгаго невмѣшательства государственной власти въ ихъ внутреннюю жизнь и вслѣдствіе многихъ другихъ историческихъ условій, выработали, какъ извѣстно, своеобразный строй народной жизни, изученіе котораго можетъ представить много живого интереса.

Въ одномъ изъ округовъ этой области, именно Хоперскомъ, лѣтомъ 1888 года мнѣ пришлось заняться изслѣдованіемъ народнаго быта. Мое вниманіе главнымъ образомъ было сосредоточено на изученіи обычнаго права; но при этомъ, понятно, мнѣ приходилось знакомиться и съ другими сторонами бытовой жизни казаковъ и такимъ образомъ подмѣтить нѣкоторыя характерныя особенности. На первый разъ я позволю себѣ предложить вниманію читателей нѣсколько замѣчаній по поводу частныхъ и общественныхъ гуляній, увеселеній, или гульбищъ. Не останавливаясь на ихъ слишкомъ подробномъ описаніи, я отмѣчу только нѣкоторыя болѣе общія и оригинальныя особенности.

Всѣ гулянья на Дону, какъ частныя, такъ и общественныя, носятъ на себѣ сильный отпечатокъ военнаго казачьяго строя. Въ особенности сильно сказалось вліяніе военной жизни въ свадебныхъ гуляніяхъ. Здѣсь, начиная съ сватанья и кончая послѣднимъ днемъ пира, все совершается въ воен-

*) См. протоколъ 73-го засѣданія (28 февр. 1889) Этнографическ. Отдѣла Имп. Общ. люб. Естествозн., Антр. и Этнографія.

номъ духѣ. Сватанье ведется въ видѣ военныхъ переговоровъ между двумя сторонами—невѣстиною и жениховою. „Мы видимъ,—говорятъ родные невѣсты свахѣ, пришедшей съ роднею жениха,—что вы не съ добромъ пришли къ намъ; у насъ на этотъ разъ войско не въ сборѣ, то милости просимъ обождать, не начинать войны“. Потомъ пойдутъ безконечные толки о лезервѣ, артилеріи *). Невѣста въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при свадебныхъ обрядахъ представляетъ изъ себя крѣпость, а женихъ войско, которое должно взять приступомъ крѣпость. Поѣздъ жениха-князя съ его поѣзжанами представляетъ чисто военную дружину; она построена въ двѣ шеренги по всѣмъ правиламъ военнаго искусства и подъ предводительствомъ дружка сопровождаетъ князя къ вѣнчанію. Женихъ въ нѣкоторыхъ станицахъ во время свадебныхъ гуляній, когда компанія переходитъ изъ дома въ домъ, одѣтый въ военный мундиръ съ вислыми эполетами, всегда предшествуетъ компаніи, изображая изъ себя военнаго командира.

Всякое торжественное общественное гулянье всегда сопровождается тѣми или иными воинскими упражненіями. Такъ, гулянье на масляницѣ состоитъ въ томъ, что собираются верховые казаки, которые подъ командою избраннаго начальника продѣлываютъ нѣсколько военныхъ упражненій. Послѣ этого собираются въ кругъ, покупаютъ водку, и начинается такъ называемое „хождение со знаменемъ“, которое состоитъ въ томъ, что компанія съ пѣснями ходитъ по улицамъ, заходя къ людямъ болѣе зажиточнымъ; при этомъ предъ компаніей несутъ знамя, которое оставляется у крыльца или воротъ, когда компанія заходитъ въ домъ, и при немъ неотлучно находится часовой. Сверхъ всего этого пѣсни поются преимущественно военныя, а разговоры ведутся о былыхъ походахъ.

Кромѣ указанной общей черты, вытекающей изъ ка-

*) См. М. Харунина, „Свидѣнія о западныхъ общинахъ на Дону“, Москва 1885, I, стр. 122.

зачьяго военнаго строя, можно подмѣтить среди мѣстнаго населенія и много другихъ особенностей, отражающихъ часто на себѣ слѣды глубокой старины, какъ это увидимъ изъ нижеизложеннаго.

Остановимся подробнѣ сначала на особенностяхъ однихъ частныхъ гуляній. Такъ мы называемъ гулянья, которыя обуславливаются какимъ либо событіемъ, имѣющимъ отношеніе къ одной или нѣсколькимъ родственнымъ семьямъ. Къ нимъ относятся: гулянья свадебныя, гулянья по поводу ухода казака на службу или его возвращенія со службы, гулянья на крестинахъ и пр.

Прежде всего эти гулянья отличаются строго родственнымъ характеромъ: въ нихъ принимаютъ участіе только родственники между собою, постороннія же лица почти не участвуютъ. Обыкновенно послѣ того, какъ является какою-нибудь поводъ къ гулянью, — придетъ ли казакъ со службы въ семью, выходитъ ли кто за-мужъ или женится, родится ли ребенокъ, — тотчасъ глава семейства, дѣдъ или отецъ, посылаетъ „легкаго гонца“, обыкновенно младшаго въ семьѣ, созывать всю родню на пиръ. Не пригласить кого либо изъ родственниковъ на веселье считается самою большею обидою для неприглашеннаго: это значить — изъ родственника сдѣлать себѣ врага; тогда какъ не пригласить на гулянье пріятеля, друга или сосѣда не считается обиднымъ и предосудительнымъ, и обыкновенно за самыми рѣдкими исключеніями постороннія лица не приглашаются и не принимаютъ участія въ этихъ гуляняхъ. Нерѣдко казакъ съ своего двора смотритъ на веселую компанію своего сосѣда-друга, посылая при этомъ шутивыя замѣчанія, нисколько не думая обижаться за неприглашеніе.

— „Что жъ ты не гуляешь?“ спросилъ я однажды казака, сосѣдъ котораго справлялъ приходъ сына со службы

— „Я ему не родня“, былъ категорическій отвѣтъ.

Но такой строго родственной характеръ имѣютъ гулянья въ станицахъ; когда же они совершаются въ хуторахъ, то здѣсь они утрачиваютъ этотъ характеръ, такъ какъ

здѣсь можно, а иногда даже должно приглашать и неродственниковъ. Въ хуторахъ не пригласить на гулянье друга или сосѣда—значить оскорбить ихъ и нажить себѣ враговъ. Это отступленіе въ хуторахъ отъ общаго правила—приглашать на гулянье только родственниковъ объясняется тѣмъ, что хутора почти до послѣдняго времени представляли изъ себя поселенія родственниковъ между собою лицъ. Такимъ образомъ въ продолженіе цѣлаго ряда поколѣній хуторскіе жители привыкли приглашать на гулянья всѣхъ сосѣдей хуторянъ, какъ родственниковъ. Эта привычка продолжаетъ дѣйствовать и теперь, когда уже среди хуторскаго населенія немало чуждаго, неродственного элемента.

Познакомимся однако съ самымъ ходомъ гуляній, посмотримъ, какъ они начинаются, въ какомъ порядкѣ совершаются и чѣмъ кончаются.

Созванные родственники, послѣ обычнаго привѣтствія, по приглашенію хозяина, садятся за накрытый столъ. Сначала садятся безъ мольбы, т. е. не молясь Богу. При этомъ строго соблюдается слѣдующій порядокъ: въ передній уголъ садится, виновникъ торжества, напр., пришедшій со службы родственникъ; вправо отъ него разсаживаются мужчины, соблюдая при этомъ старшинство,—старшій садится ближе къ переднему углу; влѣво такимъ же образомъ разсаживаются женщины. Хозяинъ, хозяйка и вообще ближайшіе члены семейства за столъ покамѣсть не садятся. Когда гости разсядутся и на столъ подадутъ горячія кушанья, хозяинъ, наливъ полныя рюмки водки, приглашаетъ гостей помолиться Богу. Послѣ этого приглашенія занимаетъ мѣсто онъ самъ, хозяйка и всѣ другіе члены семьи. На минуту водворяется тишина, потомъ встаютъ всѣ вдругъ и начинаютъ молиться. Соблюдаемыя при этомъ два правила обращаютъ на себя вниманіе. Первое состоитъ въ томъ, что когда садятся предъ молитвой, то строго наблюдаютъ, чтобы никто не сидѣлъ около печки; второе—чтобы дверь во время молитвы непременно была затворена, при чемъ притворившій придерживаетъ ее рукою. Первое правило,

по объясненію казаковъ, соблюдается затѣмъ, чтобы гости не были печальны. Что же касается того, почему непременно должна быть затворена дверь, никто изъ казаковъ не могъ мнѣ дать другого объясненія, кромѣ того, что „такъ заведено изъ предковъ“. Это же правило соблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напр., при проводахъ кого нибудь въ дальнюю дорогу.

Послѣ молитвы старшій изъ гостей, сидящій въ переднемъ углу или ближе всѣхъ къ нему, произноситъ: „Богъ благословитъ хорошія дѣла творить“. И пиръ начинается. Сначала выпиваетъ самъ хозяинъ, потомъ подноситъ женѣ своей и остальнымъ членамъ семьи, а затѣмъ уже подноситъ гостямъ, начиная съ передняго угла. По обычаю, всякій взявшій рюмку, прежде чѣмъ выпить, долженъ поклониться хозяину и хозяйкѣ, называя ихъ по отчеству, а затѣмъ всей компаніи на три стороны, если она большая, если же не большая, то каждому въ отдѣльности, также называя по отчеству. Когда пьетъ хозяинъ, онъ прежде всего кланяется женѣ своей, называя ее по отчеству, а потомъ остальнымъ, не исключая и своей семьи. Если тотъ, кому кланяются, не замѣчаетъ этого, то требуется кланяться во второй, третій разъ и вообще до тѣхъ поръ, пока онъ не замѣтитъ и не отвѣтитъ на поклонъ поклономъ. При этихъ поклонахъ или ничего не произносится, или же высказываются пожеланія здоровья. Послѣ первой рюмки приступаютъ къ обѣду.

Здѣсь кстати замѣтимъ о содержаніи казацкаго обѣда во время гуляній. Онъ отличается большимъ обиліемъ. Его меню по количеству блюдъ съ успѣхомъ можетъ конкурировать съ меню столичныхъ торжественныхъ обѣдовъ. Число кушаній не менѣ десяти и нерѣдко бываетъ болѣе 15; это обиліе объясняется тѣмъ, что въ каждомъ хозяйствѣ есть въ избыткѣ все необходимое для обѣда. При этомъ выпивается огромное количество водки, о чемъ можно судить по тому, что на свадьбу, напр., казакъ средней руки запасаетъ не менѣ 15 ведеръ водки и трехъ ведеръ вина, а въ урожай-

ные годы, говорятъ, эта цифра доходить до 20 и даже болѣе.

Послѣ первой рюмки хозяинъ снова начинаетъ обносить гостей водкой. Такъ какъ рюмокъ на столѣ обыкновенно бываетъ немного—двѣ-три, то пока хозяинъ отъ старшаго дойдетъ до младшаго, уже достаточно времени проходить, чтобы снова начать потчевать гостей. Такимъ образомъ сначала гулянье въ томъ только и состоитъ, что гости ѣдятъ и бесѣдуютъ, а хозяинъ обносить ихъ водкой. Потомъ беседа по мѣрѣ выпитой водки становится оживленнѣе и шумнѣе; далѣе кто нибудь затягиваетъ казацкую пѣсню, ее подхватываютъ другіе, говоръ усиливается, и въ комнатѣ водворяется шумъ. Наконецъ, затягиваютъ плясовую, выступаютъ плясуны, которые, ставъ другъ противъ друга, попеременно начинаютъ плясать, вводя каждый разъ новое колѣно (фигуру). Этимъ колѣнамъ и счету нѣтъ: пляшутъ на ногахъ, пляшутъ на животѣ, пляшутъ на спинѣ и даже на головѣ, а именно: когда продѣлаютъ обыкновенныя фигуры, одинъ изъ плясуновъ становится на голову и выдѣлываетъ ногами подъ пѣніе разныя фигуры. Пиръ становится еще оживленнѣе: говоръ усиливается, пѣсни поются громче и менѣе стройно, число плясуновъ увеличивается, а хозяинъ все подноситъ гостямъ, начиная съ старшаго и кончая младшимъ и снова начиная съ старшаго. Наконецъ всѣ гости вмѣстѣ съ хозяиномъ хмѣлѣютъ, и изъ тихой родственной компаніи образуется шумная оргія, въ которой всѣ поютъ, иногда по нѣскольку пѣсень сразу, всѣ пляшутъ, „кто на что гораздъ“, а хозяинъ не перестаетъ обносить гостей, строго соблюдая старшинство.

Такъ гулянье продолжается иногда съ утра до поздней ночи. Наконецъ, утомленные гости поднимаются всѣ сразу и начинаютъ съ шумомъ и пѣснями расходиться. При самомъ уходѣ иногда поютъ:

Спасибо хозяину,

Наварилъ пива много:

Спасибо богатому!

На кабацкую мѣру,

На казацкую вѣру.

Хозяинъ съ хозяйкой провожаютъ гостей за ворота и здѣсь приглашаютъ ихъ къ себѣ на слѣдующій день опохмѣлиться.

На другой день тѣ-же гости собираются у того-же хозяина и опохмѣляются. Здѣсь, „кто роднѣе всѣхъ“ хозяину или виновнику торжества, приглашаетъ къ себѣ компанію, и начинается „хождение по себѣ“, или, какъ говорить, „пошли по себѣ“.

Каждый участвующій въ гуляньи, по обычаю, долженъ пригласить къ себѣ всю компанію. Обычай этотъ настолько строго соблюдается, что если кто не можетъ принять у себя гуляющую компанію, то заранѣе совсѣмъ отказывается отъ гулянья, и никакія просьбы здѣсь не имѣютъ силы. Поэтому совершенно справедливо говорятъ казаки: „Горе справлять свадьбы въ неурожайные годы: самъ тратишься изъ послѣдняго, а тутъ никого не дозовешься; никто изъ родни нейдетъ, чужихъ звать нельзя, а безъ народу что-за свадьба?“

Во время „ходженій по себѣ“ въ каждомъ домѣ бываетъ то-же, что было въ первомъ: тотъ-же многосложный обѣдъ, то-же очередное угощенье, тѣ-же пѣсни, плясъ и т. д., съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь гуляютъ не цѣлый день, а нѣсколько часовъ. Обыкновенно, отобѣдавъ, идутъ къ другому, гдѣ повторяется то-же самое. Иногда заранѣе условливаются, чтобы въ каждомъ домѣ выпивать двѣ-три рюмки; при этомъ обѣдъ разумѣется самъ собой. Въ день обходятъ самое большое пять домовъ.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ при „ходженіяхъ по себѣ“ одинъ изъ участвующихъ носить пучекъ куги (болотное, безлистное, губчатое растеніе), и когда кто-нибудь провинится, его сѣкутъ этой кугой по всѣмъ правиламъ искусства. Такъ какъ сѣченіе кугою не сопровождается никакою болью, то это продѣлывается больше для шутки. Иногда даже положить кому-нибудь въ карманъ ложку или ножъ и, уличивъ въ воровствѣ, начинаютъ сѣчь кугою. По рассказамъ казаковъ, въ старину за провинности сѣгли какъ слѣ-

дуетъ, такъ что этотъ обычай въ настоящее время является переживаніемъ стараго.

Кромѣ того, при этихъ хожденіяхъ существуетъ другой болѣе интересный обычай. Когда компанія подходитъ къ дому, куда она приглашена, хозяинъ этого дома запираетъ ворота и уходитъ въ домъ. Гости, подойдя къ запертымъ воротамъ, продолжаютъ пѣть, плясать и вызываютъ хозяйина. Онъ нѣкоторое время не показывается, потомъ выходитъ съ палкой, отворяетъ калитку и предлагаетъ гостямъ проходить мимо. Послѣ этого отворяются большія ворота, выходитъ хозяйка съ подносомъ въ рукахъ и за воротами начинаетъ потчевать гостей, а потомъ всѣхъ ихъ приглашаетъ въ домъ.

Этотъ обычай запирается предъ гостями при „хожденіяхъ по себѣ“ не всегда продѣлывается, но онъ неизбѣжно соблюдается во время свадьбы, при такъ называемыхъ „курникахъ“, гдѣ онъ имѣетъ смыслъ и свое особое объясненіе.

Такъ какъ объ обрядѣ „курники“ нигдѣ, кажется, не упоминалось въ печати, то я скажу о немъ нѣсколько словъ.

Послѣ вѣнчанія молодые отправляются въ домъ родителей новобрачнаго; родственники же новобрачной идутъ въ домъ ея родителей и, захвативъ здѣсь узелки съ разными кушаньями, преимущественно съ жареными курами (откуда и самое названіе обряда), отправляются въ домъ родителей новобрачнаго. Когда они съ пѣснями подходятъ къ дому, въ которомъ находятся новобрачные, то ворота, до этого времени отпертыя, затворяются и здѣсь происходитъ приблизительно такой разговоръ:

— „Что вы за люди и что вамъ надобно?“—спрашиваетъ хозяинъ.

— „Мы люди странніе, потеряли куницу, по слѣдамъ нѣли, да къ вамъ и пришли. Нѣтъ ли у васъ куницы или красной дѣвицы?“

— „Никакой у насъ нѣтъ ни куницы, ни красной дѣвицы; прошу проходить мимо“, и пр.

Послѣ этого отворяются ворота, выходитъ хозяйка,

угощаетъ гостей и приглашаетъ въ домъ. Изъ этого обряда, вѣроятно, и взятъ обычай запираеть предъ гостями ворота при „хожденіяхъ по себѣ“.

Итакъ, военный и строго родственный характеръ гуляній, „хождение по себѣ“, сопровождаемое запираніемъ воротъ предъ гостями, и суевѣрія относительно сидѣнія около печки и необходимости во время мольбы затворять дверь — вотъ что составляетъ особенности частныхъ гуляній.

Перейдемъ теперь къ общественнымъ гуляньямъ, т. е. такимъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ желающіе за исключеніемъ „русскихъ“, т. е. иногородныхъ, къ которымъ казаки вообще относятся недружелюбно. Къ гуляньямъ этого рода относятся: гулянья на престольный праздникъ, хождение со знаменемъ на масляницѣ, ссыпки, игрища и другія. Скажемъ нѣсколько словъ о ссыпкахъ, которыя являются типомъ большинства общественныхъ гульбищъ.

Подъ „ссыпками“ разумѣются гулянья на Троицынъ день. Встарину, по рассказамъ казаковъ, эти ссыпки обыкновенно происходили на лугу, куда на Троицынъ день выходили всѣ отъ мала до велика. Здѣсь разбивались на три круга: малолѣтнихъ, взрослыхъ и стариковъ, и происходилъ общественный пиръ, въ которомъ всѣ участвовали припасами или деньгами. Малолѣтнихъ угощали обѣдомъ и сладкимъ виномъ, заставляя ихъ плясать для потѣхи; взрослые пили, ѣли и плясали; старые пили, ѣли и вели бесѣду.

Во всѣхъ этихъ кругахъ женщины принимали одинаковое участіе и только вечеромъ, забравъ малолѣтнихъ, уходили въ станицу, мужчины же оставались въ лугу, пировали до поздней ночи и здѣсь же оставались ночевать. На другой день жены ихъ утромъ приходили сюда, принося съ собою блюда съ разными кушаньями. Онѣ отыскивали по кустамъ и оврагамъ своихъ мужей, будили ихъ, приводили въ кругъ, и пиръ снова начинался. При этомъ, само собою понятно, происходили какія нибудь военныя упражненія, которыя обыкновенно сопровождаютъ всякое торжество у казаковъ.

Въ настоящее время ссыпки эти происходятъ въ самыхъ

станицахъ и состоятъ въ томъ, что всѣ участвующіе складываются по нѣсколько копеекъ (отъ 15 до 40), покупаютъ водки и съ пѣснями и пляской ходятъ по улицамъ, подходя къ домамъ господъ и зажиточныхъ казаковъ, которые обыкновенно дарятъ ихъ деньгами, за что ихъ качаютъ. Къ вечеру компанія приходитъ въ заранѣ нанятый домъ и здѣсь пируетъ до поздняго вечера. Въ ссыпкахъ этихъ принимаютъ участіе преимущественно взрослые казаки, а также небольшое количество стариковъ; женщины принимаютъ участіе не всегда; малолѣтнихъ вовсе нѣтъ, а если и бываютъ, то только въ качествѣ зрителей. Впрочемъ, малолѣтніе (отъ 10 до 16 лѣтъ) казачата въ подражаніе взрослымъ устраиваютъ иногда свою собственную ссыпку. Они сходятся въ какомъ-нибудь мѣстѣ, приносятъ сюда закуску, преимущественно яйца, покупаютъ на общія деньги водки, пьютъ, потомъ поютъ пѣсни и пляшутъ, но по улицамъ не ходятъ, какъ это дѣлаютъ настоящіе ссыпщики.

Эти ссыпки представляютъ интересъ по своей внутренней организаціи. Казаки, начавъ свое историческое существованіе въ военномъ строѣ и не покидая его вплоть до настоящаго времени, до того свыклись съ порядкомъ и дисциплиной, что, какъ только собирается нѣсколько человекъ, для гулянья ли или для какого либо иного предпріятія, они тотчасъ по тому или иному образцу вводятъ строгій порядокъ, распредѣляя различныя обязанности между разными лицами и выбирая изъ среды своей предводителя, атамана. Такъ и въ ссыпкахъ. Въ нихъ всецѣло отражается общественный строй казацкихъ общинъ. Здѣсь есть атаманъ, его помощникъ, судья, писарь, казначей и другія должностныя лица. Всѣ они избираются такъ-же, какъ и настоящія должностныя лица: кто-нибудь предлагаетъ кандидата, его принимаютъ возгласомъ: „въ добрый часъ!“ или отвергаютъ крикомъ: „не надо!“ Прежде всего выбираютъ писаря и казначея, когда начинаютъ только собираться; потомъ, когда соберется уже достаточно народу, выбираютъ атамана, каковымъ избирается изъ году въ годъ одно и то-же лицо, из-

вѣстное своею опытностью; за отсутствіемъ же его обыкновенно выбираютъ того, кто въ предшествующіе годы ходилъ помощникомъ атамана ссыпки. Затѣмъ, при участіи атамана выбираютъ его помощника, судей, по большей части трехъ, и другихъ должностныхъ лицъ.

Въ чемъ же однако заключаются права и обязанности этихъ лицъ? Атаманъ, по словамъ самихъ казаковъ, обладается такою же властью, какъ и настоящій. Онъ—глава ссыпки, слѣдитъ за порядкомъ, командуетъ ссыпкой, направляя ее то въ ту, то въ иную сторону, посылаетъ гонцовъ, по его приказанію начинаютъ подносить угощенія, онъ открываетъ и прекращаетъ ссыпку, наконецъ онъ въ случаѣ отсутствія судей творитъ судъ и расправу. Какъ судья, онъ пользуется обширными правами: онъ можетъ исключить виновнаго изъ ссыпки, наложить на него штрафъ и даже посадить подъ арестъ. Атаману должны подчиняться всѣ безпрекословно, хотя бы въ ссыпкѣ былъ его отецъ и даже настоящій атаманъ. Власть его ограничивается только общимъ собраніемъ. О всякомъ важномъ вопросѣ, прежде чѣмъ рѣшить его, атаманъ долженъ посоветоваться съ собраніемъ, преимущественно съ стариками. Такъ, о прекращеніи ссыпки онъ сначала совѣтуется съ стариками, потомъ уже объявляетъ объ окончаніи ссыпки и началъ слѣдующей. Такимъ образомъ, по возрѣнію казаковъ, атаманъ ссыпки представляется властью серьезной и съ обширными полномочіями. Правда, въ дѣйствительности эта власть въ настоящее время со всею силою не проявляется изъ опасенія отвѣтственности; такъ, напр., атаманъ не сажаетъ теперь подъ арестъ, ограничиваясь штрафомъ въ видѣ бутылки воды. Но можно думать, что въ старое былое время, когда въ ссыпкахъ принимали участіе всѣ безъ исключенія, ссыпочный атаманъ на время смѣнялъ настоящаго.

Что касается функцій остальныхъ должностей на ссыпкѣ, то онѣ понятны сами собой. Помощникъ атамана помогаетъ послѣднему и замѣщаетъ его во время отсутствія; кромѣ того,

онъ часто завѣдуетъ угощеніемъ, т. е. подносить водку, при чемъ по обычаю самъ выпиваетъ первый, потомъ подноситъ атаману и затѣмъ уже остальнымъ, начиная со старшаго и кончая младшимъ. Судьи творятъ судъ. Большею частью они разбираютъ дѣла о ссорахъ, дракахъ, обидахъ и пр. Когда, напр., произойдетъ въ ссыпкѣ драка, атаманъ тотчасъ прекращаетъ ее и виновныхъ передаетъ судьямъ, а за неимѣніемъ ихъ самъ судитъ. Судьи, получивъ дѣло, отходятъ въ сторону, допрашиваютъ виновныхъ, опредѣляютъ, кто изъ нихъ первый началъ и изъ-за чего; потомъ допрашиваютъ свидѣтелей; послѣ этого произносятъ приговоръ, который по большей части заключается въ наложеніи штрафа — покупки водки. Приговору судей обыкновенно подчиняются добровольно, и вопросъ о томъ, какъ поступаютъ, когда приговоренный не подчиняется рѣшенію судей, кажется казакамъ страннымъ; они обыкновенно на это отвѣчаютъ: „какъ же онъ не подчинится? этого нельзя“. Далѣе, писарь записываетъ взносы, казначей хранитъ деньги, собранныя для гульбища и пр.

На третій день Троицы вечеромъ производится провѣрка суммъ, и если остаются деньги, то ихъ дѣлятъ поровну между участвующими, или же рѣшаютъ прогулять ихъ на четвертый день. При этомъ, если окажется недочетъ въ деньгахъ и если казначей не внесетъ недостающей суммы тотчасъ, то съ него обыкновенно снимаютъ мундиръ и не возвращаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пополнитъ кассу.

Таковы ссыпки и такова ихъ организація.

Благодаря такой организаціи, ссыпки отличаются своимъ порядкомъ и приличіемъ; здѣсь рѣдко услышишь брань, ссоры и ругань, не смотря на то, что до нея казаки большіе охотники.

А. Назминъ.

Семейная община у грузинъ.

(Диди—оджахи *).

Семейная община встрѣчается у грузинъ съ самаго древняго времени. Ранніе грузинскіе источники повѣствуютъ о томъ, что грузины жили „мамасахлисами“, т. е. патриархальными, родовыми общинами. Большими семьями жило прежде какъ высшее дворянское, такъ и нисшее крестьянское сословіе. Число такихъ семей со временемъ стало все уменьшаться и дошло до того, что теперь большихъ семей въ высшемъ сословіи не встрѣчается, а въ крестьянскомъ онѣ доживаютъ послѣдніе дни.

Измѣненіе экономическаго хозяйства, отмена крѣпостного права, реформа суда и мѣстнаго управленія въ Грузіи, возникновеніе въ странѣ удобствъ передвиженія и масса другихъ причинъ способствовали быстрому распаденію семейныхъ общинъ у грузинъ за послѣднее время и замѣтной ихъ индивидуализаціи. Вдали отъ шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, вдали отъ торговыхъ мѣстъ, въ заброшенныхъ уголкахъ Кавказа—вотъ гдѣ еще и теперь можно встрѣтить деревни съ семейными общинами. Но и здѣсь такой видъ сожителства удержался лишь въ видѣ переживанія.

Насколько намъ извѣстно, никто спеціально не занимался изслѣдованіемъ этого вида сожителства грузинъ; по крайней мѣрѣ ни въ русской, ни въ грузинской литературѣ мы

*) Свѣдѣнія собраны авторомъ лѣтомъ 1888 года въ Горійскомъ уездѣ, Тифлисской губерніи (въ Каргаланин). См. протоколъ 75-го засѣданія (8 мая, 1889) Этнографическаго Отдѣла Имп. Общ. л. Вост. и Этнogr.

не могли отыскать ни одной статьи, посвященной этому интереснѣйшему во многихъ отношеніяхъ вопросу.

Профессоръ М. М. Ковалевскій указываетъ на существованіе такого вида семьи у кавказскихъ осетинъ въ своемъ сочиненіи „Современный обычай и древній законъ“ (М. 1886 года). У того же автора въ маленькомъ очеркѣ подъ заглавіемъ „Пшавы“ разбирается семья пшавовъ, грузинскаго племени, у которыхъ также удержалась жизнь большими семьями (см. „Юридическій Вѣстникъ“ за 1888 г., февраль). Вотъ и все, что намъ по крайней мѣрѣ извѣстно. Въ виду этого, можетъ быть, не безынтересны будутъ сообщаемыя ниже свѣдѣнія, собранныя нами.

Большая грузинская семья представляетъ нѣсколько брачныхъ четъ, связанныхъ между собою агнатнымъ родствомъ и живущихъ въ одной общей избѣ—*дарбазъ*. Число агнатовъ въ семьѣ достигаетъ часто до 30, 50, а прежде оно доходило до 100 и болѣе душъ. Въ семьѣ кромѣ агнатовъ могъ жить и усыновленный: когда членъ семьи по какимъ либо причинамъ оставался бездѣтнымъ, то онъ могъ усыновить когонибудь со стороны, и тогда послѣдній принимался въ домъ усыновителя съ такими же правами и преимуществами, какъ если бы онъ былъ естественнымъ сыномъ усыновителя ¹⁾. Въ современной же общинѣ грузинъ, кромѣ кровныхъ родственникововъ, иногда живетъ такъ называемый *зедсидзе* (зять—пріемышъ), который принимается въ большую семью или тогда, когда въ домѣ не остается больше женщинъ, или если и остаются женщины, то однѣ только старухи, неспособныя къ труду. На принятое такимъ образомъ лицо смотрятъ въ домѣ, какъ на кровнаго своего сочлена.

Указывали намъ на бывшія семейныя общины, гдѣ число взрослыхъ членовъ мужского пола, способныхъ работать, доходило до 30 и болѣе; напримѣръ, такова была семья Чедлишвили въ селѣ Никози, Горійскаго уѣзда.

¹⁾ См. Законы царя Вахтанга (Тифлясь, 1885 г.); тамъ же законы Агбуга, стат. 60, примѣчаніе.—Объ усыновленіи см. упоминающую статью М. М. Ковалевскаго въ Юрид. Вѣстникѣ.

Большая грузинская семья — *диди-адашани* — живетъ, какъ мы сказали выше, въ одной избѣ, называемой *дарбази*, — тоже, что у кавказскихъ осетинъ *хадзарь* ²⁾. Это огромной величины изба каменная или деревянная ³⁾. Словомъ *дарбази* грузины выражаютъ какъ понятіе всего дома, всей избы, такъ и огромной комнаты, которая занимаетъ больше половины всего жилища и въ которой всѣ члены семьи проводятъ день и ночь. Вся большая семья живетъ въ этой комнатѣ, хотя бы община имѣла и другія помѣщенія; тутъ она спитъ, варитъ пищу, обѣдаетъ и проч. Въ этомъ случаѣ грузинскій „дарбази“ отличается отъ осетинскаго „хадзарь“, къ которому пристраивается рядъ помѣщений „уатъ“ (спальни) для отдѣльныхъ семей, входящихъ въ составъ двора ⁴⁾; въ „дарбази“ у грузинъ такихъ построекъ не встрѣчается. Съ размноженіемъ семьи увеличиваются лишь размѣры „дарбази“, а не перемѣщается часть ея въ другую избу или комнату. На вопросъ, чѣмъ вызвано такое сплоченіе въ одной хотя бы и такой огромной комнатѣ, каковъ грузинскій „дарбази“, старѣйшины отвѣчали, что этимъ устраняется возможность утайки общаго добра, что жизнь на виду всѣхъ предупреждаетъ раздоры между отдѣльными членами семьи, сплетни и лѣнь. Не удивительно послѣ этого, до какихъ громадныхъ размѣровъ достигали прежде „дарбази“, вмѣщавшіе въ себѣ 100 и болѣе душъ обоюго пола и дѣтей. Одна старуха увѣряла, что она знала крестьянскую большую семью, въ „дарбази“ которой одновременно стояло 25 люлекъ ⁵⁾.

Сплоченная такимъ образомъ въ одной избѣ семья управляется старѣйшинами какъ въ мужской, такъ и въ женской

²⁾ См. М. Ковилевскаго „Современный обычай и древній законъ.“ I, 74—75.

³⁾ Прежде „дарбази“ строили и въ землѣ, такъ что надъ поверхностью ея возвышались лишь трубы ихъ—*ардо*, черезъ которыя вышускался дымъ отъ средняго очага и проникалъ свѣтъ въ „дарбази“. Были деревни, застроенныя исключительно такими „дарбазиами“; въ нихъ лишь эти трубы (*ардо*) давали знать, что здѣсь находятся жилища людей.

⁴⁾ М. Ковилевскій. Современ. обычай и древн. зак., т. I, стр. 75.

⁵⁾ Въ сел. Набахтеви, Горійскаго уѣзда, семья крестьянъ Себискеварадзе.

половинѣ, и она слѣдовательно дѣлится на двѣ большія группы: на мужскую и женскую. Для каждой половины семьи выбирается по старѣйшинѣ, при чемъ выборный въ мужской половинѣ—*упроси-каци*, подобно сербскому *domicin*'у и пшавскому *мамакаци*, является представителемъ во внѣшнихъ дѣлахъ общины; выбранная же въ женской половинѣ—*упроси-кали*, какъ въ сербской общинѣ *domasica* и въ пшавской *дасаклиси*, отвѣтственна за внутренній порядокъ дома ⁶⁾.

Какъ при выборѣ *упроси-каци*, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „глава, старѣйшина дома“, то-же, что осетинскій *хицау* ⁷⁾, пшавскій *мама-каци*, сербскій *domicin*, южно-славянскій *маваръ* и *набольшій*, а въ русской семьѣ *большакъ*,—такъ и въ избраніи *упроси-кали*—старѣйшины, главы-женщины дома, аналогичной съ осетинской *авсинъ* (мать), пшавской *дасаклиси*, славянской *домачихъ* или *старѣйшихъ*, русской *большухъ*,—принимаютъ участіе всѣ совершеннолѣтніе члены семьи, при чемъ каждый членъ дыма, безъ различія пола и положенія въ семьѣ, пользуется равнымъ правомъ голоса.

Старѣйшинами дома (*упроси-каци* и *упроси-кали*) выбираются изъ числа всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины самые трудолюбивые, дѣловитые, толковые, пользующіеся уваженіемъ и добрымъ именемъ и обходительные ⁸⁾. Главную роль при выборахъ играютъ личныя качества выбираемыхъ; напротивъ, возрастъ или положеніе лица въ семьѣ не имѣютъ вліянія на результатъ выбора подобно тому, что мы видимъ въ осетинской или сербской общинѣ, во главѣ которыхъ обыкновенно имѣются старшіе по возрасту. Такимъ образомъ въ грузинской семейной общинѣ главою

⁶⁾ О сербской общинѣ см. „Обычное право южныхъ славянъ“ по изслѣдованіямъ д-ра Вогишича, соч. Теодора Демелича, перев. съ франц. В. Герцевича М. 1886 г. О пшавцахъ—въ „Юрид. В.“, 1888, II.—Эти двѣ работы выйдутъ въ свѣтъ и ниже, гдѣ рѣчь заходитъ о южныхъ славянахъ или о пшавцахъ.

⁷⁾ См. Коваленскіаго, „Совр. обыч. и древн. законовъ“.

⁸⁾ Тавныя же почти качества руководствуются пшавы при выборѣ своихъ старѣйшинъ. См. „Юрид. В.“ 1888, вв. II.

можетъ быть выбранъ и парень помимо отца семейства, ³⁾ а въ „упроси-кали“ дома можетъ быть выбрана дѣвушка помимо старухи-матери. Все зависитъ отъ личныхъ качествъ лица. Правда, въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что старѣйшинами дома въ большой семьѣ грузинъ являются старшіе по возрасту, но такое явленіе нужно разсматривать какъ случайное совпаденіе: болѣе пожилой обыкновенно бываетъ болѣе опытнымъ и пользуется больше другихъ членовъ семьи авторитетомъ въ такой средѣ, каковъ грузинскій народъ. Не маловажную роль играетъ при выборахъ и грамотность, которая иногда занимаетъ даже первое мѣсто между перечисленными качествами (напримѣръ, глава въ большой семьѣ Эдилашвили, въ сел. Брети, глава въ б. семьѣ Гогичашвили, въ сел. Карели).

Выборъ главы дыма предполагается пожизненнымъ, но это обстоятельство однако же не мѣшаетъ смѣстить его съ должности въ случаѣ явнаго злоупотребленія имъ своею властью или неспособности, — смѣстить его, когда, по выраженію народа, „видны въ домѣ только расходы, а доходы отсутствуютъ“.

Такое правило имѣетъ мѣсто и по отношенію къ главѣ-женщинѣ.

Говоря о *діасахлиси* въ семьѣ пшавовъ, профессоръ Ковалевскій замѣчаетъ, что „главенство предоставляется *ежеодно* одной изъ невѣстокъ“. Если предоставленіе главенства разумѣется въ смыслѣ избранія, то относительно *ежеодно* избранія „діасахлиси“ (въ прямомъ смыслѣ — хозяйка дома) въ значеніи старѣйшины семьи осмѣливаемся сомнѣваться. Тутъ, какъ намъ кажется, произошла слѣдующая ошибка: „діасахлиси“ назначаетъ одну изъ невѣстокъ хозяйкою (или ее выбираетъ вся семья) на одинъ годъ и выдаетъ ей провизію и все необходимое для потребленія, какъ это бываетъ

³⁾ Срав. сочин. Г л ѣ б а У с и е н с к и г о. „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“: „... Не всегда старшій въ семьѣ бываетъ и большакомъ: иногда съ сгласія міра, большакомъ ставится младшій, но талантливѣйшій, способнѣйшій“... („Не суйся!“ Т. II послѣд. изд.).

и въ грузинской семьѣ, гдѣ „упроси-каки“ назначаетъ по очереди одну изъ женщинъ хозяйкою (діасахлиси) или же она выбирается всею семьей (оба способа практикуются у грузинъ)—на день, на недѣлю или на болѣе продолжительное время; на обязанности этой „діасахлиси“ лежитъ отправленіе мелкихъ дѣлъ по хозяйству, какъ-то: чистка „дарбази“, стрипанье кушанья, встрѣча гостей и пр. Въ пшавской семьѣ „діасахлиси“, быть можетъ, выбирается для той же дѣли на одинъ годъ; выбранная женщина можетъ носить названіе „діасахлиси“, т. е. хозяйки дома, ибо она таковою и является, но „діасахлиси“ какъ хозяйка дома отъ „діасахлиси“ въ значеніи старѣйшины дыма рѣзко различается, что особенно ясно изъ различія грузинскихъ названій: „упроси-каки“—старѣйшина дыма, и „діасахлиси“—хозяйка. Словомъ, нельзя допустить, чтобы выбранная женщина-старѣйшина у пшавовъ отправляла свою должность всего одинъ годъ. Этому противорѣчитъ какъ организація одноплеменной семьи грузинъ, такъ и строй осетинскихъ, а равно и южно-славянскихъ общинъ, во главѣ которыхъ стоятъ выборные пожизненно.

Когда „упроси-каки“ выбранъ въ домъ, всѣ члены семьи обязаны питать къ нему уваженіе, подчиняться ему и безпрекословно исполнять его распоряженія. О такомъ выборѣ узнаютъ и въ деревнѣ, и домъ начинаетъ носить названіе по имени выбраннаго главы; такъ, на примѣръ, если старѣйшиною дыма выбранъ Петръ, то домъ получаетъ названіе „Петриантъ оджахи“, т. е. семья Петра. Такъ однако называютъ домъ ближайшіе сосѣди, односельцы; окольные же жители все еще удерживаютъ за нимъ названіе по имени перваго основателя семьи, часто съ прибавленіемъ и фамиліи.

Въ Карталиніи, да и въ другихъ частяхъ Грузіи, часто можно встрѣтить деревни, въ которыхъ живутъ только однофамильцы. Эти деревни, какъ показываетъ и названіе ихъ *карм* (дворъ) или *убани*, образовались изъ распавшихся большихъ грузинскихъ семей. Такъ, не далеко отъ селенія

Брети, въ Горійскомъ уѣздѣ, находится деревня Эдилашвилі-антъ-кари, гдѣ живетъ одна только фамилія Эдилашвили ¹⁰⁾.

Возникновеніе семейныхъ общинъ у грузинъ, какъ и происхожденіе всѣхъ вообще однохарактерныхъ съ даннымъ видомъ сожителства агнатовъ, можно объяснить какъ съ одной стороны религіознымъ представленіемъ грузинъ о необходимости поддержанія религіознаго культа (почитанія предковъ), такъ съ другой тѣми экономическими условіями, среди которыхъ приходится жить грузину. Занимая удобныя мѣста для земледѣлія и винодѣлія, жители Грузіи издавна занимаются этими видами промышленности. Глубокій и жирный черноземъ страны съ его своеобразною оранкою требуетъ однако же много рабочихъ рукъ и скота. Чтобы обработать землю, земледѣлецъ составляетъ *цутами* (плугъ съ многоголовою упряжью) изъ 8 паръ буйволовъ и быковъ и по крайней мѣрѣ 4 рабочихъ, ¹¹⁾ и только съ такими силами онъ можетъ вспахать землю. А сколько труда и усилій при дальнѣйшемъ ея воздѣлываніи! Не мало рабочихъ рукъ и времени требуетъ и воздѣлываніе виноградника.

Благодаря такого рода занятіямъ, семейная община грузинъ нашла твердую почву для прочнаго и неизблемаго существованія. Выгоду такой организациі семьи понимало и грузинское правительство, которое старалось препятствовать дробленію ея. Статья 98-я законовъ царя Вахтанга прямо говоритъ, что „царь или господинъ всѣми мѣрами долженъ всячески стараться посредствомъ увѣщанія старшихъ, угрозъ младшимъ или наказанія посѣвующихъ между ними раздоръ умиротворить ихъ и отклонить отъ раздѣла“ ¹²⁾. Крестьяне и теперъ сознаютъ выгоду такой ссмы: по ихъ

¹⁰⁾ О нѣкоторыхъ названіяхъ селеній на Кавказѣ см. у М. Комалевскаго „Современный обычай и древн. законъ“; въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи — у Богашича.

¹¹⁾ См. объ этомъ въ ефельтонахъ грузинской газеты „Дровба“ и въ „Матеріалахъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“.

¹²⁾ См. „Законы царя Вахтанга“ Тбились 1885 г., ст. 98.

миѣнію, чѣмъ больше членовъ въ домѣ, тѣмъ онъ считается счастливѣе, такъ какъ въ немъ можно найти обезпеченную и безмятежную жизнь. Отсюда естественно, что грузины, по тѣмъ же причинамъ, какъ и пшавы, смотрятъ на раздѣлы недружелюбно: по ихъ понятіямъ, семья отъ нихъ необходимо должна придти въ упадокъ.

Такъ какъ все имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, считается достояніемъ всей большой семьи, то никто изъ ея членовъ не имѣетъ личной собственности. „По прежнему обычаю,—читаемъ въ законахъ царя Вахтанга,—пока братья не раздѣлены, и печаль и радость, и выгода и невыгода, и потеря и приобрѣтеніе, и жалованное и отнятое—все есть общее между ними“¹³⁾. Исключеніемъ является приданое невѣсты, которое обыкновенно составляютъ деньги, скоть, большею частью корова, одна или нѣсколько, постель и коверъ. Приданое составляетъ отдѣльную собственность женщины; деньги составляютъ ея личный капиталъ подъ названіемъ *сатавно*. Приданнымъ женщина распоряжается самостоятельно: ни семья, ни мужъ не имѣютъ никакого участія въ немъ. Деньги могутъ быть пущены ею въ оборотъ, и процентами съ нихъ можетъ быть увеличиваемо „сатавно“; животное же она можетъ продать и вырученными отъ продажи деньгами опять-таки увеличить „сатавно“. Въ послѣднемъ случаѣ приплодъ она должна дѣлить съ семьей: одну половину получаетъ женщина-собственница, а другая поступаетъ въ собственность семьи, на счетъ которой кормилось животное. Женщина можетъ еще увеличить свое „сатавно“ такъ называемыми учительскими деньгами—*саостато*. „Саостато“ означаетъ слѣдующее: если женщина грамотная и беретъ ученицу изъ какой либо семьи для обученія ея грамотѣ, то вознагражденіе за учительство—„саостато“—она получаетъ впоследствии отъ жениха своей ученицы деньгами, по меньшей мѣрѣ три рубля. Мужская же половина вовсе не имѣетъ никакой отдѣльной собственности.

¹³⁾ Ibid., статья 109.

Общимъ добромъ дыма управляютъ оба старѣйшины, на обязанности которыхъ лежитъ какъ матеріальная забота, такъ и нравственное попеченіе о всей семьѣ. Они являются въ домѣ хранителями добра, справедливости и порядка. Старѣйшины, какъ добрые родители, имѣютъ заботу о всѣхъ членахъ семьи; они слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ домѣ никто не терпѣлъ угнетенія, обиды или униженія; они же входятъ въ положеніе и нужды младшихъ и являются на помощь нуждающемуся сочлену. Выбранные главы не должны оказывать преимущества одному члену передъ другими, а должны быть одинаково справедливыми со всѣми, ласковыми и обходительными. Таковы требованія, предъявляемые семейною общиною грузинъ къ своимъ старѣйшинамъ; таковъ идеалъ послѣднихъ.

Во имя справедливости въ домѣ соблюдается очередь какъ въ удовлетвореніи матеріальныхъ, такъ и духовныхъ потребностей сочленовъ, и такой принципъ въ семьѣ грузинъ проводится съ замѣчательною послѣдовательностью. Такъ, напр., одежда покупается для членовъ семьи по очереди: кто сшилъ себѣ платье, тотъ можетъ надѣяться на новую пару лишь послѣ того, какъ всѣ остальные въ домѣ лица приобрѣтутъ по платью. То-же самое бываетъ и относительно пищи: если кому въ домѣ случилось полакомиться вкуснымъ блюдомъ, въ видѣ, наприм., курицы, тотъ не раньше можетъ ожидать для себя повторенія этого удовольствія, какъ когда всѣ остальные члены семьи испытаютъ то-же самое. Та-же очередь сохраняется и при удовлетвореніи религіозныхъ потребностей, напримѣръ, относительно хожденія на храмовые праздники.

Старѣйшины семьи, какъ ея представители, даютъ тонъ и направленіе жизни въ домѣ. Счастье и несчастье дыма главнымъ образомъ зависятъ отъ нихъ, отъ ихъ умѣнья вести хозяйство.

„Упроси-каци“ распредѣляетъ всѣ работы дыма между сочленами по ихъ способностямъ: однимъ онъ поручаетъ скотъ, другимъ полевые работы, третьихъ онъ отдаетъ въ услуже-

ніе другимъ и жалованіе за нихъ поступаетъ въ общую семейную казну и т. д. Словомъ, какъ и въ пшавской семьѣ, работы, производимыя отдѣльными членами общины, распределяются, какъ увидимъ и ниже, ея старѣйшинами.

„Упроси-каци“ имѣеть попеченіе и о мальчикахъ въ домѣ, которыхъ часто помѣщаетъ въ ученики, къ ремесленникамъ для обученія ихъ ремесламъ. Встрѣчаются общины, гдѣ можно найти и кузнеца, и плотника, и столяра.

Вступать въ юридическія отношенія отъ имени всего дома составляетъ компетенцію „упроси-каци“. Онъ одинъ заключаетъ контракты отъ имени всей семьи, вступаетъ въ сдѣлки, беретъ подряды, и пр. Боясь разногласія въ семьѣ, младшіе члены дома не иначе вступаютъ въ обязательства, какъ по порученію старѣйшины. Но если кто изъ совершеннолѣтнихъ членовъ семьи, безъ различія пола, вступилъ съ кѣмъ-либо въ юридическія отношенія, напримѣръ, занялъ деньги, обязательство имѣеть силу и не считается недействительнымъ, какъ у южно-славянъ; „упроси-каци“ обязанъ удовлетворить кредитора по такому обязательству. Однако, подобный поступокъ со стороны младшихъ членовъ строго осуждается обычаемъ, и рѣдко кто изъ нихъ осмѣлится его нарушить. Прежде обязательства младшихъ, не одобренныя старѣйшиною, по всей вѣроятности считались неимѣющими силы. „Старшій въ домѣ,—читаемъ въ „Крестыянскихъ грамотахъ“,—распоряжается всѣмъ, и безъ него никто даже обрученной невѣстѣ не можетъ отъ себя что-либо купить“¹⁴⁾.

Съ другой стороны и „упроси-каци“, въ видахъ сохраненія солидарности и согласія въ домѣ, совѣтуется съ остальными членами о всѣхъ дѣлахъ семьи. Старѣйшина совѣтуется съ семьєю, потому что, говорятъ крестьяне, „человѣкъ даже у стѣны спрашиваетъ совѣта“. Такое совѣщаніе главы съ семьєю становится даже необходимымъ въ дѣлахъ болѣе или менѣе важныхъ, напримѣръ, въ случаѣ приобрѣтенія или отчужденія недвижимаго имущества. Однако должно замѣтить,

¹⁴⁾ См. „Крестыянскія грамоты“, Д. Пурцеллидзе. Тифлисъ.

что мнѣніе младшихъ членовъ семьи рѣшающаго значенія не имѣеть. Въ случаѣ разногласія воля главы дыма настоять на своемъ рѣшеніи или уступить мнѣнію большинства. Благоразуміе требуетъ однако, чтобы рѣшеніе большинства общины было принято старѣйшиною во избѣжаніе возможности возникновенія раздоровъ и неурядицъ въ семьѣ, а можетъ быть и распаденія ея, котораго, замѣтимъ, сильно боится каждый грузинъ.

„Не слѣдуетъ думать,—говоритъ проф. Ковалевскій относительно пшавской общины,—чтобы управленіе семьи ея обоими старѣйшинами носило характеръ неограниченнаго деспотизма: и „мамакаци“ и „діасахлиси“ сами ищутъ совѣта и согласія отдѣльныхъ членовъ, въ особенности старшихъ по лѣтамъ. Вечеромъ, когда вся семья собирается за ужиномъ, оба старѣйшины совѣтуются о всѣхъ дѣлахъ со всѣмъ дымомъ... Въ подаваніи совѣтовъ одинаково участвуютъ какъ мужчины, такъ и женщины“.

„Замужество дѣвушекъ,—продолжаетъ дагѣ профессоръ,—и женитьба юношей, хотя и зависятъ главнымъ образомъ отъ ихъ родителей и прежде всего отъ отца, составляютъ въ то же время предметъ бдительнаго контроля со стороны тѣхъ дымовъ, къ которымъ принадлежатъ брачующіеся“. Если къ этому добавить, что рѣшеніе „упроси-каци“ и „упроси-кали“, часто разстраиваетъ предполагавшіеся браки, то все изложенное г. Ковалевскимъ о пшавской семьѣ цѣликомъ имѣеть мѣсто и въ семейной общинѣ грузинъ.

Что же касается до другихъ обязанностей, которыя семейный старѣйшина несетъ отъ имени всего дыма, то онѣ заключаются въ слѣдующемъ. „Упроси-каци“ является представителемъ отъ всей общины на судѣ, въ дѣлахъ гражданскихъ, передъ начальствомъ, и въ сношеніяхъ между отдѣльными дымами, а также предъ церковью и обществомъ.

Семейный старѣйшина судебной власти надъ младшими членами въ настоящее время не имѣеть. Хотя „упроси-каци“ и дѣлаеть провинившемуся члену семьи внушеніе и замѣчаніе, но дѣлаеть это какъ старшій и болѣе разумный,

а отнюдь не какъ судья. При недоразумѣніяхъ или ссорахъ между отдѣльными членами дыма, „упроси-каци“ вступаетъ между ними въ качествѣ третьяго лица и путемъ убѣжденія и вразумленія старается ихъ примирить. Старѣйшина самъ не прибѣгаетъ ни къ какому наказанію; въ случаѣ же необходимости въ таковомъ, онъ обращается къ ихъ родителямъ или, наконецъ, къ старшинѣ, прося послѣдняго поступить съ нимъ по закону. Въ большинствѣ случаевъ младшіе члены уступаютъ увѣщаніямъ своего избраннаго главы и остаются довольными его рѣшеніемъ. Относительно судебной компетенціи „упроси-каци“ должно замѣтить, что она утрачена имъ съ веденіемъ русскаго суда. Прежде „упроси-каци“, какъ „мамакаци“ у пшавовъ, имѣлъ судебную власть надъ остальными членами, и рѣшенія его должны были быть безпрекословно приводимы въ исполненіе.

Послѣ „упроси-каци“ наибольшимъ вліяніемъ въ семьѣ пользуется *упроси-ками*, старѣйшиха, на обязанности которой лежитъ внутренній порядокъ дома; ей ввѣряется забота о женщинахъ, между которыми она распредѣляетъ всѣ дѣла по хозяйству, какъ это дѣлаетъ „упроси-каци“ въ мужской половинѣ дома, а также она слѣдитъ за поведеніемъ ихъ.

У „упроси-каци“ хранится также общая семейная казна.

Завѣдываніе кладовою, выдача припасовъ къ завтраку, къ обѣду и ужину, а также присмотръ за кухнею, посудою и одеждою лежитъ на ея обязанности. Но этимъ еще не ограничивается вѣдомство старѣйшиха. Подъ ея наблюденіемъ находится домашняя птица и мелкія животныя. Она же завѣдуетъ всѣми тѣми вещами и имуществомъ, которыя находятся обыкновенно въ рукахъ женщины. Одна только старѣйшиха распоряжается въ этой области хозяйства; безъ ея спроса и позволенія никто ничего въ домѣ не можетъ ни брать для себя, ни ссудить сосѣдямъ, а также и занимать что либо отъ послѣднихъ.

Доходныя статьи женщинъ, могущія быть израсходованными по самостоятельному усмотрѣнію главы - женщины, слѣдующія: выручка отъ продажи мелкихъ животныхъ (напр.

поросятъ), домашней птицы меду, яицъ; заработки женщины, какъ-то: за стирку бѣлья, за шитье и вязанье, за печенье хлѣба другимъ, за поденный трудъ и проч., также поступаютъ въ общую семейную казну, но „упроси-кали“ можетъ тратить ихъ самостоятельно для удовлетворенія нуждъ женщины. Впрочемъ въ настоящее время эти заработки служатъ для образованія и пополненія личнаго капитала (саванно) женщины.

Обращеніе „упроси-кали“ съ младшими членами семьи довольно гуманное; въ случаѣ неповиновенія или проступка послѣднихъ, два—три раза она прощаетъ, ограничившись замѣчаніемъ; при повтореніи же таковыхъ она жалуется отцу или матери, если провинившаяся еще дѣвушка, и мужу—если она замужняя.

„Упроси-кали“ можетъ занять должность „упроси-каци“, когда въ домѣ остаются одни малолѣтніе сироты.

Преимущественное положеніе обоихъ старѣйшинъ заключается въ томъ почетѣ, какимъ они пользуются какъ у себя дома, такъ и внѣ его. Младшіе члены не иначе называютъ ихъ, какъ „батано“, аналогично сербскому „господар“. Семейнымъ старшинамъ принадлежитъ почетное мѣсто какъ среди своихъ, такъ и при гостяхъ и внѣ дома. Когда происходитъ дѣлежъ общины, „упроси-каци“ за старшинство (*саупросо*) получаетъ на извѣстную долю больше другихъ членовъ семьи ¹³⁾, и наконецъ, свидѣтельство старѣйшинны имѣетъ большую доказательную силу, чѣмъ показанія младшихъ членовъ. Правило о вознагражденіи старѣйшинамъ, вошло даже въ сводъ законовъ, а именно, въ примѣчаніи къ ст. 1322-й Гражд. Зак. читаемъ: „Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, тому изъ членовъ семейства, которому было вѣрено управленіе общимъ имѣніемъ, при раздѣлѣ опредѣляется вознагражденіе соразмѣрно съ понесенными имъ трудами и доставленною пользою“... Однако такое положе-

13) См. М. Ковалевскій, *Соврем. обич. и древн. зак. т. I.*

ніе старѣйшинъ въ семьѣ не освобождаетъ ихъ отъ полевыхъ и другихъ работъ дома, если только старѣйшины располагаютъ временемъ; этимъ грузины отличаются отъ осетинъ, у которыхъ старѣйшины свободны отъ такихъ занятій. Напротивъ, семейные старѣйшины у грузинъ участвуютъ во всѣхъ работахъ семьи, наравнѣ съ остальными членами ея, и своимъ усердіемъ и трудолюбіемъ подаютъ примѣръ младшимъ.

Что же касается до смѣщенія съ должности семейныхъ старѣйшинъ, то оно допускается въ слѣдующихъ 3-хъ случаяхъ: во 1-хъ, когда старѣйшины приходятъ въ дряхлую старость и поѣтому не могутъ отправлять своихъ обязанностей; во 2-хъ, когда они не способны для этой должности: „видны однѣ расходы въ домѣ, а доходы отсутствуютъ“; и, наконецъ, въ 3-хъ, когда замѣчено явное злоупотребленіе съ ихъ стороны своею властью и положеніемъ.

Когда постановлено рѣшеніе о смѣнѣ старѣйшинъ, отъ нихъ отбирается отчетъ за все время управленія ихъ домою. Контролировать главу дыма довольно легко, такъ какъ все дѣлается открыто, почему семьѣ извѣстны какъ всѣ расходы дома, такъ и доходы его. Единственное наказаніе за злоупотребленіе главою дома есть устраненіе его отъ должности; другихъ наказаній не существуетъ.

Для иллюстраціи отношеній младшихъ членовъ семьи къ своимъ выборнымъ, приведемъ характерный примѣръ. Нѣкто Тедо Улумбелашвили, занимая должность „упроси-каци“, растратилъ 600 рублей. Когда наступилъ день раздѣла и общаго расчета и младшіе члены обратились къ нему съ требованіемъ денегъ, Тедо преспокойно, ударяя рукою по животу, отвѣтилъ имъ: „вотъ кто съѣлъ ваши деньги“. Эти деньги не были даже зачтены въ долю растратившаго. Примѣръ исключительный по суммѣ растраты. Здѣсь мы должны замѣтить, что и въ современной общинѣ грузинъ, гдѣ только она еще существуетъ, злоупотребленіе властью и довѣріемъ со стороны главы дома очень рѣдки. Въ ней еще крѣпко держатся основы чести, справедливости и исполненія

даннаго слова, составляющія всегда характерныя черты грузинскаго крестьянина.

Должность старѣйшинъ дыма есть выборная, повтому ни о наследственной передачѣ ея, ни о назначеніи по завѣщанію или о другихъ способахъ, напр. по благословенію, захвату или присвоенію, не можетъ быть рѣчи.

Вотъ въ краткихъ чертахъ сущность устройства большой семьи грузинъ. Теперь бросимъ общій взглядъ на нее.

Современная семейная община грузинъ представляетъ маленькое общество, членами котораго состоятъ агнаты, соединенные идеею *общаю труда и происхожденія*. Община существуетъ до тѣхъ поръ, пока господствуетъ среди ея членовъ согласіе, солидарность и довѣріе. Тутъ нѣтъ ни принужденія, ни насилванія воли. Если сочленъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ въ пользу другихъ, то это онъ дѣлаетъ, сознавая общую и свою же пользу. Разъ нарушена солидарность, явилось въ семьѣ нерадѣніе или нарушение обычай, „диди-оджахи“ не можетъ существовать въ прежнемъ своемъ видѣ, а немедленно члены ея должны приступить къ семейному раздѣлу.

Подтверженіемъ той мысли, что въ современной общинѣ грузинъ ярко и рельефно выступаетъ трудовое начало, можетъ отчасти служить, во-первыхъ, то, что при дѣленіи каждому члену предоставляется имущество пропорціонально интенсивности его участія въ общей семейной наживѣ, во-вторыхъ, то обстоятельство, что нерадѣніе и равнодушіе одного члена къ общему дѣлу является поводомъ распаденія большой семьи.

Такимъ образомъ семейную общину грузинъ мы застаемъ теперь въ томъ періодѣ ея существованія, когда съ чисто-патріархальными, родовыми началами столкнулось экономическое, трудовое начало. Последнее, какъ болѣе отвѣчающее духу времени, естественно, вступило въ свои права. Личность каждаго изъ членовъ семьи, подавленная прежде съ одной стороны коллективнымъ лицомъ всей семьи и съ другой властью старѣйшинъ, теперь начинаетъ „сознавать себя,

какъ нѣчто самостоятельное“. Сознаніе же личностью своего „я“ составляетъ, какъ извѣстно, такую силу, подъ давленіемъ которой необходимо умираютъ національно-родовыя понятія и отношенія. Столкновеніемъ этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу началъ и можно объяснить переплетеніе въ большой семьѣ грузинъ чисто-патріархальныхъ основъ съ экономическими началами, напоминающими собою свободную ассоціацію труда.

Въ заключеніе мы должны сказать, что большая грузинская семья пользуется большимъ достаткомъ, чѣмъ уже обособившіяся малыя семьи. Первая часто имѣетъ свои собственныя поземельныя владѣнія, при томъ въ достаточномъ количествѣ, нѣсколько паръ буйволовъ и быковъ, коровъ и лошадей, стадо барановъ и свиней; тогда какъ малая семья обыкновенно живетъ на помѣщицкихъ, казенныхъ или церковныхъ земляхъ, которыя обрабатываются соединенными силами нѣсколькихъ простыхъ семей. „Гутани“ (плугъ) не можетъ сложить одна простая семья на свои средства, поэтому для составленія его приходится прибѣгать къ артели, въ которой участвуютъ нѣсколько простыхъ семей: кто личнымъ трудомъ, выставляя работника, кто предоставленіемъ скота и орудій, необходимыхъ для „гутани“ и т. п., за что гутани обязанъ пахать земли каждой семьи пропорціонально вложенному ею труду или цѣнности выставленнаго ею для „гутани“ орудія. Часто одинъ „гутани“ складывается средствами и усиліями цѣлой деревни. Большой семьѣ рѣдко когда приходится прибѣгать къ такому артельному началу, такъ какъ она обыкновенно имѣетъ свой собственный плугъ и иногда даже не одинъ, а два.

Рѣшительное благосостояніе большихъ грузинскихъ семей сравнительно съ малыми, замѣчаемое въ Карталинѣ, заставляетъ заключить, что такая организація хозяйства, гдѣ только она еще возможна, и теперь благодѣтельна для крестьянъ, не говоря уже о прошедшемъ, когда семьи съ такимъ строемъ, по увѣренію стариковъ, положительно благоденствовали.

Н. Л. Абадзе.

Празднованіе Нового года у Грузинъ.

Новогодніе обычаи у грузинъ представляютъ интересъ по остаткамъ старины и по смѣшенію христіанскихъ понятій съ древнѣйшими языческими. Мы намѣрены изложить эти обычаи, согласно обѣщанію, выраженному раньше въ нашемъ изданіи *).

Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію празднованія Нового года у современныхъ грузинъ, считаемъ не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на прошлое и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обычаяхъ, каіе соблюдались 1-го января съ древнѣйшихъ временъ въ грузинскихъ царствующихъ домахъ. Свѣдѣнія объ этомъ торжествѣ находимъ у историка Вахушты.

Празднованіе Нового года, по словамъ Вахушты, начиналось задолго до восхода утренней зари. Послѣ того, какъ трижды пропѣли иѣтухи, весь высшій военный и гражданскій синклитъ являлся во дворецъ къ царю въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ съ поздравленіями и приличными царскому званію подарками. Амилахоръ, т. е. конетабль, обязанъ былъ привести изъ своего табуна лучшаго по красотѣ коня съ золотой сбруей; Базіертъ-Ухуцесъ, старшій распорядитель царской охоты, подносилъ позолоченную голову дикаго кабана, приводилъ въ кѣткѣ быстрога сокола; за нимъ подходили штабъ офицеры и, поклонившись до земли своему повелителю, по требованію восточнаго этикета, въ

*) Кн. I, стр. 155.—См. протоколъ 73 засѣданія Этногр. Отдѣла.

глубокомъ молчаніи отступали назадъ. Послѣдними приносили поздравленія эриставы, т. е. начальники областей, поднося царю натянутыя стрѣлы, имѣющія символическое значеніе. „Пусть эта стрѣла,—заканчивалъ каждый эриставъ свое привѣтствіе,—пронзитъ безопадно сердце твоего измѣнника, всемогущій царь!“ Поздравленія открывалъ Чкондели—архіепископъ мартвильскій (мингрельскій), благословлялъ царя крестомъ и образомъ, а царицу угощалъ разными сладостями.

Пріемъ гостей конченъ. Царь съ своими приближенными ѣдетъ на охоту. Еще наканунѣ были сдѣланы для этого приготовленія. Приведенныя въ подарокъ худыя лошади отводились въ поле, въ отгороженное мѣсто, гдѣ и закалывались, и трупы ихъ оставлялись на ночь при растворенныхъ воротахъ. Почувявъ добычу, волки, шакалы, лисицы наполняли обширный дворъ. Подкараулившій распорядитель охоты, подкравшись, запираетъ ворота, когда считалъ число звѣрей достаточноымъ для истребленія. На другой день царь, прибывъ съ придворными, приказывалъ выпустить звѣрей и, погнавшись за ними, удачными выстрѣлами укладывали ихъ въ огромномъ количествѣ на открытомъ полѣ. Съ чувствомъ полного удовольствія царь возвращался домой и прямо садился за столъ. Начинался торжественный и веселый обѣдъ, прерываемый пѣніемъ и танцами. Щедрое вознагражденіе получали не только лучшіе пѣвцы и музыканты, но и выпившіе наибольшее количество вина. Въ заключеніе обѣда начинался конскій бѣгъ, устраивали бой лучшихъ борцовъ и состязаніе акробатовъ. Лучшій изъ состязавшихся, наиболѣе ловкій и привлекшій милостивое вниманіе царя, получалъ въ подарокъ халатъ.

Переходя къ описанію празднованія Новаго года у современныхъ грузинъ, мы должны замѣтить, что будемъ имѣть въ виду четыре народа грузинскаго племени, а именно: *инилойцевъ* въ Закатальскомъ округѣ, *карталинцевъ* въ Горійскомъ уѣздѣ, *пурійцевъ* въ Кутаисской губ. и *джаваговъ* въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.

Подъ именемъ ингилойцевъ извѣстны грузины, завоеванные цахурцами въ Кахскомъ округѣ бывшаго Елисуйскаго султанства. Это насильственное отторженіе нижней части Алазанской долины послѣдовало въ XV вѣкѣ вслѣдъ за раздѣломъ Грузіи между сыновьями царя Георгія VIII. Завоеванные горцами грузины были поставлены въ крѣпостныя отношенія къ своимъ побѣдителямъ. Нѣкоторые изъ грузинъ, не пожелавшіе подчиниться мусульманскому игу, выселились во внутреннія безопасныя области Грузіи, а прежнія поселенія ихъ были заняты пришлыми колонистами татарскаго происхожденія, извѣстными понинѣмъ подъ именемъ „муганлы“. Не смотря на свое четырехъ-вѣковое отдѣленіе отъ остальной Грузіи, ингилойцы сохранили въ общемъ тѣ же нравы и обычаи, какіе господствуютъ въ Карталиніи, Гуріи и Джавахетіи. Описаніе празднованія Новаго года въ этихъ четырехъ различныхъ пунктахъ бывшаго грузинскаго царства можетъ подтвердить высказанную мысль.

Торжество Новаго года у *ингилойцевъ*, какъ и у всѣхъ грузинъ, начинается при закатѣ солнца ружейными выстрѣлами, за которыми слѣдуетъ всеобщій крикъ, шумъ, и суетня. Къ полуночи все утихаетъ и воцаряется мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая пѣніемъ пѣтуховъ и лаемъ собакъ. Всѣ въ домѣ давно уже сладко спятъ, лишь старшіе заправители бодрствуютъ. Хозяйка торопливо прядетъ шерсть, а хозяинъ развлекаетъ ее пріятной бесѣдой. Кончивъ работу, оба они встаютъ, въ глубокомъ молчаніи подкрадываются къ спящимъ дѣтямъ, вынимаютъ изъ-подъ одеяла ихъ руки, обвиваютъ вокругъ кисти руки пряжу, завязываютъ ея концы и въ такомъ же молчаніи обвязываютъ ниткой всю посуду и главный столбъ „деда-бодзи“ (мать столбъ), поддерживающій избу. Этой кольцеобразно обвивающей руки и предметы ниткой ингилойцы символически выражаютъ желаніе, чтобы всѣ члены ихъ семейства и ихъ состояніе осталось цѣлымъ и невредимымъ. Съ руки нитка эта не снимается въ теченіе трехъ дней.

Когда пѣтухи трижды пропѣли и взошла утренняя заря,

старѣйшины будятъ всѣхъ членовъ семьи. Тѣ, поднявшись, наряжаются, надѣваютъ новое платье и обувь. Всѣ съ весельемъ располагаются вокругъ очага, разведеннаго посереднѣ дома и пылавшаго всю ночь. Вдругъ слышится стукъ у дверей; всѣ, прервавъ разговоръ, вмѣстѣ три раза спрашиваютъ: „кто тамъ и что несетъ?“ На это слѣдуетъ трижды отвѣтъ: „счастье и благополучіе приношу моей семьѣ“. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ просятъ его войти, присоединяя пожеланіе, чтобы стезя его была стезей ангела въ ихъ домѣ. Входитъ глава семьи, который незамѣтно исчезъ изъ избы въ то время, когда въ ней началась суматоха при вставаніи со сна членовъ семьи. Тогда же, выходя, онъ взялъ съ собой кувшинъ и перекидные мѣшки съ кормомъ для птицъ. На берегу рѣчки онъ умылся, помолился Богу, кувшинъ наполнилъ водой, мѣшокъ съ кормомъ смочилъ въ водѣ, отломалъ нѣсколько вѣтокъ орѣховаго дерева, положилъ ихъ въ другой мѣшокъ и вернулся домой. Вступивъ въ избу, онъ ставитъ кувшинъ въ шкапъ для посуды или на полку (*корте*), орѣховыя вѣтви въ „сакане“ или „бегели“, гдѣ хранится мука и зерно, кормомъ обсыпаетъ всѣ углы дома. При этой процедурѣ онъ непрерывно читаетъ молитву, призывающую благословеніе Бога на его семью: „Господи, Курмухская церковь, дай намъ хлѣба и благоденствія!“.

Послѣ обсыпанія избы для обильнаго урожая, всѣ садятся вокругъ очага, старшій достаетъ наканунѣ приготовленную и спрятанную за балкой потолка связку орѣховыхъ вѣтвей и даетъ каждому члену по одной вѣтви, потомъ первый самъ кладетъ свою вѣтвь въ огонь. Кожа молодой вѣтки быстро лопається отъ жара, и издаетъ трескъ, которому придается особое значеніе. Каждый трескъ вѣтки сопровождается благоговѣйными словами главы семейства: „Господи, размножь насъ и пошли обиліе въ нашъ домъ, будь милостивъ къ намъ!“ Всѣ вѣтви одна за другой дѣлаются жертвой огня за исключеніемъ двухъ, которыя снова прячутся. Послѣ этого, уже на разсвѣтъ начинаютъ готовить „табла“—жертву. Кладутъ на поднось (*хончи*) хлѣбъ (*назуки*), лепешки, тарелку меду,

масло, кувшинъ вина, красныя и бѣлыя нитки и всѣ вмѣстѣ идутъ поздравлять съ новымъ годомъ садъ. Здѣсь они останавливаются предъ виноградной лозой, дающей обильные плоды, обрѣзываютъ ее, землю около нея поливаютъ виномъ и рѣжутъ у корня ея пѣтуха съ красными перьями, которыя потомъ привязываются къ лозѣ. При этомъ священнодѣйствіи произносится обычная молитва: „Господи, Курмухскій св. Георгій, не оставь нашихъ кувшиновъ безъ вина!“. Въ заключеніе перваго акта хожденія съ поздравленіемъ глава семьи предлагаетъ всѣмъ по кусочку хлѣба съ медомъ и масломъ, даетъ отпить немного вина, и, совершивъ это своеобразное таинство, всѣ направляются въ избу. Такъ справляется начало праздника.

Открывается второй актъ. Наканунѣ еще испеченъ для каждаго члена отдѣльно хлѣбъ, формы котораго аллегорически выражаютъ названіе и обязанность каждаго члена семьи: для старѣйшины пекутъ топоръ, для сыновей—серпы, для женщинъ—самопрялки, крендель для коровы и одинъ крендель для птицъ небесныхъ. Возвратившись изъ сада домой, каждый уже самъ разламываетъ свой хлѣбъ и сѣдаетъ небольшой кусочекъ. Крендель, назначенный для птицъ, оставляется на крышѣ, а хлѣбъ испеченный для коровы несутъ въ хлѣвъ. Здѣсь сначала крендель надѣваютъ коровѣ на рога, потомъ даютъ ей сѣсть, приговаривая: „живи долго и невредимо, да сохранить тебя Курмухскій св. Георгій!“

Въ день Новаго года у ингилойцевъ обѣдъ бываетъ ранній. Въ этотъ день готовятъ блюда, освященные традиціей: супъ изъ курицы и пловъ. Къ обѣду ждуть поздравителя „меквле“ (собственно значить—пролагающій борозду, стезю счастья), который долженъ быть въ глазахъ народа болѣе очастливленъ судьбой и осыпанъ ея щедрой благодатью. Это обыкновенно бываетъ кто-нибудь изъ родственниковъ. До его прихода никого не принимаютъ. „Меквле“, поздравивъ съ новымъ годомъ, достаетъ изъ-подъ потолка спрятанныя вѣтви, кладетъ ихъ въ огонь и при трескѣ ихъ вы-

ражаетъ пожеланіе, чтобы Богъ даровалъ привѣтствуемымъ имъ членамъ здравіе и обильный урожай. Въ этотъ день никому ничего не даютъ взаймы, чтобы Курмухскій св. Георгій не разгнѣвался на нихъ и не лишилъ всякаго обилія въ пользу лица, которому будетъ ссужена вещь.

Затѣмъ начинается обѣдъ очень веселый и оживленный. Ъдятъ, пьютъ и поютъ пѣсни преимущественно татарскія подъ звуки „чунгура“, 4—5 струнной балалайки.

Курмухскій св. Георгій, не разъ упоминаемый въ молитвахъ, пользуется и пользовался съ древнихъ временъ уваженіемъ у ингилойцевъ. Онъ имѣетъ свое пребываніе на маленькой горѣ, къ сѣверу отъ селенія Кахи. Здѣсь сохранился до настоящаго времени фундаментъ нѣкогда красивой Курмухской церкви, названной такъ, вѣроятно, потому, что между селеніемъ Кахи и горой течетъ рѣка Курмухи. Народъ оставался неизмѣнно привязанъ къ Курмухскому св. Георгію даже въ эпоху господства ислама: ингилойцы ходили тайкомъ помолиться въ Курмухской церкви предъ своимъ патрономъ, принося жертвы лишь ночью изъ опасности поплатиться за свое отступленіе отъ навязаннаго ученія Магомета. Съ 1855 года ингилойцы вновь обращены въ христіанство, хотя еще 13,000 изъ нихъ остаются вѣрными послѣдователями религіи своихъ мусульманскихъ предковъ. Но этотъ расколъ въ вѣрѣ не мѣшаетъ ингилойцамъ, христіанамъ и нехристіямъ безъ различія, являться въ первыхъ числахъ ноября въ Курмухскую церковь принести жертвы св. Георгію: хлѣбъ, шелкъ и фрукты, а также животныхъ, при чемъ нужно отмѣтить ту особенность что ингилойцы считаютъ возможнымъ приносить въ жертву, такъ сказать душу животнаго, мясо же его сами употребляютъ, солятъ и оставляютъ на зиму.

Въ географическомъ порядкѣ мнѣ слѣдуетъ теперь описать празднованіе Новаго года у *карталинецъ*. Карталины начинаютъ готовиться къ этому торжественному дню наканунѣ. Тахту (турецкій диванъ) покрываютъ лучшимъ ковромъ все чистятъ и приводятъ въ порядокъ. Пекутъ крендели счастья

(„бедись квери“) для животныхъ, а для пѣлаго дома хлѣбъ „басила“ съ крестомъ по серединѣ, названный такъ въ честь св. Василія; для пахаря печется плугъ, для быка—ярмо, для коровы—вымя. Все это кладется на поднось вокругъ свиной головы, составляющей неотъемлемую и необходимую принадлежность празднованія Нового года. Поднось со всѣми яствами и зажженными свѣчами называется „абраміани“ т. е. жертва въ честь Авраама *). Обязанность старшаго въ домѣ составляетъ вынести поднось на дворъ, обойти трижды домъ, войти съ нимъ въ хлѣвъ и поздравить коровъ и быковъ. Яйцомъ прикасается онъ къ животнымъ, приговаривая: „будьте такъ круглы и полны, какъ это яйцо!“

Входя обратно въ домъ, онъ подходитъ прежде всего къ очагу, беретъ горящую головню ударяетъ ею по очагу, и когда посыплются искры, онъ шепчетъ: „столько коровъ, быковъ, свиней, столько лѣтъ жизни, столько денегъ“ и т. д. Потомъ угощаетъ всѣхъ медомъ съ пожеланіемъ каждому: „такъ сладко пусть состаришься, какъ сладокъ этотъ медъ!“ „Абраміани“ въ теченіе трехъ дней подается старшему за обѣдомъ иужиномъ, а по прошествіи трехъ дней вырѣзываютъ крестъ изъ хлѣба „басила“ и бросаютъ его въ амбаръ. „Да будетъ неистощимъ и обилень хлѣбъ въ этомъ амбарѣ!“ приносятъ при этомъ благоговѣйно священнодѣйствующій.

Въ день Нового года карталинецъ избѣгаетъ ссоры и неприятностей. Онъ искренно вѣритъ, что происшедшее въ этотъ день знаменуетъ всю предстоящую жизнь человѣка въ теченіе года: кто будетъ плакать въ этотъ день, заплачетъ цѣлый годъ; кто будетъ шить, пришьетъ счастье. Обрѣзать ногти воспрещается, чтобы дьяволъ не завладѣлъ ими. Принимать кого-либо до „меквле“, испытаннаго поздравителя, не принято. „Меквле“ приноситъ старшей въ домъ сахарное красное яблоко, а его угощаютъ „газинаки“—сладостью, специально приготовленной для Нового года изъ орѣха и

*) Окончаніе „ани“ идентично съ оконч. „ада“ Петриада, Генриада, у грузинъ—Дареджавіани. Висраміани.

меду. Въ этотъ день нужно пѣть и веселиться, чтобы годъ прошелъ безнечально и счастливо.

Въ Гуріи Новый годъ извѣстенъ подъ именемъ „Каландоба“, скорѣе отъ греческаго слова *kalándai*, чѣмъ отъ латинскаго *calendae*. Извѣстно, что въ мингрельскій языкъ вошло нѣсколько греческихъ словъ (напр. *ordros* -- утро вм. грузинскаго „дила“), а гурійцы смежные съ мингрельцами заимствовали это слово по видимому у нихъ. Къ Новому году гурійцы откармливаютъ свинью, куръ, индѣекъ. Свинья обязательно должна быть въ каждомъ домѣ, и потому около этого времени свиньи очевь дорожаютъ, хотя вообще онѣ очень дешевы. Наканунѣ пекутъ лепешки по числу членовъ дома какъ и у другихъ грузинъ. Особенность празднованія Нового года у гурійцевъ представляетъ обычай украшать вѣтвь орѣховаго дерева разными плодами и другими украшеніями. Просверливъ дырочки въ вѣтвѣ, продѣваютъ черезъ нихъ палки; на концахъ палокъ привѣшиваютъ лимоны, апельсины, гранаты, въ большомъ изобиліи произрастающіе въ Гуріи; съ другого конца привѣшиваютъ шелкъ, кошелекъ съ серебряными монетами, гроздь винограда и хлѣбъ „деда пури“ (мать — хлѣбъ). Рано утромъ по знаку, данному старшимъ, выбѣгаютъ на дворъ взять „цхомла“ — вѣтвь орѣховаго дерева: кто первый успѣетъ захватить ее, тотъ проживетъ дольше всѣхъ. Затѣмъ выносятъ заранѣе приготовленную „табла“ (жертву), обязательную принадлежность которой составляетъ свиная голова и кувшинъ вина. Старшій въ домѣ съ младшимъ членомъ выносятъ ее съ зажженными свѣчами изъ амбара, гдѣ она была оставлена на ночь, и несутъ въ винный подвалъ. Здѣсь старѣйшина, обращаясь къ какому-то богу вина Агуна, въ родѣ Бахуса, приглашаетъ его пройти селенія Бахви и Аскани, извѣстныя лучшими винами въ Гуріи, и прибыть въ его подвалъ; изъ подвала онъ идетъ къ амбару и въ хлѣвъ. Возвращаясь въ избу, они находятъ двери запертыми, и на ихъ стукъ изнутри спрашиваютъ: „что несешь?“ Отвѣтъ гласить, что идутъ съ хлѣбомъ, виномъ, шелкомъ, счастьемъ и т. д. Двери растворяются, несущіе „табла“ привѣтствуютъ

всѣхъ. Съ радостью подводятъ маленькаго провожатаго ко всѣмъ членамъ семьи и даже предметамъ, чтобы онъ передалъ имъ здоровье, прочность, счастье и благополучіе. Затѣмъ всѣ выходятъ на дворъ и, обойдя трижды, возвращаются въ избу; здѣсь подходятъ къ очагу, ударяютъ по нему „джемла“ (орѣховой вѣткой) и при сыплющихся искрахъ быстро произносятъ пожеланіе, чтобы столь же обильно было все въ домѣ, сколько дастъ искръ горящая головня. Въ этотъ день стрѣляютъ изъ ружья, „отгоняя новый годъ“, и не принимаютъ никого изъ тѣхъ, чье посѣщеніе было замѣчено раньше какъ неблагоприятное и предвѣщающее несчастье.

Переходимъ къ описанію Новаго года у *джаваховъ*, населяющихъ Ахалкалакскій уѣздъ, часть бывшаго грузинскаго княжества Самцхе-Саатабаго. Оторвавшись отъ Грузіи въ XV в., нынѣшніе Ахалцихскій и Ахалкалакскій уѣзды составили особое самостоятельное владѣніе, первымъ атабекомъ котораго былъ Кваркваре. Въ первой четверти XVII в. Самцхе-Саатабаго было завоевано турками, при чемъ атабекъ Бека, убившій своего старшаго брата Манучара, былъ признанъ турецкимъ султаномъ правителемъ завоеванной области подъ именемъ Сапара-паши. Лишь черезъ столѣтіе, въ 1828 г., Ахалцихъ былъ взятъ штурмомъ Паскевичемъ Эриванскимъ, и въ 1829 г., по Адрианопольскому трактату, Михетія и Джавахетія были присоединены къ Россіи. Сапаръ-паша приложилъ всѣ усилія, чтобы уничтожить православіе, изгнать грузинскіе обычаи и насадить исламъ и турецкіе нравы. Попытки его остались не безъ успѣха, но вырвать съ корнемъ національныя черты миховъ и джаваховъ оказалось неудобноисполнимымъ. А присоединившись къ Грузіи, джавахи вновь возродились, и воскресли въ нихъ вѣками скрытые прадрѣдовскіе обычаи и нравы. Иллюстраціей этого мнѣнія и могутъ служить между прочимъ установившіеся порядки при празднованіи Новаго года у джаваховъ.

Джавахи начинаютъ приготовленія къ Новому году наканунѣ. Старшій въ домѣ считаетъ своею обязанностью собрать вещи, которыя были отданы на время сосѣдямъ:

самопрялку, глиняные кувшины, тарелки, кастрюли и т. п. Обратъ эту рухлядь необходимо потому, что по мнѣнію джавахъ обиліе и счастье дома можетъ покоиться на одномъ какомъ-либо предметѣ, нужномъ для домашняго обихода; оставить такую вещь внѣ дома въ ночь на Новый годъ — значитъ потерять все состояніе и добровольно отказаться отъ всякаго благополучія. Наканунѣ же бѣдные и богатые безразлично пекутъ хлѣбъ „цминда Басила“ (св. Василія), „харись-кеди“ (шея быка), „банись пуреби“ (хлѣбъ крыши), „бедись када“ (хлѣбъ счастья), „катамъ цицила“ (цыпленокъ курица). Все это укладывается на новогодній подносъ въ известномъ порядкѣ: прежде во главѣ всего кладется „хлѣбъ счастья“, выше его два хлѣба „шеи быка“, между ними „цминда Басила“, похожій на человѣка: глаза сдѣланы изъ угля или сушенаго винограда, руки же на-крестъ сложены на груди; надъ головой Василія лежитъ одинъ „банись-пури“ (хлѣбъ крыши), другой „катамъ-цицила“ (цыпленокъ-курица), имѣющій круглую форму съ клювомъ, заворачивается въ платокъ и кладется на грудь Василія; въ уголь подноса ставится тарелка съ медомъ или съ „бакматомъ“ изъ сока туны. Такимъ образомъ центромъ является „Басила“ а вокругъ него размѣщаются разнообразныя по своему символическому значенію печенія. На подносѣ замѣчается здѣсь отсутствіе свиньи. Это объясняется вліяніемъ мусульманской религіи, которая воспрещаетъ есть свинину.

Когда солнце уже зашло, оба старѣйшины отъ мужской и отъ женской половины приступаютъ къ изгнанію бѣсовъ и нечистыхъ силъ, водворившихся въ домѣ. Они ходятъ по всѣмъ угламъ и приговариваютъ: „ангелъ-покровитель, находящійся здѣсь въ углу нашего дома, молю тебя, спаси мой домъ отъ искушеній дьявола!“ Нужно произнести это заклинаніе трижды, обходя всѣ углы дома. Народъ предполагаетъ, что ангелъ-хранитель имѣетъ своимъ тайнымъ обиталищемъ, какой-либо уголокъ, и потому молитва обращается къ этому скрытому домашнему генію.

Старѣйшина беретъ большую желѣзную палку, выхо-

дять на дворъ и, повернувъ направо, повторяетъ заклина-
ніе: „Господи, избавь насъ отъ проказы дьявола!“ Онъ об-
ходитъ избу, хлѣвъ и проводитъ желѣзомъ кругъ, чрезъ ко-
торый, по мнѣнію джаваха, не можетъ переступить нечи-
стая сила въ домъ и къ домашнимъ животнымъ. Затѣмъ
онъ всходитъ на кровлю и чрезъ отверстіе въ крышѣ спу-
скаетъ внизъ кошелекъ на длинной ниткѣ. Семья глядетъ
въ кошелекъ нѣсколько рублей, онъ поднимаетъ его и входитъ
въ избу съ лѣвой стороны. Значеніе этой процедуры джа-
вахи толкуютъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе года деньги
въ домъ будутъ неистощимы и обиліе во всемъ обезпечивается.
Послѣ того, какъ пѣтухи пропѣли дважды, старѣйшина бер-
етъ подносъ съ зажженными свѣчами въ правую руку и,
выходя изъ избы, произноситъ молитву: „Господи, будь за-
ступникомъ нашимъ и да будетъ стезя моя стезей архангела
Михаила и св. Георгія. Пошли моей семьѣ счастливо встрѣ-
тить Новый годъ!“ Окончивъ молитву, онъ сбрасываетъ че-
резъ отверстіе въ избу хлѣбъ съ подноса, кромѣ „хлѣба
счастья“ и „Басила“. Раньше другихъ спускается внизъ
„хлѣбъ крыши“, далѣе „шея быка“ и наконецъ завернутый
въ платокъ „цыпленокъ“. Возвратившись домой, онъ произ-
носитъ тѣ же слова, будитъ всѣхъ и угощаетъ ихъ медомъ
съ соотвѣтственными поздравленіями. Далѣе онъ идетъ въ
хлѣвъ, курятникъ и поздравляетъ скотъ и птицъ.

Обращаютъ особенное вниманіе, какъ и гдѣ упали сбро-
шенные печенья. Если „хлѣбъ крыши“ упалъ низомъ кверху,
то говорятъ, что урожая не будетъ; если хлѣбъ покотился
къ очагу, то урожай будетъ обильный; если одинъ хлѣбъ
покотился къ очагу, а другой къ дверямъ, то урожай бу-
детъ посредственный. То же значеніе имѣетъ хлѣбъ „шея
быка“: если онъ покотился къ двери, будетъ падать скотъ;
если же упалъ около очага, то скотъ размножится. Если
завернутая въ платокъ „курица“ значительно повредилась
при паденіи, значитъ насѣдка испортитъ яйца и цыплятъ
не выведетъ, а если сохранилась въ невредимости, то цып-
лятъ будетъ много. „Хлѣбъ счастья“ и „Басила“ хранятся

до Крещенія, и вся эта недѣля считается святой. Въ день Крещенія разрѣзываютъ „хлѣбъ счастья“ и „Басила“ на куски, и кому достанется монета, вложенная въ „бедиспури“, тотъ будетъ счастливъ и богатъ. „Басила“ разламывается и раздается всѣмъ, какъ просфора.

Въ день Новаго года джавахи ходятъ съ кувшиномъ за водой, при чемъ нужно итти за ней и вернуться такъ, чтобы ни съ кѣмъ не заговорить. Счастье наиболѣе будетъ благопріятствовать тому, кто раньше всѣхъ принесетъ; а если кто-нибудь съ вечера до утра Новаго года простоятъ на берегу рѣки, теченіе ея остановится, и рѣка повѣдаетъ все, что должно случиться въ предстоящій годъ. До „меквле“, излюбленнаго поздравителя, посѣщеніе котораго было замѣчено какъ благопріятное, никого не принимаютъ, какъ и у другихъ грузинъ. Призвать „меквле“ идетъ младшій въ домъ, который, взойдя на кровлю „меквле“, шопотомъ даетъ знать ему, что пора итти, что ждутъ его поздравленія. „Меквле“ идетъ съ подарками, а его угощаютъ сладостями. Въ день Новаго года не подметають комнаты, чтобы не вымести счастья и обилія. Въ этотъ день всѣ входящіе со двора въ домъ должны занести что нибудь, хоть щепку, но съ пустыми руками являться нельзя, чтобы не разгнѣвать ангела-хранителя.

Дѣлая обобщеніе, всего описаннаго нами, можно сказать, что картвелы въ разныхъ и исторически разобщенныхъ частяхъ Грузіи празднуютъ Новый годъ почти одинаково, съ небольшими измѣненіями, которыя объясняются мѣстными условіями и судьбой, испытанной различными провинціями бывшаго грузинскаго царства. Къ измѣненіямъ между прочимъ придется отнести отсутствіе центра празднества—свиньи у джаваховъ и ингилойцевъ, принявшихъ нѣкогда мусульманскую вѣру. При празднованіи наглядно выступаетъ значеніе „меквле“, перваго счастливаго посѣтителя, и новогодія „жертвы“ онѣ имѣють одинаковое распространеніе у всѣхъ грузинъ. Нужно затѣмъ отмѣтить обычай печь хлѣбъ, символически выражающій то или другое понятіе, и наконецъ важное значеніе очага, съ которымъ связаны благопріятныя предзнаменованія и его традиціонное почитаніе.

Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ Купянскаго уѣз. Харь. губ.

Крестьяне Купянскаго уѣзда, какъ и вообще малороссы, отличаются чувствами глубокой привязанности и уваженія къ своимъ родителямъ. Поэтому случаи крупныхъ ссоръ и дракъ между родителями и взрослыми ихъ дѣтьми, особливо такихъ, которыя повлекли за собою проклятіе дѣтей родителями, сильно поражаютъ впечатлительную душу малоросса. Каждый подобный случай страшно возмущаетъ и долго волнуетъ мѣстное общество, давая при этомъ поводъ не только къ повторенію старинныхъ сказаній о тяжкихъ для дѣтей послѣдствіяхъ родительскаго проклятія, но и къ составленію новыхъ въ томъ же духѣ разсказовъ и пѣсень ¹⁾.

„Усе купышь, — батька та матери не купышь“. „Батькова та матерына молитва зо дна моря рятуе (спасаетъ), а провлѣны въ калюжи (лужѣ) топлять“. Эти пословицы вполне характеризуютъ взглядъ мѣстнаго малоросса на родителей.

Въ имущественномъ отношеніи вліяніе отца имѣетъ среди крестьянъ рѣшительный перевѣсъ надъ идеей материнства, но зато въ нравственномъ отношеніи сила узъ, связывающихъ дѣтей съ матерью, всѣми безусловно признается первенствующею, — признается, однимъ словомъ, что мать къ дѣтямъ ближе, чѣмъ отецъ, что она имъ *родить*. „Батькивъ багато, а маты одна“. „Жинка для совиту, теща для прывиту, матинка ридна лучче всѣго свиту“.

Родительское проклятіе дѣлаетъ дѣтей несчастными; при

¹⁾ См. А. Боровиковскаго, *Женская доля по малор. пѣснямъ* Москва 1868, стр. 6.

томъ, такое проклятіе, а особенно материнское, часто немедленно исполняется. Сила его ужасна: по одному слову прокливаемые дѣлаются больными, превращаются въ деревья, въ волковъ, уносятся вихремъ, или же умираютъ, и не только тѣло ихъ, но и душа поступаетъ во власть діавола.

Но вмѣстѣ съ страшными послѣдствіями для прокливаемыхъ, проклятія ложатся тяжелымъ грѣхомъ и на душу родителей, прибѣгнувшихъ въ гнѣвъ или въ раздраженіи къ этому страшному преступленію противъ своихъ дѣтей.

Такъ какъ, по взгляду крестьянъ, мать ближе дѣтямъ, роднѣе, чѣмъ отецъ, то и молитва и проклятіе матери имѣютъ бѣльшую силу, чѣмъ отцовскія. „Куля мыне (пуля мнеть), а матерыне слово не мыне“. Извѣстное малорусское поэтическое сказаніе о происхожденіи тополя можетъ служить иллюстраціей этой пословицы. Тополь—это стройная дѣвушка, обратившаяся въ дерево вслѣдствіе проклятія матери, какъ рассказываетъ народное преданіе.

Мать послала въ поле свою дочь полоть ленъ и приказала ей работать поусердиѣе. Но дѣвушка замечталась надъ работой и, сложа руки, стояла безъ дѣла.

— „Ото поле (вотъ такъ полеть)!“ сказала строгая мать, увѣдавъ свою дочь со сложенными руками.

— Я то полю, то стою,—отвѣчала дочь, сильно испугавшись неожиданнаго прихода матери.

— „Бодай же ты, доню, полола въ чуди та въ дыви!“—произнесла разгнѣванная мать. И вдругъ при этихъ словахъ, на глазахъ матери, „къ чуду и дыву“, ея дочь—дѣвушка стала выростать въ стройный, красивый тополь, а мать, видя это, стала плакать и убиваться по ней, приговаривая въ отчаяніи: „дочко-жъ моя, тополе моя!“...

Приведемъ нѣсколько другихъ рассказовъ о силѣ родительскаго проклятія, изъ числа наиболѣе распространенныхъ въ Купянскомъ уѣздѣ.

1. У одного чоловика бувъ непослушный сынъ. Куды его ны поше батько, чы ораты, чы косыты, або въ лись,

а винъ николи одъ разу не послухае*); все не хоче, та все споре зъ нымъ. Той чоловикъ водывся, водывся зъ тымъ сыномъ—взявъ и проклявъ его. Ну, шожъ зъ нымъ зробылось? Винъ заразы захворавъ; хворавъ годивъ шість и вмеръ, а чырызъ тыждынъ и батько вмеръ. Значить, и батька Богъ наказавъ за те, шо проклявъ сына свого. А якъ-бы винъ учывъ его зъ малыхъ литъ до работы, то винъ бы й слухавъ его, хоть бы вырись; а то, бачъ, и ныслухавъ его, помы й вмеръ. (Хуторъ Малювъ Сообщилъ учитель М. Нетреба).

2. У нашего сосѣда,—говорилъ старикъ крестьянинъ,—были сыновья до того непочтительные къ своимъ родителямъ, что нерѣдко наносили имъ тяжкія оскорбленія. Разъ старшій сынъ собирается ѣхать въ сосѣдную слободу съ провіантомъ для солдатъ (это было еще во время военныхъ поселеній), а отецъ, замѣтивъ какой-то беспорядокъ, сталъ ворчать на сына. Тотъ слушалъ, слушалъ—не унимается старикъ, да какъ гаркнетъ на отца: „та чы тоби заципыть!“ Отецъ сильно оскорбился этимъ словомъ сына и въ гнѣвъ сказалъ: „Щобъ же, сыну, твое мя (имя) прыйшло, (исчезло?) колы такъ!“ Бываютъ такіе случаи,—добавилъ рассказчикъ,—что проклятіе родителей ни за что не пройдетъ безслѣдно. Вотъ отправился этотъ сынъ въ дорогу, справился съ своимъ дѣломъ и возвращается домой, да вздумалось ему по дорогѣ заѣхать къ родственникамъ. Заѣхалъ, выпилъ тамъ изрядно, выходитъ, садится на лошадь и во хмѣлю, конечно, дернулъ ее туда, сюда. Лошадь разгорячилась, стала бить и сбросила его съ себя. Онъ упалъ и убится на смерть. Второго сына старикъ также проклялъ, такъ тотъ замерзъ. Мнѣ,—сказалъ рассказчикъ,—съ другимъ сосѣдомъ пришлось копать для него могилу. Когда яма была готова, товарищъ мой началъ вылѣзать, ставъ одною ногою мнѣ на плечо, а другою на край ямы,—стѣнка такъ и рухнула до поло-

Буква *е* послѣ гласной и въ началѣ слова произносится мягко, какъ *je*; *ѣ*—какъ *jo*.

вины и засыпало меня землею по колѣни. Товарищъ кое-какъ освободилъ меня, и мы принялись расчищать яму; но когда стали снова вытѣзать изъ нея, то повторилось то-же самое: край могилы опять обвалился. Мы дали знать объ этомъ отцу покойника. „Что-жь дѣлать?“ говорить онъ: „значить, земля не принимаетъ моего сына“. Похоронили мы его, кое какъ прикрывъ гробъ землею. Похоронивъ сына, старикъ сталъ сильно горевать, сознавая, что на покойникѣ тяготѣетъ его проклятіе, и отправился въ одинъ изъ монастырей покаяться. Тамъ онъ во всемъ сознался духовнику, и тотъ велѣлъ ему откопать гробъ сына и снять съ сына проклятіе. Раскопавъ могилу, старикъ сталъ молиться. Молитва его была услышана: когда онъ, благословляя, перекрестилъ гробъ, земля затряслась, и гробъ вошелъ въ нее.

(Сл. Преображенная. Сообщила учительница Х. Сильченкова).

3. Диты прокляти родытылями не будутъ бачыть счастья и долго не жыты муть (будутъ), а колы жонати—не буде ладу въ симьи и дитей не буде. А бѣлшъ бува такъ, що свой смертью не вымрають: съ тоскы або втопытця, або зави-сытця, а то хтось убье.

Такъ разъ сынъ вдарывъ своего батька, а батько и про-клявъ ёго и выгнавъ зъ хаты. Винъ и пишовъ, а зъ нымъ було грошей 25 рубливъ. Напала ёго тоска. грызе та й грызе. Зайшовъ винъ въ кабакъ, выпывъ зъ ягымсь чоло-викомъ и пишлы удвохъ. А дило було вже къ вечеру. Вый-шлы за слободу, а той отвивъ ёго зъ дороги, та й вбывъ, та й въ яръ укынувъ. Тамъ ёго и найшлы, тамъ ёго и за-копалы. А гроши не взято, цили, усе циле, тилко хреста не було на шыи, и той чоловикъ пропавъ, шо зъ нымъ пывъ въ кабади. Никто ны знае, видкиль (откуда) винъ приходывъ и куды дивсь,—мабуть (должно быть) нечыстый приходывъ за свой роботю. (Сл. Тарасовка. Сообщила учительница В. Свѣтъ).

4. Мать прокляла своего сына. Отъ винъ захворавъ и умеръ, а зымля и не приймае: шо закопають въ землю, а

вона ёго и выкыне, шо закопають опьять, а вона опьять выкыне. Тоди мать почала молытысь Богу, шобъ ёго Господь прынявъ и свята зымля. Господь простывъ ий грехы, а сына прыняла свята зымля: закопалы ёго, и вона вже билшъ не выкыдала ёго гришнаго тила.

(Сл. Ново-Николаевка. Сообщила учительница А. Слюбинская).

5. Жыла удова зъ однимъ сыномъ, который бувъ цырковный мастыр. Винъ бувъ послушный, трудолюбывый, а вона была пьяница: день и ничъ у шынку сыдыть, та все зъ сына требуе грошый на ирошій. Разъ прыйшла та маты изъ шынку и требуе зъ сына грошый на водку. Сынъ давъ ий грошый и сказавъ:

— „На, мамо, гроши та билшъ ны иросы! Сама соби заробы, тоди и гуляй, стикы (сколькo) тоби вгодно“. Вона взяла ти грошы, подывылась на ихъ, баче, шо трошкы (мало) давъ, и каже сынови:

— „Дуракъ ты, шо матыри трошкы давъ грошый та ше й зъ выговоромъ, — будь ты жъ проклятый отъ ныни и до вику!“ Сказала ци слова та й пишла въ шынокъ пропиты послидню копійку. Сынъ же пишовъ соби на роботу. Знисъ винъ на церкву золото, шобъ позолотыты главу и хрестъ, та й упавъ видтиля (оттуда) на землю и убывся. Взялы ёго и похоронылы. Чырызъ два дни гробъ зъ нымъ выйшовъ изъ ямы на верхъ. Люды взялы и въ другой разъ закопалы ёго. Чырызъ два дни случылось то-жъ: гробъ опьять выйшовъ изъ зымли. Значыть, проклятыхъ и зымля ны прыйма. Пипъ взявъ прыкыкавъ ёго матиръ и роспытавъ ий, чы вона ёго прокынала, чы ни. Тоди, якъ вона все рассказала ёму, пипъ звыливъ тий матыри, шобъ вона помолылась Богу и простыла сына своего. Вона все такъ зробыла, якъ выливъ ий пипъ, зымля тоди и прыняла тило и сына и гробъ билшъ ны выходывъ.

(Хуторъ Маліевъ).

6. Поссорились и подрались мать съ сыномъ. Сынъ въ азартъ схватилъ мать за косу, да такъ, что коса и осталась

у него въ рукѣ. Мать и проклѣяла его, сказавъ: „щобъ ты на мсти остався!“ Тотъ мгновенно умеръ, а она взяла да и связала ему руки своею косою. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, на кладбищѣ строили церковь. Копая канавы для фундамента ея, разрыли нѣсколько могилъ и въ одной изъ нихъ оказался трупъ, нисколько не подвергшійся глѣнию, и съ руками, связанными женскою косою. Это обстоятельство удивило рабочихъ, и они доложили о томъ священнику. Тотъ, зная, что на этомъ кладбищѣ давнымъ давно не погребаль, сталъ наводить справки, чья это могила. Мать проклятаго была еще жива; она и рассказала священнику, за что на ея сынѣ лежитъ проклятіе и почему, значить, и земля не принимаетъ его. Священникъ посовѣтовалъ старухѣ простить сына и помолиться надъ его могилою. Когда мать, окончивъ молитву, перекрестила трупъ сына и сняла съ него свою косу, онъ мгновенно превратился въ землю.

(Сл. Преображенная).

7. На Великдень мать вдова прійшла зъ дѣтмы зъ церкви до дому и стала розговлятьца, а маты й поперхнулась паскою та й вытрипыла очы. Старшій сынъ то побачывъ, засмѣявъ та й каже: „поспишай, маты, а то неvspишъ“. А маты на то отвитыла: „проклятый ты, сыну, отъ ныни и до вику! и щобъ ты смѣявся и не перестававъ!“ Съ той поры сынъ забиснувавъсь, стало ёго корчыть, сгынать у дугу. Зажыне ёму ноги назадъ, або голову завороте и ноги за голову; а смѣятьца такъ п не перестаетъ: безперечь сміетця. Такимъ и померъ. Маты затоскувала; други диты тежъ у неи померлы и вона сама осталась. А тутъ ослипла и рука отсохла, и никому ин було до смерти догодувать, такъ у людей и вмерла.

(Сл. Тарасовка).

8. На праздникъ Благовѣщенія одна старуха зашла изъ церкви къ своему жившему на отдѣлѣ сыну, очень скупому человѣку. Тамъ собирались уже обѣдать. Завидѣвъ въ окно свою мать, сынъ въ досадѣ приказалъ женѣ убрать все со

стола: онъ, видите, боялся, что мать съѣстъ у него лишній кусоѵъ хлѣба. А старуха какъ на зло засидѣлась очень долго, такъ что вся семья довольно проголодалась. Самъ хозяинъ терпѣлъ, терпѣлъ да и говорить своей женѣ: „чого оця (эта) жаба сыдыть у насъ, напыжылась?“ Не успѣлъ онъ это сказать, какъ откуда ни взялась огромная жаба, прыгнула и вцѣпилась ему въ щеку. Всѣ бросились снимать жабу, но никакъ не могли ее оторвать. Тогда старуха мать повела его по монастырямъ, много служила молебней; наконецъ, молитва ихъ была услышана: лягушка оставила преступнаго сына старухи, но, спрыгнувъ съ него, вцѣпилась въ стоявшую тутъ же постороннюю женщину, которая, какъ послѣ обнаружилось, сама, а не по приказанію священника, вздумала поститься по понедѣльникамъ (понедѣлкувать).

(Сл. Пресображенна).

9. Одынъ чоловікъ жынивъ своего сына и во время свайбы проклявъ ёго. Це (это) дило произошло такъ. Той чоловікъ въ день свайбы посылавъ сына своего на горыще (чердакъ) за бутылками, шобъ розлиты въ нихъ водку, а винъ ны хоче. Батько тоди и кажъ сынови: „чогожь, стерво прокляте, ны хочышь на горыще лизты? Чы ты боися домового?“ — „Вовкывъ боюся, а ны домового“, сказавъ у шутку сынъ батькови. А батько тоди якъ крыкне зъ досады на сына: „шобъ же ты, с—с—, сказывся (взбѣсплся), або вовкомъ ставъ, якъ оце ты зъ мене шкылюешъ (насмѣхаешся)!“ Ну, шо-жь зъ тымъ сыномъ здялось?—Винъ чырызъ часъ и ставъ вовкомъ, тоди саме, якъ сыдивъ за столомъ, — выскочывъ изъ-за стола та й побигъ вовкомъ по дорози прямо въ лисъ, а свайба такъ и розійшлась. Якъ побигъ той сынъ зъ дому вовкомъ, тико (только) ёго й бачылы: винъ живъ все у лиси. Прошло время ны мало, а объ ёму и висточки ниякой ныбуло; тико разъ и бачыла ёго вся симья, якъ винъ саме на Велькдень прыходывъ до дому и сыдивъ на прысѣбп (заваленкѣ) зъ самой ночи, ажъ покы й стали розгивлятьця. Якъ стали розгивлятьця, батько зробывъ хресне знаменіе и

сказавъ: „царство небесне усимъ нашымъ родычамъ, а жывымъ ныхай лыгевько згадаетца, и дай Богъ имъ въ свити пожиты!“ Ци вси слова чувъ сынъ того батька и подождавъ, погы батько все проказавъ, а тоди горко заплакавъ на прысьби и жалибно завывъ, якъ ото вовкы выють. Зъ хаты повыбигалы вси подывытьця на того вовка, и догадалась тоди вся симья, шо то ны вовкъ, а ихъ ридна симьянына. Началы плакаты и стали кыкаты ёго въ хату, а винъ шы пишовъ, а побигъ прямо у лисъ. Тамъ винъ подружывся зъ двома вовкамы и вмисти зъ нымы ходывъ у дыревви красты овецъ для йиды. Разъ пишы воны у дыревню на промысылъ та й зайшы до рпчки пыты воды. Постановылысь рядомъ и стали пыты воду зъ ричкы,—то имъ уздриваетца чоловича голова въ води отъ того вовка, шо бувъ чоловикомъ; отъ воны и начынають ёго кусаты за лыткы (икры), а винъ подожде, погы ти вовкы напыютца, тоди и самъ напыетца. Якъ прыйшы воны у дыревню, то й забралысь у кошару (хлѣвъ) до багатого купця и выдушылы тамъ трыста штукъ овецъ. Якъ стало свитаты, то два вовкы повыскакувалы изъ кошары, а той вовкъ, шо бувъ чоловикомъ, ны выскоче видтиля, потому шо тынъ дуже высокый. Воны, бачъ, туды якъ улазылы, то продралы крышу хлива и улизлы; а видтиль якъ прыйшлось чырызъ тынъ лизты,—ти, якъ вовкы, повыскакувалы, а цей то ни: сылы такы у ёго ны хватыло выскочыты. Прыйшы вивчари подывытьця на овецъ, дывлятца,—шо за удывленіе въ кошари, шо багато овецъ лыжыть подушыныхъ? Та й уздрилы мнжъ нымы вовка и заразъ стали ёго колякамы быты. Въ це саме время прыйшовъ до ихъ старшый чабанъ и ны звыливъ быты того вовка, потому шо винъ узнавъ, бачъ, шо то ны вовкъ, а чоловикъ; взявъ и пустывъ ёго на волю. а винъ тоди и побигъ у лисъ. Въ тому лиси бабы рвалы опенькы, та й злякалысь ёго, та й побиглы у дыревню и обявылы охотныкамъ про ёго. Охотныкы прыйшы въ лисъ и натрапылы ёго тамъ, взяли и убылы. Якъ стали зныматы шкуру зъ того вовка, то пидъ кожою найшы красный поясъ, якимъ винъ бувъ ше на свайби пидперезаный. (подпоясанный) До-

гадалысь охотныкы, по то ны вовкъ, а чоловикъ, взяли и закопалы ёго на воротахъ(?), и съ тыхъ поръ стали по ёму трязыну правыты и панахыды службыты. *) (Хуторъ Мазіевъ).

10. Косили въ полѣ рожь. Было тихо, душно. Въ полдень внезапно поднялась сильная буря, бушуетъ и все рветъ. Оставили свою работу косари, попрятались подъ телѣги, сидять. Но какъ внезапно зашумѣла, такъ же внезапно и стихла буря, а передъ косарями неизвѣстно откуда появился какой то паничъ въ шляпѣ, съ палочкой въ рукахъ, и спрашиваетъ ихъ?

— „Что вы за люди?“

— Хиба ны бачышъ? Жнеци. А ты хто.

— „Я изъ проклятыхъ дѣтей“, отвѣчалъ тотъ: „меня за самый пустякъ прокляла мать, когда я былъ еще маленькимъ. Случилось это такъ. Однажды мать моя мыла на рѣкѣ бѣлье, а я возлѣ нея бѣгалъ да болтался въ водѣ. Мать много разъ меня останавливала, но я не унимался. Наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, она крикнула: „а шобъ ты понисся ще бурю!“ Съ тѣхъ поръ я и пошелъ гулять по свѣту то вихремъ, то бурю“. При этихъ словахъ закружился вихрь и понесся черезъ поле. **)

11. Шла женщина съ кладбища домой, смотреть — на встрѣчу ей несется по дорогѣ вихрь. Она перекрестилась; вихрь тотчасъ разсѣяло, а передъ ней появился поразительной худобы человекъ. Приблизился и просить у нея воды. „Со мной нѣтъ воды“, говоритъ ему женщина: „развѣ пойдемъ ко мнѣ домой“. Тотъ молча послѣдовалъ за нею. Пришли. Женщина угостила незнакомца. Подкрѣпившись пищей и напившись воды, онъ обратился къ хозяевамъ и сказалъ: „Почитайте, добрые люди, своихъ родителей, особливо

*) Подобный разсвѣзъ напечатанъ по-малорусски въ одной книжечкѣ для народа (въ Кіевѣ), но обращеніе въ волка объясняется тамъ колдовствомъ вслѣдствіе соперничества изъ-за невісты. *Ред.*

**) Место записи не указано авторомъ *Ред.*

бойтесь оскорбить мать, потому что проклятія ея никогда не пройдут даромъ. Смотрите на меня и кайтесь. Я былъ грубъ съ своею матерью; она въ гнѣвѣ проявила меня, сказавъ: „чтобъ ты поднялся вихремъ!“ Съ тѣхъ поръ я и ношусь вихремъ. Теперь же, когда она, сожалья обо мнѣ, стала молиться за меня, подавать заупокойныя просфоры и служить панихиды, меня чаще отпускаетъ на свободу“. Засвисталъ вѣтеръ—и человѣка того не стало. (Сл. Преображенная).

П. И.

Изъ вышеприведенныхъ разсказовъ, собранныхъ г. П. И., большой интересъ представляетъ собою разсказъ о дѣвушкѣ—тополѣ и затѣмъ три послѣдніе: 9, 10 и 11. Всѣ они принадлежать къ обширному циклу народныхъ легендъ о превращеніяхъ. Легенды эти сохранились отъ древнѣйшихъ временъ, когда существовалъ взглядъ на явленія природы и на отдѣльные предметы, какъ на нѣчто одухотворенное. Конечно, не всѣ подобныя легенды отличаются одинаковою древностью, и интересно было бы установить извѣстные основные типы превращеній, созданные народной фантазіей, и прослѣдить видоизмѣненіе ихъ, чтобы такимъ образомъ можно было представить всѣ извѣстные разсказы изъ этого цикла въ опредѣленной группировкѣ и уяснить ихъ сущность и поэтическое значеніе. Статья г. П. И. представляетъ именно небольшой опытъ подобной группировки при чемъ въ основаніе ея положена причина превращеній, а не ихъ виды. Причиною здѣсь является, именно, родительское проклятіе, хотя варианты нѣкоторыхъ изъ этихъ разсказовъ передавались и передаются въ народѣ и съ другой основной идеей. Возьмемъ для примѣра превращенія въ растенія и въ особенности въ деревья. Еще древнимъ римлянамъ былъ извѣстенъ этотъ родъ превращеній, и если вѣрить поэту Овидію, собравшему и обработавшему въ своихъ „Метаморфозахъ“ огромное количество народныхъ легендъ о превращеніяхъ, то далеко не всегда причиною превращеній въ деревья, цвѣты и т. п. народная фантазія выставляла проклятіе.

Такъ, Филемонъ и Бавкида (кн. 8), напротивъ, обращаются въ вѣчно зеленѣющія деревья (дубъ и липу) въ награду за ихъ кротость и почтеніе къ богамъ, которыхъ они радушно приняли подобно тому, какъ Авраамъ принималъ трехъ странниковъ у дуба Маврійскаго ¹⁾. Дафна (кн. 1), избѣгавшая любви Аполлона, по ея собственному желанію превращена въ лавръ. Иногда и у Овидія превращеніе въ растеніе является прямымъ наказаніемъ боговъ. Такъ, Аттисъ (кн. 10) превращенъ Цибелою въ сосну за измѣну; Нарцисъ (кн. 3) сталъ цвѣткомъ за свою гордыню и влюбленность въ самого себя.

Особенно же часто превращеніе происходитъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія какого-нибудь чувства или отъ нравственнаго потрясенія. Геліады обращаются въ деревья отъ сильнаго горя вслѣдствіе гибели ихъ брата Фаэтона (кн. 2). По разсказу Плинія (*Historia naturalis*), онѣ превратились именно въ тополи, а слезы ихъ сочатся въ видѣ смолы, которая, отвердѣвая на солнцѣ, даетъ янтарь (повидимому рѣчь идетъ о Балтійскомъ побережьи, изобиловавшемъ янтaremъ). Любимый мальчикъ Аполлона, пастушокъ, становится кипарисомъ (кн. 10) вслѣдствіе неутѣшнаго горя по утратѣ дорогого оленя.

Къ этому-то послѣднему типу превращеній въ растенія принадлежитъ также приведенный г. П. И. и отмѣченный уже раньше изслѣдователями ²⁾ разсказъ о дѣвущкѣ—тополѣ въ томъ вариантѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ былъ, напри- мѣръ, Костомарову ³⁾. Причиною превращенія въ этомъ вариантѣ выставляется чрезмѣрная тоска по милomъ,—мотивъ

¹⁾ Привоюнаю разсказъ на эту тему, отмѣченный въ 1-й кн. Этногр. Обзор. (стр. 160) и множество подобныхъ легендъ у Аванасьева и Драгоманова о хожденіи Бога и святыхъ по землѣ.

²⁾ См. П. Чубинскаго, Труды этногр.-статистич. экспедиціи въ зап.-рус. край, т. I, вып. 1, стр. 224. Тутъ же разсказъ о мальчикѣ, брошенномъ матерью въ воду съ проклятіемъ и превратившемся въ рака.

³⁾ См. его „Объ историч. значеніи рус. народной повѣи“. Харьк. 1843, стр. 52 (съ ошибочно напечатаннымъ именемъ автора—Костомаровъ).

несомнѣнно гораздо болѣе поэтичный. И не мудрено, что онъ вдохновилъ знаменитаго украинскаго пѣвца Шевченка („Тополя“):

По диброви витерь вые,
 Гуляе по полю,
 Край дороги гне тополю
 До самого долу.
 Станъ высокій, листь широкий...

Эта тополя и есть дѣвушка, превратившаяся въ дерево съ тоски и огорченія, правда, при помощи колдовства.

Очень вѣроятно, что превращеніе въ тополь позднѣе уже было приурочено къ проклятію за лѣность къ работѣ, и повидимому одною изъ важнѣйшихъ, хотя и чисто внѣшнихъ причинъ такого приуроченія служило простое созвучіе названія дерева (*тополя*, по-малор. жен. рода) съ глаголомъ „полоть“ въ тѣхъ формахъ или, вѣрнѣе, въ цѣлыхъ фразахъ, въ какихъ этотъ глаголъ встрѣчается въ малор. разсказѣ (о *тополе*; *то полю*, то стою).

Въ народныхъ пѣсняхъ подобный эпизодъ передается еще съ одной интересною подробностью, а именно: возвращающійся послѣ долгой отлучки молодой мужъ начинаетъ рубить дерево на своемъ полѣ, но изъ дерева сочится кровь, слышится голосъ и стонъ, и онъ узнаетъ, что это его любимая жена, превращенная въ дерево злою свекровью, его матерью. Извѣстны малорусскія и польскія пѣсни съ такимъ содержаніемъ ¹⁾. Онъ принадлежатъ къ стародавнимъ и теперь рѣдко поются.

Что касается другихъ разсказовъ, сообщенныхъ г. П. И., и не имѣющихъ отношенія къ превращеніямъ, то можно еще остановиться на №№ 2, 4, 5 и 6, въ которыхъ рѣчь идетъ о томъ, что проклятаго сына (и исключительно сына) даже по смерти земля не принимаетъ, пока съ него не снято проклятіе. Намъ извѣстны польскія легенды на эту тему, хотя съ иными

¹⁾ См. П. Чубинскаго: Труды V, 704, № 308. Z. Gloger, Starodawna dumy i pieśni (Warsz. 1877, стр. 11).

подробностями; а имено: дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать, по смерти выставляло изъ могилы руку, такъ какъ земля ее не принимала до тѣхъ поръ, пока мать, по совѣту священника, не высѣла розгою виновную руку. Розга, воткнутая въ землю, выросла въ большое дерево, причемъ вся легенда приурочена была въ Польшѣ къ одной плакучей березѣ подѣ Грыжиной, близъ Косцяны (Kosten—въ нынѣшней Познани). Иногда наказаніе за ударъ, нанесенный отцу или матери, и даже за намѣреніе ударить варьируется такъ, что грѣшную душу дитяти не пускаютъ въ рай. Такой мотивъ особенно часто попадаетъ въ народныхъ пѣсняхъ и нѣкоторыхъ сказаніяхъ не только славянскихъ, но и нѣмецкихъ. ²⁾

Н. Я.

²⁾ См. польскій журн. „Висла“ за 1888, т. II, кн 4-я, стр. 817 (надъ къ Варшавѣ).

Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя.

(Посвящается памяти М. П. Колосова).

Въ февралѣ 1879 г. покойный М. П. Колосовъ писалъ намъ, между прочимъ, слѣдующее: „У насъ до сихъ поръ нѣтъ народнаго снотолкователя; а желательно бы имѣть его... Не записывали-ли вы народныхъ толкованій сновъ?“...

Исполняя это желаніе незабвеннаго наставника, сдѣлавшееся вскорѣ завѣтомъ, мы во время своей собирательской дѣятельности, при каждомъ удобномъ случаѣ, записывали изъ устъ народа толкованія сновъ. Накопившійся матеріалъ (около 540 толкованій) предлагаемъ вниманію читателей, въ увѣренности, что нашъ слабый опытъ вызоветъ подражателей, совмѣстными усиліями которыхъ составитя наконецъ русскій народный снотолкователь.

Предлагаемый матеріалъ собранъ въ рогачевскомъ, гомельскомъ, горецкомъ, оршанскомъ и сѣненскомъ уѣздахъ Могилевской губерніи, и въ городокскомъ и лепельскомъ—Витебской. Кромѣ нашихъ личныхъ записей, сюда вошло нѣсколько толкованій, записанныхъ по нашимъ указаніямъ гг. П. Романовымъ, П. Буднецкимъ и г-жами Головинской и Рукаковой. При этомъ толкованія, записанныя отъ мѣщанъ и духовенства, обозначены звѣздочкою.

Говорить о томъ, что народъ съ младенческою вѣрою, относится къ снамъ, почти излишне. По мнѣнію бѣлорусса, всякій сонъ непременно долженъ исполниться, хотя бы исполненія его и пришлось ожидать три года. Изъ множества лицъ, съ которыми намъ приходилось бесѣдовать объ этомъ

предметъ, только одна знахарка-ворожея (въ м. Микулинѣ, Оршанск. у.) высказала мысль, что пророческими сны бываютъ „не усякую ночь: иншую ночь справдзитца, а иншую пустый сонъ“.

Значеніе сновъ тѣмъ важнѣе, что количество толкованій и самыхъ сновъ, насколько намъ удалось подмѣтить, довольно ограничено. Длинный списокъ сновъ, приготовленный нами заблаговременно, остался съ весьма крупными пробѣлами: для множества сновъ намъ не умѣли дать толкованій. Несправедливо было бы объяснять это обстоятельство бѣдностью фантазіи бѢлорусса: издаваемые нами сказки уже достаточно опровергаютъ такое предположеніе. Количественная бѣдность сновидѣній, намъ кажется, вѣрнѣе можетъ быть объяснена тягостью повседневнаго труда, выполняемаго бѢлорусскимъ крестьяниномъ и часто доводящаго его до полного физическаго изнеможенія. У женщинъ, несущихъ сравнительно болѣе легкіе труды, количество сновъ больше, и самые сны разнообразнѣе.

Не вдаваясь въ подробное разъясненіе причинъ того или иного толкованія сновъ, замѣтимъ однакоже, что кромѣ толкованій метафорическихъ и толкованій по противоположности, въ бѢлорусскихъ снотолкованіяхъ большую роль играетъ созвучіе (мукà—мѹка, вовки—гѹвки, лошадь—ложь, воши—гроши, снѣгъ—смѣхъ и т. п.) и сходство внѣшнихъ признаковъ, напр. формы, цвѣта и пр. (яблоко, яйцо—вередъ; ягоды, горохъ, бобы—слезы; блинъ—письмо (листъ); пчелы—дождь, снѣгъ и т. п.)

Толкованія сновъ стоятъ въ тѣсной связи съ народными примѣтами и повѣрьями, и это вполне понятно: многіе предметы и явленія, объясняемые такъ или иначе, какъ наблюдаемыя на яву, естественно, получаютъ такое же объясненіе и въ снахъ.

Приводимые ниже матеріалы, для удобнѣйшаго пользованія, мы располагаемъ въ примѣрной группировкѣ по отдѣламъ, а каждый отдѣлъ—въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ.

1. Явленія и предметы природы.

Берегъ крутой увидишь—непріятность и опасность, а отлогій—веселье *.

Болото убачишь—плакать будешь.

Бурю видѣть—напастъ нѣйкая табѣ будя.

Воду чистую, щирецъ-пѣсокъ — дакъ хорошо, къ добру. И наоборотъ: бѣда будзець, надѣбро. Воду мутную—дакъ ловчѣй, ето добро. И наоб.: нехорошо, смутокъ будя, досада. Пить воду—быць у' людзѣхъ. Переходить воду—рѣчи говорятъ про тябе. Также: ще коли мелкій бродъ, дакъ не соусимъ дренно, а большій—дужо дренно. См. ключъ, озеро, рѣка, и еще: плавать, купаться (*отѣстия*).

Вьюгу видѣть—сварка будя, бранитца будешь.

Глину видѣть—тяжкая работа будя *.

Гору видѣть—трудъ великій, горе. Падать съ горы—великое горе. Также: потеря *. А коли не упадѣшь, то ничѣго, дѣбро. На гору итти—большое горе, а взойти—честь *. Ходить по горахъ—большую нужду побачишь.

Грозу, громъ—сварка будя. Также: напастъ нѣйкая будя (см. туча). Если въ домъ ударить—большое несчастье въ томъ домѣ *. Безвредная гроза—веселье *.

Грязь видѣть—ето уже непріятность якая. Также: горе. Валяться въ грязи—понось (поношеніе). Ходить по грязи—очернять люди *.

Дождь видѣть—къ слезамъ. Также: напастъ будя. Также: убачишься, съ кимъ давно не бачився *.

Дымъ бачить—новину почувешь *.

Жернова видѣть—окончаніе тяжелой работы. См. камни.

Зарево видѣть—къ погодѣ. См. огонь.

Зарю бачить—къ погоди (и примѣта). Также: хорошія извѣстія *.

Землю вспаханную видѣть—къ богатству, а заросшую—къ бѣдности *.

Золото—къ богатству *. Также: хорошія дѣла будутъ, заработки.

Камни видѣть—тяжелая работа будетъ. См. жернова.

Кирпичь—къ неудачѣ.

Ключь	}	коли повный—къ богатству, а сухой—къ бѣдности. См. вода.
Крыницу		
Колодезь		

Ледь видѣть и перейти—ето благополучно, а обломитца—дренно. Также: здоровье *; неудача *.

Луну ясную—дакъ приди, хто въ отлучцы, здоровый. Также: ничѣго, дѣбро. А тѣмяную бачить, дакъ приди, хто въ отлучцы, да нездоровый. Заходь луны видѣть—смерть табѣ будя.

Морозь видѣть—лѣтомъ къ грому; зимой—къ тяплу, дождь будя.

Мѣдь и мѣдныя деньги—плакать будешь. Также: ня дужа хорошо. Также—горе *.

Небо красное видѣть—война будя. (И примѣта).

Огонь видѣть—сварка будя. Также къ хорошей погодѣ. Малый огонь—неудовольствіе. * См. уголья, зарево, пожарь.

Озеро свѣтлое—няловко. И наоб.: ничѣго трохи, ладно. Озеро мутное—весаляй. И наоб.: грязькое зярѣ (озеро)—ня вотъ-то, нядѣбро. См. вода.

Песокъ—см. вода.

Пожарь—зимой къ морозу, лѣтомъ къ жарѣ *. Также: убытокъ *. Также: ссора будетъ. Также: будя у тябе злѣдѣй (ворь) у дворѣ. См. огонь, уголья.

Радугу видѣть—корѣмисель, знаймѣнь Божій. Также: кауть (говорить), нягода будя.

Рѣку, коли вяликую—слѣзы вяликія табѣ будуць. Также: радость *. Также: быть въ гостяхъ *. Также: сплетни *. Также: важный разговоръ *. А коли малую рѣку убачишь—малыя й слѣзы. См. вода.

Серебро и серебряныя деньги—плакать. Также: обманъ *; удовольствіе *.

Снѣгъ видѣть—смѣхъ будетъ *.

Солнце видѣть—хорошо; восходь солнца—дужа хорошо: освѣщаецъ цябе Господзь.

Соль видѣть и ѣсть — огорченіе *. Также: далекая дорога *.

Тучу грозовую—напасть табѣ будя. См. гроза.

Уголья горячіе—сварка будя. См. огонь, пожаръ.

Яму видѣть и упасть въ нее — бѣда случится *. (Ср. ниже: могила).

2. Предметы духовныя.

Ангела бачить уво свѣ—нехорошѣ, што янгала бачишь; это дьяволъ скидаецца янгадомъ, щобъ лихо якое здѣлать чаловѣку.

Бѣса видѣть—ето, кажутъ, хорошѣ; ето, кажутъ, янгаль.

Богу молиться—нехорошо, кажутъ. Также: благополучіе *.

Предъ иконами молиться—якая небудь смерть будя. Также: то слава Богу, то хорошо. Также: благополучіе *. Прикладываться къ иконамъ—радость *. Молиться съ земными поклонами—будзецъ пропажа у дворѣ. Молиться на колѣняхъ—исполненіе желанія *.

Икона—см. Богу молиться.

Крестъ нести—тяжелый трудъ *. Шейный крестъ видѣть—огорченіе *. Къ кресту прикладываться—огорченіе *.

Хоругви видѣть—къ пожару, огонь будя большій; а черныя—къ смерти.

Церковь видѣть—къ смерти; а церковное богослуженіе—жди гостей *.

3. Человѣкъ.

Арапа бачить—будешъ бачитца, съ кимъ давно не бачився *.

Архіерея видѣть—бѣда будя *.

Бабку-пупорѣзницу бачить—хворѣть будешъ, бабу позовешъ.

Бабѣ видѣть—ето слѣтки. Бабу растрепанную видѣть—непріятность *. См. молодзица.

Бесѣду, пирушку видѣть—будя досада; а коли и добрая бывая.

Блѣднымъ быть—къ здоровью *. Также: печаль *.

Больнымъ кого видѣть—ето къ здоровью *. Больнымъ себя видѣть—и будешь хворѣть. Также: осуждаютъ тебя люди *.

Босымъ видѣть себя—обкрадутъ.

Войну видѣть—и будя война, ти драча. Также: сильная мятель.

Войско видѣть—кашель будзець. Также: пожаръ будзець

Волосы—см. голову.

Голаго ти голуу бачить—стыдъ якійсь будя. А сябе голаго бачить—ни къ худому, ни къ доброму. Также: стыдъ *.

Голову повязывать лентами—болѣзнь *; платкомъ—клопоты *. Голову голуу видѣть—стыдъ *. Расчесывать голову—дѣвцы хорошѣ: замужь хорошѣ выйдя; а жанатой ни вѣтъ-то: мужикъ будя бить. Также: горе. Также: дорога. Также: порадошная жисть. Заплетать косу—сплетни *; перемѣна жизни *.

Гостей видѣть у себя—мертвецъ будя у дворѣ. Также злодѣи обкрадутъ.

Гробъ—см. могила

Дитя малое видѣть—ето, кажуть, хвороба къ табѣ подсакуя. Также: хлопоты *. Кормить дитя—убытокъ *. Дитя колыхать—нянчить хворобу будешь (болѣзнь вообще представляется въ видѣ дитяти). См. дѣвочка, мальчикъ.

Доктора видѣть—къ болѣзни *.

Дѣвочку небоольшенькую—суета будя у доми. А дѣвокъ бачиць—дзиво нѣйкое будзець. Также: разговоры про цябе. Также: прибыль *. См. дитя.

Жениться—см. свадьба.

Женщина—см. баба, молодзица.

Жида видѣть—добро; къ чаму-нибудь да Богъ приводитъ доброму. Также: янгаль бывъ коло цябе (Ср. бѣсъ). Также: обманъ *; плутовать придетца *.

Животъ большой видѣть—къ прибыли *.

Зубъ—коли вывалитца самъ, то смерть. Также: рабѣнокъ кили ё, помре. А коли часто ето бачишь уво снѣ, дакъ

дѣти твоѣ надовговѣшны. Коли выпада бязкровный зубъ, дакъ зродникъ умрѣ, да зъ мужняго боку; а коли кровный— да ти дитя умре, ти ближжающій зродникъ. Также: родня выпада: ти у' солдаты возьмутъ, ти умрѣ. Также: болѣть самому.

Коса—см. голова.

Кровь человѣчью видѣть—родственникъ прїѣдетъ *.

Ласкается кто во снѣ—просиць цябе будуць, лѣщитца.

Мальчика видѣть—непрїятность *. См. дитя.

Мать—см. родители.

Мертвеца видѣть—хворѣть будешъ. Также: граматызъ (ревматизмъ) будя. Также: къ непогодѣ *; къ перемѣнѣ погоды *. Покойниковъ давно умершихъ видѣть—Богъ вѣдаъ къ чаму: можа у церкви були. Также: къ смерти *. Мертвое тѣло—зимой отлѣга (оттепель) будя. См. могила, утопленникъ.

Могилу вырытую видѣть—безпремѣнно хтось умрѣ. Также: смерть, или другое большое несчастье *. (Ср. выше—яма). Гробъ видѣть—къ смерти. За три года до смерти можно видѣть. Также: веселье. Ладавомъ кадить—мертвецъ будя. Восковую свѣчу видѣть—мертвецъ будзець. А другую какую свѣчу видѣть—кладъ найти (ср. повѣрье). Зажигать свѣчу—счастье; гасить—несчастье *. Похороны видѣть—хотуры (похороны) ѣ будутъ.

Молодзицу хорошую бачишь—Божая Матерь къ табѣ приходила.

Монаха видѣть—обманъ *. См. священникъ.

Ногти на рукахъ большіе видѣть—горе будзець.

Носъ большой у себя видѣть—стыдъ будя *.

Отець—см. родители.

Пастуха видѣть—нягода будя.

Покойникъ, похороны—см. мертвецъ, могила.

Пьянаго видѣть кого-нибудь—услышишь о его болѣзни или смерти *. Пьянымъ быть—болѣзнь *. Также: неразумный поступокъ *.

Раненымъ себя видѣть—огорченіе. * См. больной.

Родителей умершихъ видѣть—смерть табѣ будя, по тябе приходили.

Руки чистыя видѣть—свободность *; нечистыя—къ тяжелой работѣ *.

Священника видѣть—кажуць дьяволъ приходивъ. Также: вѣцерь будзець. Также: къ благополучію *. См. монахъ.

Свадьбу видѣть—у томъ доми ховтуры будутъ. Также: николи ничо́го хорошаго не предвѣщая *. Самому вѣнчаться—ничого не бывая. Также: душа красуетца. Также: доля твоя красуетца. Также: больнымъ быть *. Женатому или замужней вѣнчаться—безнадежная болѣзнь и смерть *.

Ссору видѣть—мабуть (должно быть) хорошее будя што.

Утопленника видѣть—къ убытку. См. мертвецъ.

Царя видѣть—нечаянность *. Также: радость *.

Цыгана видѣть—лихорадкой заболѣешь *. Также: обманюць *.

4. Дѣ́йствіа.

Бить кого—нядѣбро: прибѣтца человекъ, ругатца будя и уреду дѣлать. Также: помирисься зъ злосьниками. Также: гости прибѣютца *.

Браниться во снѣ—радъ будешь.

Вздрогнуть во снѣ—нѣкто помрець изъ зродниковъ.

Ворожить во снѣ—батца, ня поможатца гѣру твоему.

Вывозить навозъ со двора—мертвеца оттуда повезуть.

А видѣть навозъ—сильно хворый будя у доми.

Вѣять хлѣбъ—корысть. См. ниже: хлѣбъ (*пища*).

Дѣлать грады въ огородѣ—къ смерти, кауць (говорять): хто закидая—помре. Грады, бачъ—могилки.

Жать ўво снѣ не такъ-то хорошо: сколько сноповъ нажнешь, столько годовъ проживешь. Жатву видѣть не хорошо: возьмутъ родню у солдаты и не убачишь яго (упадець, какъ подрѣзанный колосъ). См. ниже: жито (*растѣня*).

Заблудиться въ лѣсу—препятствіе *. См. ниже: лѣсъ (*растѣня*),

Играть что веселое—пріятный разговоръ имѣть, а пе-

чальное — скучный разговор *. См. ниже: слышать музыку.

Итти дорогою широкой—споръ (успѣхъ) у' дѣли; узкою—трудное дѣло *. Также: труды *.

Кататься во снѣ—неожиданная дорога *.

Красить что во снѣ—хвалить будешь кого-нибудь *.

Кружиться во снѣ—малому, дакъ на ростъ. См. падать.

Купаться во снѣ—къ радости *. Также: въ гостяхъ быть *.

Курить табагъ—непріятность; также и нюхать.

Летать во снѣ—успѣхъ въ дѣлѣ *.

Молоть во снѣ—будешь болтать пустое, языкомъ молоть.

Ср. ниже: вѣтракъ (*жилище*).

Мотать нитки—тайность узнаешь *; а разматывать—плётюкъ много почувешь. См. сновать, ткать; ср. ниже: нитки (*одежда*).

Мыться—см. ниже: баня (*жилище*).

Надѣвать—см. *одежда*.

Накрывать что во снѣ—конецъ дѣла *.

Находить что во снѣ—къ прибыли. Найти кладъ—не хорошо.

Нюхать—см. курить.

Одѣваться—см. *одежда*.

Падать во снѣ—малому, дакъ на ростъ. (Ср. кружиться) Также: униженіе *.

Пахать, борозну вестъ—ето къ смерти.

Писать письмо—непріятный разговоръ *.

Пить—см. *пища*.

Плавать во снѣ—нягодно. Также: окончаніе трудовъ, если на берегъ выплывешь *. Плавать въ лодкѣ—нехорошо, опасуйся *. Также: далекая дорога *. Плавать по мутной водѣ—получишь въ дорогѣ непріятныя вѣсти *.

Плакать во снѣ—радоватца будешь.

Потерять что—плакать будешь. Также: неудача *.

Продавать что—прибыль *.

Прясть во снѣ—къ дорози.

Пѣть во снѣ—кауть, плакать будешь. (См. ниже: слы-

шать пѣніе). Также: печаль *. Также: устань хутчѣй (скорѣй) да умыйся, и опять заѣй тую пѣсню, а то пожаръ будя. Пѣть молитвы—радость *. Ср. выше: Богу молиться.

Сидѣть во снѣ—честь, а стоять—оскорбленіе *.

Скакать (танцовать) во снѣ—дѣвцы ти хлопцу радость, а муцини разоренья *.

Слышать музыку—у кого чувъ, дакъ и почувешъ тамъ ховторы (похороны). Также: чортъ приходивъ къ табѣ. Также: новости почувешъ*. Лай слышать—непріятный разговоръ. Пѣние слышать—плакать будешъ (ср. пѣть). Мужское пѣніе—удовольствіе, женское—неудовольствіе *. Звонъ слышать—напраслину хто-небудъ гоня; говорки. Также: новости слышать *. Звонъ большого колокола—большія сплетни; малыхъ—мелкія *. Выстрѣль слышать—письмо будетъ *. Слышать стонъ—огорченіе *.

Смѣяться во снѣ—поплачешъ.

Сновать кросна—къ дорози, у дорогу поѣдешъ. Также: плѣтки снуюць, готуюць. Также: плохія дѣла *. См. мотать, ткать.

Спотыкаться во снѣ—препятствіе.

Стоять—см. сидѣть.

Суетиться во снѣ—спокойствіе.

Терять—см. потерять.

Ткать кросна—одолѣешъ [вороговъ. Видѣть кросна—злосъ-нигъ, знатца, зюбаецъ, бяду готуецъ. Также: плѣтки. См. мотать, сновать.

Умываться—см. мыться.

Ходить по хатѣ и не выйти—большое горе; а коли выйдешъ—одягнешъ на жисць.

Цѣловаться—получишь оскорбленіе *. Также: свиданіе *.

Чесать—см. выше: голову.

Читать во снѣ—хорошая новость *.

Шить во снѣ—хлопоты *. Также: сплетни *.

Ѣсть—см. *тща*.

Ѣхать въ телѣгѣ или простыхъ саняхъ—бѣдность, а въ каретѣ—честь *. Ѣхать верхомъ—значитца, скорыствуешъ

зъ дурака. Также: вѣцерь будзець. Ъхать по желѣзной дороге—болѣзнь *; опасность *.

5. Пища.

Баранину ѣсть—здохня ти пропадѣ што-небудь съ скотины.

Блины ѣсть—горко табѣ будя, досада. А видѣть блины—знатца, письмо получишь отъ сына солдата. Также: шельма якая-небудь звѣня объ табѣ (сплетни).

Булки, пироги (бѣлый хлѣбъ) ѣсть—непріятность, досада.

Варить кушанье—сварка будя.

Вино пить—честовать будутъ *.

Вишни ѣсть—къ слезамъ.

Водку (горѣлку) пить—горко будзець, горе.

Говядину ѣсть—скотина подохня, вопадѣ (падежь) будя. Также: непріятность *, печаль *. Свое мясо ѣсть—не къ добру: утопись (утонешь).

Голоднымъ быть—хорошо, нужды ня будя *.

Горькое ѣсть во снѣ—нѣкто гнѣваецца на цѣбе. Горькое пить—къ нуждѣ *. (См. водка, рѣдька, хрѣнь).

Груши ѣсть—дакъ скудья (чирей) обсядя. Также: къ слезамъ *.

Икру ѣсть—слезы *.

Масло видѣть коровье—исполненіе желанія *.

Медъ ѣсть; дакъ погано, горко табѣ будя. Также: што-небудь будя. Также: сварка будя. Также: нехорошо, медно будя, печаль.

Молоко бачить—сварка будя (ср. сыръ, чай). Также: нехорошо. Также: забота *.

Муку ржаную—мѣка будя, досада.

Мясо—см. говядина.

Обѣдъ давать—сваты будутъ *.

Рѣдьку ѣсть—горе.

Сало видѣть или ѣсть—бить будутъ.

Солодкое ѣсть—будзешъ отъ нѣкого дзяку мѣць.

Сыръ—сварка будя (ср. молоко) Также: къ смерти, у томъ доми будя (покойникъ).

Хлѣбъ печеный видѣть или ѣсть—печаль якая-небудь на серцы печетца. Также: нужда будя *. Хлѣбъ печь—печаль будя. Хлѣбъ мѣсить къ печали *. См. выше: вѣять (*дѣйствіа*).

Хрѣвъ есть—горе.

Чай пить во снѣ—неожиданный подарокъ *. Съ молокомъ чай—ссора будетъ *.

Яйца видѣть—ня вѣтъ-то: скула (чирей) сядя. Разбить яйцо—смерть табѣ будя. (Ср. смерть Коцея по сказкамъ).

6. Одежда и ея принадлежности.

Башмаки коли обуешь, дѣбро; а разуешься—дренно. Новые башмаки—радость, старые—непріятность *. Также: нужда. Головки отъ старыхъ сапогъ видѣть—значить, здѣлаешь што-небудь такое, што послѣ себе дуракомъ назовешь *.

Бисеръ видѣть—ето слѣзы. Также: большія хлопоты, а малая польза *.

Бусы, корали, занизки—слезы, и чимъ буйнѣй (крупнѣе), тымъ горше. Также: руку порѣжешь.

Бѣлье чистое носить—дакъ хорошо, весель будешь. Также: чистымъ будешь. А грязное—стыдъ *. Стирать бѣлье—сметни *.

Жемчугъ—слезы *. Также: хорошее знакомство *.

Кольцо видѣть—женитьба или замужество.

Кросна—см. выше: сновать, ткать.

Кораллы—см. бусы.

Ленты видѣть—замужъ пойдзець, коли дѣвка. Также: дорога *.

Нитки спутанныя видѣть—препятствіе въ дѣлахъ *. См. выше: мотать.

Одежду видѣть черную—посцель будзець, захворѣешь. Также: подарокъ *. Бѣлую—дакъ ето хорошо; новую—ня дуга; особливо, коли хто въ отлучцы ѣсь, дакъ хворѣецъ. Также: благополучіе *. У старой одзежи видѣць (кого-ни-

будь), дакъ, знатца, вясѣль ёнь, здоровъ. Также: къ нуждѣ *. Богатую одежду хороше бачить. Много одѣжи видѣть—хлопотовъ много будя.

Платокъ видѣть—письмо будеть *. Также: подарокъ *.

Подушки видѣть—нездоровье *. Также: письмо *. Ср. постель.

Полотно. холстъ видѣть—дорога будя *. Полотенца—къ дорогѣ *. Холстъ разстилать — дорога якая-небудь выпади табѣ. Также: письмо придя.

Постель—нездоровье *; дорога *. Ср. подушки.

Поясъ завязывать—тяжелый трудъ *; а развязывать—облегченіе труда *.

Рукавицы надѣвать—препятствіе.

Сапоги—см. башмаки.

Ситець мѣрять или видѣть—деньги получать *.

Холстъ—см. полотно.

Чепецъ надѣвать—хлопоты *.

Чулки вязать—гроши получать *.

Шапку надѣвать — хлопоты *. Шапку хорошую носить во снѣ—честь, а диравую—стыдь *.

Шубу видѣць—шумъ будзець.

7. Жилище, утварь, орудія.

Бавю видѣть—дренно: говорки, страмъ якійся. Мыться въ банѣ—языками цябе людзи мыюць: говорки. Также: хвастать будешь *. Мыться горячей водой—непріятность *.

Борону бачить—говорки злыя, колоть будуть.

Веретено бачиць—сплетки бываюць, нѣхто круциць коло цябе.

Вѣтрагъ (мельницу) видѣть: дренно, располагають старья бабы. Также: языками мелюць про цябе. Ср. выше, *дѣйствія*: молоть.

Горницу чистую бачить—хорошо.

Городъ бачить—къ болѣзни. Также: у Кіевъ пойдешь Богу молитца.

Горшки видѣть—пустое занятіе *. См. кувшинъ.

Двери горящія видѣть женатому—жена помретъ *. Отворять двери и не отворить—неисполненіе желанія *.

Домъ новый убачишь, дакъ во—можно захворѣешь, а то ще ѿ умрѣшь. Также: къ смерти. Домъ строить — будзещь мертвецъ, построишь домовину, труну (гробъ).

Замѣкъ видѣть—значитца, коли помовчишь, дакъ не будешь каятца *.

Зеркало видѣть—товаришь обмана *. Также: свобода будетъ *.

Золу въ печи видѣть—сердитца будешь *.

Иголки видѣть—опасность *.

Иагородъ видѣть—сплѣтки почувешь.

Кабакъ видѣть—пекло увидѣвъ, Богу молись.

Квашню видѣть—къ печали. См. выше: хлѣбъ (*тѣца*).

Клещи кузнечныя видѣть—помочь въ работѣ *.

Крышу новую на своемъ домѣ видѣть — къ радости, а старую—къ бѣдности *.

Кувшинъ—новости пустыя *. См. горшки.

Ключъ найти—тайну откроешь *. Также: вора отыщешь *.

Лодка—см. выше: плавать (*дѣйствія*).

Мѣру (четверикъ) видѣть—аккуратно жить станешь *.

Окно отворенное видѣть—подарокъ будя *; прибыль *.

Острогъ видѣть—тоска и печаль будя *.

Печь видѣть—печаль будя якая-небудь, пячетца на сердца (Ср. выше *тѣца*: хлѣбъ). Развалившуюся печь видѣть—смерть отца или мужа *.

Свѣча—см. выше: могила (*человѣкъ*).

Столъ накрытый видѣть—къ доброму его.

Сундукъ пустой—его гробъ.

Телѣгу видѣть—къ смерти рѣднаго.

Цѣпы видѣть: говорки, молоцоць про цябе языками.

8. ЖИВОТНЫЯ.

Барана бачить — помрешь. Также: отъ глупости польза будя *. Овцу видѣть — зимой отлига (оттепель). Также: смерть. Также: блѣвкать будутъ,—гомонка гдѣ-нибудь будя

объ тую, кто видя. Хорошихъ овецъ, плѣнскихъ видѣть,—помрець отъ жабы кто.

Волка видѣть—гомонъ, говорки будутъ; говка будя. Также: сваты будутъ, коли молодому снить. А если волкъ что утащить, то свадьба будетъ. Также: злосъникъ; коли чорный, дакъ съ чорными волосьями, а рыжий, дакъ зъ рыжими—злосъникъ.

Ежа видѣть—опасность *.

Зайца бачить—погано. Также: обманъ (ср. повѣрье).

Козу видѣть—клевету почувешъ. Также: неприятность *.

Корову бачить чорную—хвороба, чернота табѣ будзець. Также: опасность *. Корову донть—слѣзы, плакать будешъ Доеную видѣть—неприятность *; недоеную—свиданіе съ пріятелями *. Теленка видѣть—къ хвороби.

Кошку видѣть—подзяресься съ кимъ.

Кроликъ видѣть—гости будутъ.

Крота убачишь—жди злодія (вора) *.

Лисицу видѣть—дакъ пожаръ будзець. (Ср. выраженіе: лиску поймать—опалить платье). Также: обманъ отъ пріятеля *.

Лошадь видѣть—постель тяжкая, хвороба. Также: смерть. Также: ложь, солжешъ што-нѣбудзь. Также: ложь услынишишь *. Также: неприятель такий, нежданный. Гладкій лошады—ничого, дббро; а худой—хвороба. Чорный лошады—злосъникъ, лиходзѣцель; а такъ яній—придзецца у дорогу ѣкаць. Ловить лошады во снѣ—потеря.

Медвѣдя видѣть—постель тяжкая, хвороба, поляжишь. Черный медвѣдь—къ хвороби; а снѣ удариць, а водали бачиць—дзиво нѣйкое будзець. Также: смерть сродника *.

Свинью бачить—вѣдьма тябе зрада. Также: ето люди супостаты на тябе. Лиходзѣцель нѣйкій у цябе. Злосъника. Бѣлая свинья—смерть. Свинья съ поросятами—знатца, у дворъ дармоѣдь придзецъ.

Скотъ во время ѣды видѣть—къ безкормиць. Выгонять скотъ въ поле—смерть будя.

Собаку видѣть—хорошій сонъ; а хто кажа: нехорошій.

Также: брѣхли. Коли кусая—дакъ ворогъ тебе укуся. А коли лащитца—другъ будя *. Собаку злую или бѣшеную—навретца злосыиикъ нѣйкій. Также: болѣвань друга *. Собачій лай—см. выше *дѣйствіа*: слышать.

Теленокъ—см. корова.

Хвостъ чій бачиць ўво сиѣ—хвастоваць будзешъ *

Аиста (бусла, буцяна) видѣть—большая потеря.

Воробья видѣть, поймать—забеременѣешь; а коли ўже няволна (за-мужемъ), дакъ родины скоро. (Ср. жаворонка, птичку).

Ворону, коли бачишь, што нясець што ды ўпусьдиць—дыкъ гроши найдзешъ.

Голубя видѣть—янгаль коло цябе бывъ. Также: женихъ будя *. Много голубей—къ счастью *.

Гнѣздо птичье найти—перейдешъ на лучшее мѣсто *.

Гусей, коли бѣлыхъ—къ снѣгу; коли кричать—помре кто-нибудь, поплачешъ.

Дятла долбящаго видѣть—неожиданныя извѣстія *. Также: печаль.

Жаворонка видѣть—забеременѣешь (ср. воробья, птичку). Также: къ веселью *.

Коршуна видѣть—ворогъ будя и злодій (воръ)*; а коли кого задзырѣць—то къ смерти.

Кукушку видѣть—печаль.

Курь видѣть—хлопоты будутъ. Также: пріатели будутъ *.

Ласточку видѣть—новости почувешъ *.

Орла видѣть—получишь письмо о смерти кого *.

Птиць дикихъ видѣть—подарокъ будя *. А поймать ихъ—къ радости *.

Птичку поймать—забеременѣешь, (ср. воробья, жаворонка); а холостая замужъ пойдя.

Пѣтуха видѣть—женихъ найдется *. А если онъ красный, то пожаръ будетъ *.

Сову видѣть—свиданіе *.

Утку видѣть—письмо будя *. А поймать или купить ее—женитца.

Карася, лина, окуня видѣть—забеременѣешь на хлопца (см. рыбу).

Пьявку поймаешь—забеременѣешь: пьявка вопѣтца, дакъ не минѣтца, забеременѣешь. Ср. рыбу.

Рака видѣть сырого — ништо, а варенаго — якѣй небудь стыдъ примешъ, попячешъ рака. Также: враги *; сшлетни *.

Рыбу—коли живая, дакъ дѣти жить будутъ (также: здорově), а коли мертвая — помрутъ (также: болѣзнь). Коли уловишь рыбину—забеременѣешь (см. карася, пьявку, жабу). Свѣжую рыбу видѣть—што-либо почуешъ, новину якую. Выбирать рыбу—нездоровъ будешь. Ловить рыбу—непогода *; болѣзнь *; подарок *. Удить рыбу—скука будя*.

Щуку видѣть—болѣзнь.

Гада видѣть—урагъ, неприятный человекъ. Также: злая женщина, вѣдьма *.

Змѣю видѣть—конь удара. А коли гонитца—ворогъ ёсь, напасць нацягнуць хочецъ. Также: тайный врагъ*. Ужа видѣть — сватовъ жди.

Жабу видѣть—забеременѣешь. Также: неприятность *; зависть *.

Лягушку видѣть—пьяныхъ убачишь.

Ящерку видѣть—малый урагъ.

Блохъ ловить—къ смерти; а вшей—къ деньгамъ, гроши будутъ.

Муравьевъ видѣть—дакъ гето старцелныхъ людей увидишь.

Пчель видѣть—къ снѣгу или дождю. Также: напасць. Также: неприятность. Также: молодой баби, коли жало упусти,—забеременѣя. Коли рой выйдя, дакъ помре кто—сироту примешъ. Также: семья разорится *.

9. Р а с т е н і я.

Арбузы (тыквы) видѣть — нехорошо, хвороба. Ще коли здоровыя, дакъ ништо, а коли гнилыя, то довго будешъ лежать. Вообще, гнилое што бачить—раны носить, гнить будуть. Также: тошнота, тоска.

Горохъ, бобъ убачишь, дакъ ето поплачешъ: слезы посыплютца, якъ бобъ, ти якъ горохъ. См. жито, просо.

Грибы брать—нехорошо; хоть якая хвороба, да ўсё поплачешъ; и што луччія грибы бярэшъ, добрыя (боровики), дакъ хужай горе: Также: прибыль. И наоб.: потеря. Также: скула сядя *.

Дерево срубленное или сломанное видѣть—помре старшій у доми; также и бревно, колоду. Дерево сухое—къ досади, сохнуть будешъ; также и бревно: сухота будя, тошновать будешъ. Дерево согнувшееся—печаль будзець *. Дерево зеленое—веселость; голое—скука. Дерево цвѣтущее—неприятность. Вообще лиственное дерево -- придзетца жиць мижъ сварливыхъ людей. Вообще хвойное дерево — печаль послѣ непродолжительной радости. Лѣсъ сосновый — къ пожару. Лѣсъ бачишь—коли темный, дакъ ето печаль, гора вяликое. Также: болѣзнь *. Дрова видѣть—сухота будя. Деготь — къ досадѣ. См. еще садъ, сирень.

Жито на нивѣ зеленое увидишь—знатца, оженишь сына ти дочкѣ выдаси. Также: нехорошо. Созрѣвшее жито — хорошо жить будешъ. Также: къ урожаю. Также: ти скула сядя, ти хвороба злучитца. Жито въ зернѣ — добрѣ, къ житѣю къ доброму; но зерновой хлѣбъ и къ слезамъ. Осимь зеленую видѣть—хорошо, веселость табѣ будя. Также: ето къ житѣю къ добрачому. Также: прибыль *. См. горохъ, просо, и еще выше: жать (*дѣйствія*).

Капусту бачить—хвороба будя, и што боляй, дакъ хужай. Кочанья—дренно, хвороба будзець.

Картофель (бульбу) видѣть — скуля будя. Также: урожай будя на бульбу. Также: къ слезамъ

Коноплю, ленъ брать—слезы будуть.

Ладонь—см. выше: могила (*челооткъ*).

Лукъ зеленый—стыдъ *. Также: слёзы *.

Лугъ зеленый убачишь, дакъ перша погоруешь, а послѣ хорошо будя. Также: радость *; а скошенный—печаль *.

Лѣсъ—см. дерево, и выше: заблудиться (*дѣйствиа*).

Огурцы видѣть—хвороба будя табѣ.

Орѣхи—къ слезамъ.

Просо — къ слезамъ; кромѣ того: скрѣбость (корь) ти воспа на дѣтяхъ будя, ти што. Также: досада, ти дѣти умрутъ. См. горохъ, жито.

Садъ цвѣтущій—дакъ дѣвцы жанихъ будя, а хлопцу нявѣста *. Садъ хорошо што видѣешь: весело будя. И наоборотъ: досада вяликая будя.

Сирень, цвѣты—небольшая забава.

Сѣно — шумъ якій-небудь будя у доми. Также: смерть кому небудь будя у хати. Также: сухота табѣ будзецъ. Также: къ шуму, къ сваркѣ. См. траву.

Табакъ—см. выше: курить (*дѣйствиа*).

Траву скошенную, въ покосахъ видѣть—къ смерти. Также: большой убытокъ *. См. сѣно.

Хлѣбъ зерновой—см. жито, просо.

Чай—см. пища.

Цвѣты рвать — хвалить будутъ *. Цвѣты на головѣ носить—набѣютъ *.

Щавель рвать—согласіе въ семьѣ.

Яблоки видѣть—нехай Богъ бороня, болячки будутъ. Также: слезы. Также: большая неприятность. Яблоки чистыя — здоровье, а червивыя—болѣзнь.

Ягоды красныя убачишь—нехорошо: короста будя. Также: воспа у дятей будя. Ягоды черныя—нядовко, жалоба (трауръ) будя. Также: слезы *. Рябину убачишь, то уже заплачешь. Калину ня вотъ-то бачить: слёзы, горко будя. Агрусть (крыжовникъ)—къ слезамъ. Бруснику бачить—слезы нѣйкія будутъ. Также: скуля, короста. Также: горячка.

ДВѢ СТАТЬИ О КИРГИЗСКИХЪ И САРТСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ *).

(Съ приложеніемъ напѣвовъ).

I.

Киргизская поэзія находится на той ступени развитія, когда всякое литературное творчество въ полномъ смыслѣ слова составляетъ достояніе не однихъ избранныхъ лицъ, но цѣлаго народа. Лишенные всякой искусственности и тѣхъ литературныхъ эффектовъ, которые въ послѣдствіи непременно проникаютъ во всякую поэзію, киргизскія пѣсни поражаютъ иногда дѣйствительно поэтическою прелестью, соединенною съ художественной простотой и правдивостью.

Въ музыкальномъ отношеніи киргизская пѣсня отличается какою-то особенною широтою мотива, но для того, чтобы

*) Печатаемыя здѣсь двѣ статьи извлечены изъ архива Имп. Общества Люб. Естествознанія. Первая статья предназначалась для Записокъ Туркестанскаго Отдѣла Общества, изданіе коихъ не состоялось; она принадлежитъ г. Готовицкому, писавшему недавно о юридическомъ бытѣ киргизовъ (см. Юридическій Вѣстн. 1885, № 5), и хотя ова написана довольно давно, однако не утратила живого интереса. Вторая статья, съ приложеніемъ нотъ, была прислана г. Пеевнигомъ на Моск. Антропологическую выставку (1879 г.) на нѣмецкомъ яз. и переведена по-русски покойнымъ М. Н. Харузинимъ; въ рукописи она была известна А. Н. Харузину (см. его изслѣд. „Киргизы Букеевской Орды“ вып. I, стр. 136,—въ „Извѣстіяхъ Имп. Общ. Люб. Естествозн. Антроп. и Этногр.“, т. 63). Обѣ статьи въ печати не были, и такъ какъ онѣ трактуютъ объ одномъ и томъ-же предметѣ, во при томъ такъ, что одна дополняетъ другую, то и печатаются вмѣстѣ. Ко второй статьѣ прилагаются мотивы, записанные г. Пеевнигомъ, и русскій переводъ нѣ-же записанныхъ текстовъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ киргизскихъ пѣсень, записанныхъ въ 1888 и 1889 гг. чл. Этногр. Отдѣла А. А. Ивановскимъ въ Семирѣченской области.

уловить его, нужно внимательно прослушать пѣсню нѣсколько разъ. Если первое впечатлѣніе, которое она производитъ на человѣка, не привыкшаго къ киргизской мелодіи, не можетъ быть названо особенно хорошимъ, то его далеко нельзя назвать также и неприятнымъ; а чѣмъ болѣе въ нее вслушиваешься, тѣмъ болѣе начинаетъ нравиться самая ея своеобразность.

Киргизы большіе охотники до пѣнія; всѣ они чрезвычайно любятъ изливать въ пѣнія свои мысли и впечатлѣнія на какой либо извѣстный или ими самими импровизируемый мотивъ. Пѣвца по занятію, или *ойлянчи* ¹⁾, поющаго свои пѣсни съ аккомпаниментомъ думбры, или трехструннаго инструмента въ родѣ гитары. киргизы слушаютъ съ видимымъ наслажденіемъ. Ни одинъ праздникъ, ни одно сборище народное не обходится безъ ойлянчи. Расположившись вокругъ него, слушатели устремляютъ на него все свое вниманіе и отъ времени до времени, увлекшись или содержаніемъ пѣсни, или удачнымъ переходомъ въ мотивъ, выражаютъ свое наслажденіе одобрительными восклицаніями.

Но кромѣ пѣсенъ специальныхъ пѣвцовъ, каждое семейное событіе, какъ то: свадьбы, рожденіе сына ²⁾, похороны поминки, непременно сопровождается пѣснями самихъ участниковъ церемоній, сложенными для этихъ случаевъ и поющимися мужчинами и женщинами, то хоромъ, то въ одиночку. Вообще почти всякая радость, всякое горе изливается у киргизъ въ пѣнія, которое въ большинствѣ случаевъ всегда прочувствовано и подчасъ производитъ глубокое впечатлѣніе на слушателя.

Мнѣ случилось разъ вмѣстѣ съ знакомымъ моимъ заѣхать въ одинъ большой аулъ. Киргизы весьма заинтересовались столь неожиданнымъ появленіемъ двухъ тюрей (чиновниковъ).

1) Семирѣченскіе и семипалатинскіе киргизы, по свидѣтельству г. Иванова, говорятъ *ульмичи* (отъ *ульмн*—пѣсни). Такъ называютъ простаго пѣвца, поющаго не собственныя пѣсни, въ отличіе отъ *акима*—пѣвца-слагателя.

Ред.

2) Рожденіе дочери не празднуется.

Одинъ изъ нихъ, бій и человекъ повидимому довольно достаточный, пригласилъ насъ зайти къ нему въ кибитку и зарѣзалъ барана. Та часть кошмы кибитки, которая оказалась обращенной къ сторонѣ вѣтра, была тотчасъ же поднята подъ „иргу“¹⁾, и въ этомъ просторномъ убѣжищѣ, прохладяаясь кумысомъ, подаваемымъ намъ двумя женами хозяйина, мы нашли для себя защиту отъ сильно чувствуемаго въ степи дневного жара. Болѣе почетныя лица аула вопли и разсѣлись ближе къ выходу внутри кибитки, а остальные помѣстились вокругъ нея, то внимательно наблюдая за нами черезъ рѣшетки кибитки, гдѣ была приподнята кошма, то разглядывая нашихъ лошадей и наши сѣдла.

Въ это время вниманіе наше было остановлено пѣсней, которая отзывалась неподдѣльною тоскою. Сильный и чистый женскій голосъ, mezzo-сопрано, раздавался въ степи, какъ будто неподалеку отъ насъ. Я не могъ уловить мотива, но онъ былъ чрезвычайно оригиналенъ и разнообразенъ, и навѣрное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходилъ въ импровизацію. Вниманіе всей публики обратилось къ пѣснѣ; по лирикамъ можно было заключить, что пѣсня нравится, что она понятна слушателямъ и нашла себѣ въ нихъ сочувствіе.

„Было время, — пѣлъ этотъ голосъ, — когда мой защитникъ, источникъ моего счастья былъ живъ, когда онъ красовался на бархатномъ (ворономъ) иноходцѣ, и когда я не была одинока. Ни одинъ путешественникъ, султанъ или казакъ, богатый или бѣдный, не проѣзжалъ мимо нашего аула, не посѣтивъ нашей кибитки. Распоряжаясь прислужниками, я старалась угодить тому, кто былъ лучшимъ изъ наѣздниковъ²⁾, и ухаживала за гостемъ. Всѣ относились къ намъ съ уваженіемъ, и тотъ, кто называется теперь волостнымъ, не разъ держалъ подъ уздцы иноходца моего мужа и господина. Время измѣняется; ишакъ (осель) сталъ перегонять быстрога бѣгуна. Кто захочетъ посѣтить теперь меня одинокую!..“

Оказалось, что пѣвшая эту пѣсню была вдова самаго по-

1) Веревка, стигивающая кошмы (войлокъ), которыми закрыта кибитка.

2) Подразумывается умершій мужъ.

четнаго челоѣка въ аулѣ. По смерти мужа она перестала почти выходить изъ кибитки, которую она всегда старалась ставить вмѣстѣ съ другой, ей принадлежащей, въ отдаленіи отъ другихъ, и вообще предавалась одиночеству. По словамъ нашего хозяина, когда она не была замужемъ, она считалась лучшей пѣвицей всего аула и не разъ, вступая въ состязанія съ извѣстными ойлячи, одерживала надъ ними верхъ своимъ искусствомъ и остроуміемъ. Теперь грусть по мужѣ служила единственнымъ содержаніемъ ея пѣсень, и какъ только до нея доходило извѣстіе, что въ аулѣ у кого нибудь гости, такъ та же печальная пѣсня оглашала аулъ и его окрестности. Между своими одноаульницами она пользовалась большимъ уваженіемъ.

Цѣня способность къ цѣнію и импровизаци, киргизы, въ особенности молодежь, обращаютъ большое вниманіе на всѣхъ лицъ, обладающихъ этимъ талантомъ. Никакая дѣвица не можетъ имѣть столько поклонниковъ и вздыхателей, какъ та, которая заявила о себѣ своимъ остроуміемъ и своими пѣснями; точно также и хорошій ойлячи, конечно, если онъ не старъ и не безобразенъ, пользуется такимъ расположеніемъ киргизскихъ дѣвушекъ, какого никогда не добьется ходжа ¹⁾, будь онъ богатъ, поглоти онъ всю мудрость мусульманскихъ книгъ въ бухарскихъ медресе (школахъ) и носи онъ на головѣ чалму какихъ угодно размѣровъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь о разницѣ, существующей въ отношеніяхъ къ своимъ пѣвцамъ у киргизъ и у другого, сосѣдняго съ ними народа — сартовъ. Пѣвцы послѣднихъ, или *гафизы*, хотя и пользуются бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ „маскерабазы“, т. е. комедіанты, но на нихъ, не смотря на названіе, которое они носятъ ²⁾, смотрятъ всетаки какъ

¹⁾ Ходжами называются въ киргизской степи потомки первыхъ распространителей между киргизами магометанства и кромѣ того тѣ сарты, которые, разлѣкаясь въ одиночку по степи, учатъ правиламъ мусульманской вѣры. Въ данномъ случаѣ глѣдуетъ подразумѣвать ходжу послѣдняго рода.

²⁾ Гафизъ—собственное имя одного изъ знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ XIV в.; въ значеніи же нарицательнаго имени *hâfiz* означаетъ ученаго, изучившаго наизусть коранъ.

на ремесленниковъ искусства, которые могутъ явиться въ домъ или на пирь не иначе, какъ по приглашенію. Между тѣмъ киргизы на своихъ пѣвцовъ смотрятъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ смотрѣли арабы на своихъ пѣвцовъ-наѣзтниковъ, и относятся къ нимъ почти такъ-же, какъ въ средніе вѣка относились къ миннезенгерамъ и менестрелямъ.

Подобно пѣвцамъ-наѣзникамъ арабскимъ, извѣстные киргизскіе пѣвцы предпринимаютъ иногда путешествія и, перѣѣжая съ думброй въ рукахъ изъ аула въ аулъ, передаютъ въ своихъ пѣсняхъ преданія киргизской старины и любовныя похощенія, или уже ранѣе сложенные въ пѣсни, или свои собственныя, въ которыхъ у ловкаго ойлячи не бываетъ недостатка. Нѣкоторые изъ ойлячи достигаютъ такой славы, что съ прибытіемъ ихъ въ аулъ, на сборище народное, одно изъ лучшихъ мѣсть уступается имъ, и всѣ присутствующіе ухаживаютъ за ними, какъ за почетными гостями. У сартовъ нерѣдко извѣстный своимъ искусствомъ пѣвецъ, позванный на „тамашу“, вторитъ танцующему мальчику и аккомпанируетъ его страстной пѣснью на своемъ дуттарѣ вмѣстѣ съ другими музыкантами, играющими на бубнахъ и барабанахъ, и такимъ образомъ уже играетъ второстепенную роль въ зрѣлищѣ, гдѣ всѣ вниманіе зрителей обращено на пѣніе и тѣлодвиженія мальчика. Если же извѣстный ойлячи поетъ на какомъ либо собраніи, то достаточно бѣглаго взгляда на слушателей, чтобы увидѣть, какъ все ихъ вниманіе сосредоточено именно на пѣвцѣ, на содержаніи его пѣсни и ея мотивѣ. Остроумное слово или удачный оборотъ мотива вызываютъ одобренія, а всякая помѣха пѣвцу встрѣчаетъ громкое неудовольствіе.

Хотя настоящія замѣтки не имѣютъ своимъ предметомъ пѣсни, поющіяся гафизами, но для того, чтобы болѣе рельефно выставить особенности киргизской пѣсни, нельзя не прибѣгнуть къ сравненію ея съ сартовской.

Содержаніемъ сартовскихъ пѣсней, кромѣ подвиговъ ихъ героевъ „палвановъ“, служить въ большинствѣ случаевъ воспѣваніе любви, описаніе женской красоты и любовныхъ

приключеній. Послѣдній видъ пѣсенъ сарты наиболѣе любятъ; какъ жители знойнаго востока, они внесли въ нихъ много страсти и неподдѣльнаго чувства. Ни въ содержаніи, ни въ мотивѣ этихъ пѣсенъ не сохранено того однообразно-оригинальнаго колорита, которымъ обыкновенно отличаются пѣсни народа цѣльнаго, не смѣшаннаго, и какъ бы въ соотвѣтствіи съ смѣшаннымъ происхожденіемъ сартовъ, въ пѣсняхъ ихъ можетъ быть подмѣчено нѣсколько оттѣнковъ. Однѣ изъ нихъ нѣжны и имѣютъ предметомъ своимъ описаніе чистой любви къ такому существу, душа котораго непорочна, какъ звѣзда; въ другихъ, наоборотъ, грубая страсть и чувственность проявляется въ каждомъ словѣ. Большинство первыхъ заимствованы изъ персидскихъ поэтовъ Саади (1184—1201) и Низами (1141—1202), или если и составляютъ произведенія поэтовъ джагатайскихъ, *) то принадлежатъ тѣмъ изъ нихъ, которые, какъ Миръ-Али-Ширъ-Наваи, подражали поэтамъ персидскимъ. Кромѣ того, особенно распространены пѣсни, заимствованныя у упомянутаго выше одного изъ семи свѣтильниковъ персидской поэзіи, пѣвца любви по преимуществу — Гафиза, котораго воспѣлъ Гейне; имя его такъ популярно, что оно сдѣлалось нарицательнымъ для всѣхъ пѣвцовъ (гапизъ или гафизъ). Сообразно съ характеромъ содержанія пѣсенъ, и мотивы, на которые они поются, то нѣжны, мягки и не лишены нѣкоторой пріятности, то грубы, рѣзки и крикливы. Въ пѣсняхъ киргизъ такого различія не имѣется, и всѣ онѣ носятъ на себѣ одинъ исключительно имъ свойственный характеръ.

Манера исполненія сартовскихъ и киргизскихъ пѣсенъ также различна: первыя поются чрезвычайно громко и часто фальцетомъ; вторыя гораздо тише, болѣе *largo* и въ большинствѣ случаевъ естественнымъ голосомъ. Сартовскія пѣсни часто поются двумя или болѣе гафизами сразу въ одинъ тонъ; киргизскіе ойлянци, въ особенности болѣе извѣстные,

1) Этотъ терминъ прилагается къ восточно-турецкимъ діалектамъ Хивы, Бухары и Кокана, а также къ туркменскимъ діалектамъ Туркестана (Кашгаръ, Ярландъ и т. д.).

предпочитають пѣть одни, такъ какъ, при исполненіи solo, они имѣютъ болѣе возможности переходить въ импровизацію.

Особенное отличіе въ исполненіи киргизской пѣсни заключается также и въ томъ, что при пѣніи длинныхъ пѣсень ойлянци часто прерываютъ ихъ разговоромъ дальнѣйшаго содержанія пѣсни, сопровождаемымъ отъ времени до времени легкими аккордами, и потомъ снова смѣniają его пѣніемъ, иногда на прежній мотивъ, иногда на новый.

Обращаясь снова къ содержанію киргизскихъ пѣсней, необходимо упомянуть, что принятое въ литературѣ раздѣленіе поэзіи на эпическую, лирическую и драматическую можетъ быть вполне удобно примѣнено и къ нимъ, хотя, конечно, послѣдній родъ можетъ существовать въ киргизской поэзіи только въ зародышѣ.

Къ пѣснямъ съ характеромъ эпическимъ должны быть отнесены всѣ пѣсни объ Аблай-ханѣ, Абуль-хаирѣ, Кенисары, Наурузъ-баѣ и проч. ¹⁾ Въ нихъ воспѣваются военные подвиги этихъ лицъ, и наиболѣе удачными являются тѣ мѣста, въ которыхъ описывается борьба киргизъ съ кара-киргизами, т. е. собственно казаковъ, съ кыргызами. Какъ-бы переходную ступень между отдѣлами пѣсней эпическихъ и лирическихъ составляетъ изложенная въ формѣ челобитной отъ имени Джанъ-киси Шалнеиръ Тлентина Коканскому хану Битемиру пѣсня лироэпическаго характера, въ которой весьма краснорѣчиво описываются притѣсненія, какія претерпѣвали киргизы при коканскомъ владычествѣ.

Пѣсни лирическія составляютъ самый значительный отдѣлъ. Кромѣ древней поэмы „Кузу Курпечъ и Баянъ-Солу“, описывающей трогательную любовь и страданія двухъ влюбленныхъ, и нѣсколькихъ другихъ поэмъ, отдѣлъ этотъ состоитъ изъ множества болѣе короткихъ пѣсней, предметомъ

¹⁾ Аблай-ханъ—историческая личность пропалаго вѣка. Развалины его крѣпости и монастыря находятся за г. Устькаменогорскомъ (Семипалат. обл.), въ 6 верст. отъ Себикскаго пакета.—Ханъ Кенисары—предводитель разбойничьей шайки (см. ниже въ библиогр. отдѣлѣ „Алгомыскіи Вѣд“). Ред.

которыхъ служить описаніе природы, мѣсть гдѣ встрѣчались влюбленные, ихъ разлуки, страданія и т. п. Сравненіе, какъ во всей восточной поэзіи, играетъ здѣсь не малую роль, но сравненіе это далеко не выражается тѣми отчаянными метафорами, которыми такъ обильно наполнена поэзія персидская. Напротивъ, простота и отсутствіе искусственности служить отличительнымъ признакомъ этого рода пѣсень, какъ и всѣхъ киргизскихъ.

Если отыскивать сходство между киргизской лирической поэзіей и поэзіей другого народа, то это сходство возможно найти развѣ только въ поэзіи арабской домагометанскаго періода и до вступленія на поэтическое поприще Мутанабби (915—965), въ пѣсняхъ котораго уже не встрѣчается той простоты, какою отличаются моаллакаты¹⁾ и современные съ ними древнія арабскія народныя пѣсни. Одинаковыя условія кочевой жизни одинаково отразились на народномъ творествѣ, и проявленіе этого творчества у тѣхъ и другихъ кочевниковъ выразилось въ почти сходныхъ звукахъ, которые какъ бы являются отголосками другъ друга. Если древняя лирическая поэзія арабовъ нѣсколько страстнѣе киргизской и въ некоторыхъ чертахъ энергичнѣе послѣдней, то основной мотивъ ея все-таки тотъ-же: тѣ-же встрѣчи двухъ влюбленныхъ, когда два рода во время кочеванія сходятся вмѣстѣ; тѣ-же мысли при разставаніи и тѣ-же мечтанья о новой встрѣчѣ. Холмы и песчаные бугры, овраги и балки, у которыхъ происходили свиданья, отзываются одинаковыми воспоминаніями; степной вѣтеръ наводитъ однѣ думы; пальма у арабовъ, тополь у киргизъ служатъ для однихъ и тѣхъ-же сравненій. Если бы Амрулкаисъ и Лебидъ, знаменитые арабскіе писатели до-магометанскаго періода, сочинили свои моаллакаты на киргизскомъ языкѣ, то они навѣрное были бы приняты киргизами не менѣе сочувственно, чѣмъ арабами.

Драматическая поэзія у киргизъ стоитъ на самой первона-

¹⁾ Бузвальное значеніе слова моаллакаты—вытѣшеная. Такъ называются сень образцовыхъ арабскихъ поэмъ, которыя были написаны золотыми буквами на шелковой матеріи и вытѣшены въ храмѣ Каабы.

чальной степени своего развитія; это та-же пѣсня, только въ формѣ разговора двухъ лицъ. Часто пѣвецъ предпосылаетъ этому разговору небольшое предисловіе, гдѣ дѣлаетъ, короткое объясненіе о разговаривающихъ лицахъ и потомъ уже переходитъ къ самому пѣнію. У сибирскихъ киргизъ изъ этого рода пѣсенъ наиболѣе извѣстна „Болыкъ и Илентай“, у туркестанскихъ — „Будабай и Карлыгачъ“. Содержаніе ихъ имѣетъ предметомъ состязаніе разговаривающихъ, большею частью мужчины и женщины, въ остроуміи. Кто нибудъ изъ нихъ задаетъ другому загадки и разные мудреные вопросы, и тотъ долженъ отвѣчать на нихъ, при чемъ иногда отвѣчающій выставляется чрезвычайно ловкимъ и удачно выпутывается изъ всѣхъ затрудненій, какъ Илентай въ первой изъ названныхъ пѣсенъ, а иногда попадаетъ въ просакъ и окончательно запутывается. Последнее наиболѣе часто приходится на долю ходжи, учившагося, какъ излагается въ пѣсняхъ, въ Бухарѣ и вступившаго въ разговоръ съ дѣвушкой, которая ему нравится. Неподдѣльный комизмъ во всей силѣ высказывается и въ злобѣ ходжи, который уже въ концѣ спора не знаетъ, что отвѣчать, и начинаетъ наконецъ браниться, и въ мѣткихъ насмѣнкахъ дѣвушки надъ его важною, ханжествомъ, бѣлой чалмой и проч.

Слушая пѣсни, имѣющія содержаніемъ одинъ изъ подобныхъ комическихъ разговоровъ, невольно вспоминаешь макамы Харири ¹⁾, хотя изложенныя не въ такой же формѣ, но дышашія такимъ же искреннимъ простодушіемъ и безыскусственностью. Весьма близко къ послѣднему роду пѣсенъ подходятъ дѣйствительныя состязанія пѣвцовъ (каимъ), слушать которыя киргизы такіе большіе охотники. Для того, чтобы участвовать на такихъ состязаніяхъ, нужно дѣйствительно обладать импровизаторскими способностями, такъ какъ мало того, что приходится придумывать отвѣтъ въ одну минуту, но его еще нужно изложить въ стихотворной формѣ и подъ аккомпаниментъ музыки.

¹⁾ Знаменитый арабскій писатель, Hariri (1054 — 1121), авторъ многихъ макамовъ, или небольшихъ рассказовъ юмористическаго характера.

Въ прежнія времена на всѣхъ сборищахъ, гдѣ присутствовали представители различныхъ киргизскихъ родовъ, непременно устраивалось такое состязаніе. Каждый изъ пѣвцовъ восхвалялъ родъ, къ которому онъ принадлежалъ, и сыпалъ насмѣшки сначала лично на своего противника, а потомъ уже и на всѣхъ его однородцевъ. Нечего и говорить, что на долю побѣдителя приходились восторженные оваціи; слава его росла, пѣсни его заучивались наизусть, и имя его дѣлалось извѣстнымъ на громадномъ пространствѣ степи. Если на сборищѣ участвовали члены одного какого-нибудь рода, то состязаніе ограничивалось задаваніемъ однихъ загадокъ или насмѣшками пѣвцовъ другъ надъ другомъ.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ съ однимъ изъ лучшихъ ойлянчи въ Кураминскомъ уѣздѣ, по имени Карабала, вышелъ на состязаніе его бывший учитель. Съ думбрами въ рукахъ они сѣли оба посреди слушающей публики. Начало было предоставлено бывшему учителю, пѣвцу довольно пожилому; онъ взялъ нѣсколько аккордовъ и въ первыхъ словахъ пѣсни сталъ предупреждать своего соперника, чтобы онъ берегся, подыскивая рпему и увлекшись состязаніемъ. нанести ему, своему бывшему учителю, оскорбленіе въ пѣснѣ. Противникъ его отвѣчалъ, что конечно онъ не забудетъ своихъ обязанностей къ бывшему учителю, но черезъ нѣсколько времени, послѣ того какъ тотъ не могъ отгадать какой то загадки, онъ ловко обвинилъ пожилого ойлянчи въ неумѣннн задавать ихъ; тотъ отвѣчалъ чѣмъ то въ родѣ того, что лучше, если бы его соперникъ призналъ себя побѣжденнымъ и т. д. Нужно было удивляться ихъ находчивости и быстротѣ сочиненія экспромтовъ. Долго они состязались съ равными силами, но въ концѣ концовъ Карабала оказался остроумнѣе своего бывшаго учителя: онъ такъ засыпалъ его насмѣшками, что пожилой ойлянчи вышелъ изъ терпѣннн, сталъ отвѣчать не въ рифму и невпопадъ и наконецъ совершенно сбился, вызвавъ этимъ на себя массу шутокъ и со стороны развеселившейся публики.

Нѣсколько времени спустя, Карабала состязался въ моемъ

присутствіи съ другимъ извѣстнымъ въ Кураминскомъ уѣздѣ пѣвцомъ, по имени Сербала, который оказался силенъ въ остроуміи не менѣе перваго; но Карабала и на этотъ разъ остался побѣдителемъ, благодаря своему голосу и умѣнью пѣть. Слушателямъ пѣніе его такъ понравилось, что, прекративъ состязаніе, они заставили Карабалу пѣть solo одну изъ тѣхъ эпическихъ пѣсенъ, о которыхъ уже было говорено выше.

Самыми знаменитыми пѣвцами считаются нынѣ уже умершіе Урунбай и Наурузбай; на сочиненные ими мотивы и до настоящаго времени поются не только пѣсни, сложенные ими самими, но и многія другія. Изъ современныхъ, какъ на болѣе знаменитаго, можно указать на одного изъ почетныхъ киргизъ Перовскаго уѣзда Баймурада; имя его извѣстно далеко за предѣлами уѣзда.*) Въ 1878 году мотивы Баймурада проникли и въ Кураминскій уѣздъ, послѣ того какъ онъ побывалъ въ Ташкентѣ въ числѣ членовъ депутаціи отъ Перовскихъ киргизъ, привезшей деньги, которыя были пожертвованы въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ.

М. В. Говицкій.

II.

Нравы и обычаи народовъ всегда стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ ихъ умственной и нравственной жизнью и потому между прочимъ могутъ служить доказательствомъ ихъ умственныхъ способностей. Въ такой именно тѣсной связи съ жизнью находится у киргизовъ пѣніе, имѣющее для нихъ такое важное значеніе, какое оно едва ли имѣетъ у другихъ извѣстныхъ намъ народовъ находящихся еще на низкой степени развитія. Доказательствомъ этого могутъ служить нижеслѣдующія замѣтки, которыя подтверждаются и другими новѣйшими изслѣдованіями о киргизахъ.

*) Не менѣе извѣстенъ въ настоящее время пѣвецъ Нагойбай, характеристика котораго представлена ниже, въ особой статьѣ, Ред.

Почти всѣ важнѣйшіе моменты въ жизни киргиза такъ или иначе связаны съ пѣніемъ.

1. Обученіе чтенію происходитъ путемъ пѣнія отдѣльныхъ буквъ и слоговъ.

2. Всѣ празднества при сватовствѣ, обрученіи и свадьбѣ должны быть необходимо сопровождаемы пѣніемъ: въ нихъ для всякаго дѣйствія существуютъ особыя пѣсни, или же, еще чаще, онѣ тутъ же импровизируются ¹⁾.

3. При пѣніи погребальныхъ пѣсень соблюдаются извѣстныя правила. Онѣ поются оставшимися въ живыхъ родственниками втеченіе круглаго года по смерти члена семьи, при чемъ обязанность пѣть ихъ распредѣляется между родственниками покойника слѣдующимъ образомъ: въ случаѣ смерти мужа эта обязанность лежитъ на женѣ, а на матери—въ случаѣ смерти сына или дочери; по смерти жены причитать полагается ея взрослой дочери, за отсутствіемъ же таковой эта обязанность исполняется ближайшей родственницей. Мужчины поютъ похоронныя пѣсни только въ честь лицъ знаменитыхъ или вліятельныхъ въ народѣ и притомъ лишь во время самыхъ похоронъ ²⁾.

4. При лѣченіи болѣзней пѣніе также играетъ важную роль. Мѣсто врача здѣсь заступаютъ *бакси*, которые представляютъ собою остатокъ древняго шаманства. Но вмѣсто барабана шамановъ у нихъ двухструнный инструментъ, напоминающій скрипку, обвѣшанный колокольчиками и звякающими кусками желѣза разной величины и формы. Этотъ инструментъ называется *кобусъ*. Сюда относится еще колба, на верхнемъ концѣ которой навѣшены также колокольчики или желѣзные кольца, прикрѣпленные къ четырехугольной дощечкѣ. На этомъ инструментѣ бакси аккомпанируетъ себѣ. Поетъ же онъ до тѣхъ поръ, пока не падаетъ въ конвульсіяхъ, которыя иногда бываютъ столь сильны, что его еле сдерживаютъ нѣсколько человекъ. Говорятъ, что есть бакси, которые во время такихъ припадковъ теряютъ совершен-

1) см. въ приложеніи № 15 и отчасти 12.

2) См. въ прилож. № 16, 17, 18.

но чувствительность, такъ что втыкають себѣ въ тѣло вилки на цѣлый дюймъ, лижутъ раскаленное желѣзо, и наступаютъ на него. Придя къ больному, бакси прежде всего щупаетъ его пульсъ, потомъ поетъ съ акомпаниментомъ кобуса. Послѣ этого онъ беретъ овечій навозъ (kamulak) и отгадываетъ по немъ причину болѣзни. Тогда онъ объявляетъ хозяину, какого барана слѣдуетъ принести въ жертву, для исцѣленія больного. Когда барана зарѣжутъ, бакси беретъ теплыя еще легкія и, ударивъ ими три раза больного, бросаетъ ихъ собакамъ. Затѣмъ онъ снова затягиваетъ пѣсню и, наконецъ, дѣлитъ мясо между всѣми присутствующими, исключая самого больного. Вслѣдъ за тѣмъ бакси объявляетъ, что больной выздоровѣетъ, если только не умретъ въ продолженіе столькихъ-то дней. Въ эти дни бакси пребываетъ около больного и ежедневно по нѣсколько разъ поетъ пѣсни, при чемъ онъ часто лижетъ раскаленное желѣзо, что по общему вѣрованію очень облегчаетъ больного, такъ какъ бакси всякій разъ беретъ часть болѣзни на себя.

5. Ни одно торжество у киргизовъ не обходится безъ пѣнія. На многолюдныхъ празднествахъ состязаніе въ пѣніи является излюбленнымъ. Для этого уже заранѣе выбираютъ двое, извѣстные за хоронихъ пѣвцовъ. Но иногда выступаетъ кто нибудь изъ толпы и вызываетъ кого нибудь выступить противъ него въ качествѣ пѣвца. Если никто не отвѣтитъ на его вызовъ, то онъ въ импровизированныхъ стихахъ начинаетъ потѣшаться надъ всѣмъ собраніемъ. Но если онъ найдетъ себѣ противника, то состязаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ пѣвцовъ не остановится, не умѣя отвѣтить противнику. Побѣжденный обыкновенно даритъ что нибудь побѣдителю. Выдающіяся состязанія остаются въ памяти слушателей и дѣлаются достояніемъ народнаго преданія ¹⁾.

6. Приближаясь къ какому нибудь аулу, киргизъ затяги-

¹⁾ На мотивъ состязанія построены пѣсни 13 и 14 въ приложеніи.

ваетъ пѣсню, и если онъ ѣдетъ одинъ, то онъ старается обратить на себя большее вниманіе жителей аула тѣмъ, что во время пѣнія рукою машетъ передъ ртомъ, чтобы казалось, что приближается нѣсколько человекъ.

Мнѣ кажется, что все сказанное достаточно подтверждаетъ высказанное мною въ началѣ статьи замѣчаніе, что въ жизни киргизовъ пѣніе имѣетъ такое важное значеніе какое оно едва ли имѣетъ у какого либо иного народа, находящагося еще на низкой степени культуры. И это обстоятельство, думаю я,—если только мы станемъ знакомиться съ произведеніями ихъ народнаго творчества,—можетъ привести насъ къ заключеніямъ, которыя будутъ имѣть важныя послѣдствія не только для нихъ, но и для насъ.

Еще не доѣзжая Ташкента, мнѣ удалось на одной почтовой станціи заставить одного киргиза пѣть мнѣ пѣсни въ продолженіе цѣлаго вечера. Онъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ инструмента, напоминающаго балабайку. Пѣніе его было большею частью импровизаціей, однако въ музыкальномъ отношеніи оно сильно заинтересовало меня. Тѣмъ болѣе удивительно было мнѣ слышать въ Ташкентѣ отъ людей, изъявляющихъ претензіи на пониманіе музыки, будто-бы киргизскія пѣсни не заслуживаютъ вниманія въ музыкальномъ отношеніи. Но г. Косовицкій, начальникъ отдѣленія канцеляріи ташкентскаго губернатора, хорошо знакомый съ киргизскимъ языкомъ, и г. Ибрагимовъ, уже много лѣтъ состоявшій переводчикомъ при генералѣ Кауфманѣ и жившій до этого долгое время среди киргизовъ, нѣкоторыми сообщенными мнѣ свѣдѣніями настолько возбудили мое любопытство, что я рѣшился достигнуть какихъ нибудь результатовъ въ этомъ вопросѣ.

Я заранѣе увѣренъ, что многіе будутъ сомнѣваться въ точности записанныхъ мною пѣсенъ и будутъ подозрѣвать, что я поддѣлывался подъ современный ладъ. Для такихъ читателей я опишу способъ и приемы, какими я пользовался, чтобы въ точности записать оригиналъ.

Прежде всего я обращалъ вниманіе на текстъ пѣсенъ

и записывалъ его точно въ отношеніи смысла и языка; при записываніи №№ 4, 5, 6, 7 и 8 мнѣ любезно оказывалъ помощь, какъ хорошо знакомый съ языкомъ, г. Н. П. Остроумовъ. Затѣмъ пѣсня пѣлась, а я перекладывалъ ее на ноты. При пѣніи присутствовали всегда нѣсколько киргизовъ, которымъ пѣсня также была знакома. Когда я убѣждался, что я вѣрно схватилъ мотивъ пѣсни, я ее самъ пѣлъ киргизамъ, пока они не объявляли, что я передаю мотивъ совершенно правильно. Добавлю при этомъ, что киргизъ всегда внимательно слушаетъ. Схвативъ такимъ образомъ мотивъ пѣсни, я при всякомъ удобномъ случаѣ пѣлъ ее какому нибудь другому киргизу, чтобы убѣдиться вполнѣ, что мотивъ вѣренъ.

Записываніе пѣсень представляло болѣе трудностей, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, потому что киргизъ въ видахъ благозвучія мѣняетъ часто гласныя во время пѣнія. Гортанныя гласныя какъ напримѣръ *ы* онъ опускаетъ почти совершенно, между тѣмъ какъ согласныя *н, м, з, с,* преимущественно когда на нихъ оканчивается слогъ, онъ заставляетъ звучать съ особенной силой. Если же за одной изъ этихъ согласныхъ въ серединѣ слова слѣдуетъ еще другая согласная то хотя первая звучитъ такъ же сильно, но рядомъ и одновременно съ ней является еще короткая гласная; напримѣръ, въ пѣснѣ № 5 встрѣчается слово *азретымъ* (*azrätinn*),—такъ выговариваетъ киргизъ въ разговорѣ, но въ его пѣніи ясно слышится *азеретымъ* (*azegätinn*): онъ растягиваетъ звукъ *з*, причемъ рядомъ съ *з* слышится короткое *е* подобное французскому *e muet*, на которое падаетъ удареніе только въ пѣніи. Если спросить киргиза,—какъ я и дѣлалъ это всякій разъ,—почему онъ такъ именно произноситъ слова при пѣніи, то онъ отвѣтитъ: такъ по пѣснѣ надо. Ту же причину онъ выставляетъ и для слѣдующаго явленія. Онъ часто стягиваетъ въ одинъ слогъ два слога, иногда даже два слова. Въ концѣ № 7 мнѣ никогда не пѣли *бирьайтсынь*, а всегда *брайтсынь*, хотя на слогъ *бирь* и стоитъ удареніе. Но дѣло въ томъ, что *ай* благозвучиѣе и дальше раздается по безпредѣльной степи, чѣмъ короткое *и*, а киргизъ любитъ, что-

бы его пѣсня была слышна далеко, поэтому-то онъ и предпочитаетъ въ этомъ случаѣ *ай*. По той же причинѣ онъ всегда прибавляетъ къ концу своей пѣсни и даже въ серединѣ и концѣ стиха—если это только возможно—двугласныя *ау* или *ю*. Что нужно ставить—*ау* или *ю*, это зависитъ отъ тѣхъ звуковъ, которые составляютъ послѣдній слогъ, отъ текста же пѣсни эти двугласныя не стоятъ ни въ какой зависимости.

У киргизовъ существуетъ только одноголосное пѣніе. Обыкновенно поетъ только одинъ человѣкъ, иногда, въ видѣ исключенія, нѣсколько, но никогда болѣе четырехъ или пяти. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что киргизы сильно интересуются самымъ содержаніемъ пѣсни, слѣдить за которымъ было бы трудно при хоровомъ исполненіи.

Всѣ мелодіи киргизскихъ пѣсенъ имѣютъ гармоническую основу, и это основаніе имѣетъ всегда опредѣленно выраженный гармоническій характеръ (тональность, *Tonalität*). Хотя на дѣлѣ киргизамъ неизвѣстны никакія теоретическія правила гармоніи, но очевидно имъ отъ природы присуще тонкое пониманіе ея. Я игралъ киргизамъ на фортепьяно ихъ мелодіи, положенныя на четыре голоса, но не пѣлъ ихъ при этомъ. Пока, гармонизируя мелодію, я строго придерживался ея характера и тональности, они все признавали за свое и говорили съ удовольствіемъ: „звучитъ такъ густо“. Когда же я болѣе свободно гармонизировалъ мелодію, все-таки придерживаясь ритма, киргизы не узнавали своей мелодіи. Киргизамъ присуще совершенно опредѣленное пониманіе гармоніи, когда дѣло идетъ объ ихъ пѣсняхъ. Яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить каденція (послѣдніе два такта) въ №№ 5 и 7. Когда я игралъ оба номера такъ, какъ они записаны мною, то киргизы признавали, что мелодія вѣрна; но какъ только я гармонизировалъ въ послѣднемъ тактѣ № 5 такъ: трезвучіе *b—dur*, трезвучіе *c—moll* въ терціи и конечный аккордъ *g—moll* въ квинтѣ, то они говорили, что это не такъ. То же самое было и съ № 7, когда я гармонизировалъ окончаніе мелодіи такимъ образомъ,

что въ трезвучіи с—dur доминантъ оканчивался на f—dur. Въ обоихъ случаяхъ такая каденція была бы вѣрна по теоріи.

Самая форма киргизскихъ пѣсень доказываетъ, что у киргизовъ прекрасное чувство мѣры въ построеніи пѣсни. Что киргизъ обладаетъ въ этомъ отношеніи тонкимъ чутьемъ и пониманіемъ, доказываетъ пѣсня № 6. Въ формѣ этой пѣсни мы замѣчаемъ неправильность очень непріятную для музыкальнаго слуха. Исполненіе этой пѣсни киргизомъ даетъ ясное доказательство, что и онъ это чувствуетъ также. Въ третьемъ тактѣ онъ дѣлаетъ небольшое *ritardando* и выдерживаетъ послѣднюю ноту этого такта такъ, что въ этомъ мѣстѣ происходитъ небольшая пауза. Я думаю, что для этого *ritardando* съ его остановками (здѣсь даже не появляются любимыя двугласныя *au* или *au*) нѣтъ другой причины, кромѣ желанія уничтожить неправильность въ построеніи мелодіи, что дѣйствительно и достигается этимъ. Гдѣ же научились киргизы такимъ приемамъ? Можетъ быть, это обстоятельство, а также то, что раньше было сказано о гармоніи, чему нибудь да научить тѣхъ музыкальныхъ нигилистовъ, которые думаютъ, что всѣ музыкальныя теоріи—вздоръ, и не хотятъ понять, что всѣ теоріи не что иное, какъ выраженіе вѣкового и непрекращающагося откровенія, глубоко запечатлѣннаго Богомъ въ душахъ народовъ, что поэтому ни одинъ человѣкъ, одаренный даже богатѣйшими способностями, не можетъ создать ничего долговѣчнаго, если тщательное теоретическое изученіе не ляжетъ въ основу его творенія. Чѣмъ дальше мы отдаляемся отъ этого откровенія, тѣмъ скорѣе приближаемся къ упадку.

Киргизы, раздѣляясь на малую, среднюю и большую орды, отличаются другъ отъ друга и способомъ пѣнія. Я вѣнѣлъ случая слышать пѣвцовъ большой орды ¹⁾, но вотъ что говорили мнѣ о народныхъ пѣсняхъ этой орды киргизы двухъ остальныхъ ордъ: „Въ большой ордѣ поютъ совсѣмъ

¹⁾ Типомъ современнаго пѣвца большой орды можетъ служить Ногойбай, которому посвящена слѣдующая статья, какъ дополненіе къ этимъ двумъ статьямъ.

не такъ, какъ у насъ: любой пастухъ изъ нашихъ поетъ лучше, чѣмъ первый пѣвецъ изъ ихнихъ". Помимо желанія перевозосить свое передъ чужимъ, мнѣ кажется, эти слова могутъ найти себѣ и другое объясненіе. Большая орда издавна кочуетъ въ сосѣдствѣ съ китайцами и находится въ постоянномъ съ ними общеніи; слѣдовательно, эти киргизы находились подъ вліяніемъ китайской культуры. Китайскія же мелодіи мы можемъ опредѣлить только посредствомъ монохорда, потому что у китайцевъ, какъ доказываютъ, кромѣ оттънка между тономъ и полутонемъ, существуетъ даже интервалъ въ четверть тона, а съ другой стороны интервалъ, содержащій въ себѣ даже больше полутора тона. О гармоніи здѣсь и рѣчи быть не можетъ, почему у нихъ пѣніе исключительно одноголосное. Большая орда въ великой драмѣ прошлаго была оплотомъ, о который безсильно разбивались волны греческой, арабской, персидской и русской культуръ. Въ борьбѣ съ близкой къ киргизамъ цивилизаціей китайцевъ культуры этихъ народовъ не могли оставить глубокихъ слѣдовъ. Поэтому пѣніе въ большой ордѣ должно стоять въ ближайшемъ отношеніи съ пѣніемъ китайцевъ, и вслѣдствіе этого оно и является непонятнымъ и непріятнымъ для киргизовъ малой и средней орды, на которыхъ отразилось вліяніе совершенно иной культуры.

Мнѣ было очень интересно прослѣдить на дѣлѣ, какое вліяніе имѣетъ на народное пѣніе близкое общеніе народовъ между собою. Я докажу это примѣромъ. №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7 и 8 приложенныхъ ниже напѣвовъ, записаны отъ тѣхъ киргизовъ малой и средней орды, которые живутъ только въ степи и не находятся въ постоянномъ общеніи съ другими народами. Другіе киргизы, какъ напр. живущіе въ одномъ изъ самыхъ плодороднѣйшихъ округовъ — Курраминскомъ, не прерываютъ сношеній съ живущими въ этой мѣстности сартами, смѣшиваются съ ними, и даже занимаются хлѣбопашествомъ, сохраняя при этомъ отчасти кочевой образъ жизни. Интересно сравнить ихъ пѣсни съ пѣснями вышеупомянутыхъ степныхъ киргизовъ.

Обратимъ вниманіе на мотивъ № 3: мы найдемъ въ немъ большое сходство съ пѣсней № 2, записанною отъ киргизовъ, живущихъ постоянно въ степи. Оказывается, что № 3 есть видоизмѣненіе № 2; онъ даже поется въ Кураминскомъ округѣ съ текстомъ № 5, но сверхъ того и съ тѣмъ, который подписанъ подъ № 3 Я усматриваю въ № 3 ослабленіе № 2 Безпредѣльная степь, чистое безоблачное небо. подъ которымъ вамъ дышится такъ легко и свободно, просторъ и ширь, передъ которыми вы пожалуй чувствуете себя какъ бы приниженнымъ,—вотъ что, по моему мнѣнію, выражается характерно въ № 2, а въ № 3 исчезло почти безслѣдно. Предоставляю вкусу каждаго судить, которая изъ этихъ двухъ мелодій лучше.

Сартскія пѣсни стоятъ гораздо ниже киргизскихъ, какъ по красотѣ и поэтической глубинѣ мелодіи, такъ и по нравственной чистотѣ самаго текста. Чтобы въ немногихъ словахъ охарактеризовать сартскія пѣсни, я скажу, что онѣ мнѣ всегда напоминаютъ Оффенбаха.

№№ 9 и 10—настоящія сартскія пѣсни. № 10 интересенъ между прочимъ тѣмъ, что первая половина этой пѣсни встрѣчается нота въ ноту въ одномъ изъ главныхъ мотивовъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“. Глинка вѣроятно слышалъ этотъ мотивъ на Кавказѣ, также какъ и свою лезгинку, потому что мелодія № 10 встрѣчается на Кавказѣ въ одной народной пѣснѣ. Безъ сомнѣнія, достойно примѣчанія, что одинъ и тотъ же мотивъ встрѣчается у двухъ народовъ, совершенно другъ отъ друга отдаленныхъ.

Русскій переводъ пѣсенъ 1, 2, 3, 9 и 10 сдѣланъ г. М. В. Косовицкимъ; г. М. П. Остроумовъ взялъ на себя трудъ перевести пѣсни 4, 5, 6, 7 и 8 *).

Р. А. Пфеннигъ.

*) Прилагаемый ниже переводъ пѣсенъ 1—8 (киргизскихъ) исправленъ г. А. А. Яввовскимъ и сверенъ съ подлинными ихъ текстами, которые мы помещаемъ подъ нотами. Ред.

Киргизскій народный поэтъ-пѣвецъ Ногойбай.

Возможно-ли быть среди киргизовъ и не слышать имени ихъ славнаго поэта-пѣвца Ногойбая? Какъ широко раскинулась сама киргизская степь, такъ-же широко разнесена и слава этого знаменитаго „акына“ (пѣвца). Стѣдуетъ только переѣхать черезъ Иртышъ, и уже тамъ нѣтъ почти уголка, гдѣ-бы не было извѣстно это имя. Ёдете-ли по широкимъ долинамъ Зайсанской или Чиликтинской, перерѣзываете-ли горы Тюэ-тасъ или Сара-тау, углубляетесь-ли въ самыя глухія, почти непроходимыя ущелья Алтайскихъ, Саурскихъ или Тарбагатайскихъ горъ, или даже вздумаете проѣхать въ предѣлы Небесной имперіи,—всюду можете услышать объ этомъ поэтѣ-пѣвцѣ. Чѣмъ же такъ плѣняетъ слушателей пѣсня Ногойбая? Слушавшій его хотя разъ, не захочетъ слушать другихъ пѣвцовъ. Между тѣмъ, какъ другіе слагаютъ и поютъ свои пѣсни про воинственныхъ батырей, про славныхъ хановъ и султановъ, про пиры, какіе задавали они на всю широкую степь, на всю киргизскую орду, изъ устъ Ногойбая ничего подобнаго не услышите. Горе народное слышится въ его пѣсняхъ, жалобы, стонъ безъ конца. Поэтому-то каждая пѣсня Ногойбая западаетъ въ самую глубину души слушателей, проникаетъ въ самыя сокровенныя тайники ея, задѣваетъ самыя живыя ея струнки. Новы такія пѣсни для „дикихъ сыновъ степи“ и никогда прежде не слышаны ими; съ жадностью слушаютъ они ихъ и готовы слушать безъ конца. Вотъ почему появленіе Ногойбая въ какомъ-нибудь аулѣ всегда сопровождается многочисленнымъ сборищемъ жаждущихъ послушать его. Такъ было и въ тотъ разъ, когда я впервые встрѣтилъ этого знаменитаго Ногойбая въ аулѣ киргиза Садыкана.

Это было въ концѣ іюня 1888 г. Послѣ десятичасового утомительнаго пути верхомъ по узкимъ тропинкамъ Саур

скихъ горъ, мы подъѣхали вечеромъ къ аулу Садыкана. Ауль былъ раскинутъ въ небольшой котловинѣ, замкнутой съ трехъ сторонъ горами. Что прежде всего поразило насъ, когда мы подъѣхали къ этому аулу, такъ это почти цѣлый табунъ осѣдланыхъ лошадей, стоявшихъ около него. „Ужъ не умерь-ли кто, нѣтъ-ли „баты“ (поминокъ)?“ подумали мы, удивляясь такому стеченію народа. Лай собакъ при нашемъ пріѣздѣ не вызвалъ, противъ обыкновенія, хозяевъ встрѣтить прибывшихъ гостей. Мы съ трудомъ проѣхали сквозь тѣсно сплоченный табунъ, съ трудомъ нашли мѣсто, куда могли привязать своихъ лошадей, и только когда появились въ дверяхъ юрты, хозяинъ ея Садыканъ, мой давнишній „тамыръ“ (пріятель), замѣтилъ насъ и, привѣтствуя съ обычнымъ ему радушіемъ, очистилъ для насъ мѣсто въ глубинѣ юрты, противъ дверей. Посыпался цѣлый рядъ привѣтствій какъ со стороны хозяина, такъ и со стороны собравшихся гостей: „аманъ ба“—здоровь-ли? „маль джанъ аманъ-ба“—душа и скоть здоровы ли? „хатынъ аманъ-ба“—жена здорова-ли? и т. п.; на всѣ эти вопросы я безконечное число разъ долженъ былъ отвѣтить: „аманъ, аманъ“—здоровъ. Послѣ обычнаго угощенія кумысомъ, Садыканъ какъ-то тайно и въ то-же время торжественно сообщилъ мнѣ, что сегодня для него „великій праздникъ“, такъ какъ среди своихъ гостей онъ видитъ и меня—„москова“, и знаменитаго ихъ „акына“ Ногойбая. Послѣдняя неожиданная вѣсть была для меня весьма пріятна: я самъ не менѣе Садыкана былъ радъ видѣть этого пѣвца, имя котораго давно было извѣстно мнѣ.

Я сталъ среди сидѣвшихъ въ юртѣ искать глазами Ногойбая, но между присутствующими не было ни одного, на которомъ бы можно было остановиться и сказать: „вотъ онъ!“ Я видалъ многихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ киргизскихъ пѣвцовъ и поѣтовъ, взысканныхъ милостями хановъ и султановъ, и, судя по этимъ, всегда богато одѣтымъ, съ многочисленными серебряными украшениями, съ надменнымъ взглядомъ, съ гордо поднятой головой, я думалъ такъ-же встрѣтить и Ногойбая. Но онъ былъ далеко не та-

ковъ. Когда мнѣ, наконецъ, указали его, я сначала рѣшительно не повѣрилъ, чтобы это былъ тотъ самый Ногойбай, слава котораго, можно сказать, затмила всѣхъ бывшихъ до него пѣвцовъ и поѣтовъ киргизскаго народа.

Въ углу, около двери, въ томъ мѣстѣ, которое называется киргизами „босога“ и считается далеко не почетнымъ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя ноги, какой-то слѣпой киргизъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ, но онъ былъ гораздо моложе; ему было, какъ я потомъ узналъ, всего только тридцать три года. Одѣтъ онъ былъ какъ послѣдній „эгинча“, самый бѣдный пастухъ, съ трудомъ прикрывающій свое грѣшное тѣло кой-какими жалкими отрепьями. На коленяхъ его лежала его постоянная спутница — двухструнная „донбра“ (родъ балалайки).

Въ юртѣ стоялъ шумный говоръ. Всякій дѣлился своими новостями. Молчалъ только Ногойбай. Онъ не любилъ говорить, онъ любилъ больше „думать“ и потомъ изливать свои думы передъ слушателями въ звучныхъ, задушевныхъ стихахъ. Но вотъ раздался тихій, дребезжащій звукъ донбры, раздался и замеръ. Говоръ сразу смолкъ, шумъ стихъ, наступила поляйшая тишина; всѣ жадно впились глазами въ Ногойбая. Опять зазвучали струны донбры, все громче и громче, чаще и чаще; потомъ онъ начали стихать, все тише и тише — и опять мертвая тишина. Никто не шелочнется, боясь нарушить ее. Ногойбаю подали чашку кумысу. Онъ съ жадностью выпилъ ее „Эй, джигиты“, — раздался затѣмъ сильный, звучный, съ легкой дрожью голосъ Ногойбая, — „эй, джигиты удалые, всѣ, старые и малые. и „ак-сакалы“, и „утагасы“, и „кара-сакалы“, всѣ слушайте пѣсню мою, слушайте бѣднаго акына, слушайте, что споетъ онъ вамъ“... И Ногойбай запѣлъ...

Вечеръ этотъ выпалъ для слушателей особенно счастливый: пѣсня за пѣсней лились изъ устъ Ногойбая, все болѣе и болѣе воодушевлявшася, все болѣе и болѣе овладѣвавшего сердцами слушателей. Сначала онъ запѣлъ о себѣ:

„Быль-ли то день, была-ли то ночь, когда родила меня мать,—

не знаю я. Если день, то, знаю, не играло тогда на чистомъ небѣ ясное солнце, не грѣли его золотые лучи близкихъ къ нему горъ, не освѣщали далекую отъ него степь; ни одинъ изъ нихъ не проникъ въ убогую юрту моей бѣдной матери, когда она рождала меня несчастнаго. Если была тогда ночь, то, знаю, не катилась по небу серебристая луна, не горѣли на немъ веселыя звѣзды; ни одна изъ нихъ не улыбнулась мнѣ новорожденному. Во мракѣ я родился, мракъ окружаетъ меня и во всю мою жизнь. Я не видалъ и не знаю ни матери, молокомъ своимъ вскормившую меня, ни ласкавшаго и цѣловавшаго меня отца, не знаю ни жены своей, ни дѣтей, не вижу и не знаю и никого изъ васъ. Какъ червякъ ползаетъ по землѣ, такъ-же, думалъ, и я буду влечить свою жалкую жизнь и такъ-же, какъ онъ, думалъ, и сгнію. Но великъ Аллахъ и его пророкъ Магометъ! Дѣла ихъ—тайна для насъ. Не давъ мнѣ зрѣнія, они наградили меня другимъ: они дали мнѣ слухъ, такой чуткій и тонкій, какой, не знаю, есть-ли у кого-нибудь изъ простыхъ людей, но какой, думаю, имѣютъ только Аллахъ да Магометъ“...

И затѣмъ въ высшей степени художественно, тонко, съ замѣчательной для „сына степи“ силой психическаго анализа, рисовалъ онъ передъ слушателями картины, какъ онъ, напримѣръ, не видя восхода солнца, тѣмъ не менѣ какъ-бы слышитъ его, чувствуетъ его всѣмъ своимъ существомъ; или, какъ напр., ранней весной, когда солнце только что успѣетъ снять съ земли ея зимній покровъ, и она еще не одѣнется ни бархатистыми травами, ни разноцвѣтными коврами цвѣтовъ, онъ уже въ это время слышитъ подъ землей какое-то движеніе, слышитъ, какъ шевелятся тамъ различные зародыши, слышитъ, какъ они затѣмъ выходятъ изъ земли, какъ тянется ихъ тонкій стебель, какъ потомъ на немъ образуется чашечка, какъ она распускается и какъ, наконецъ, на мѣстѣ ея получается чудный цвѣтокъ. „И могъ-ли я съ такимъ слухомъ, дарованнымъ мнѣ Богомъ,—восклицалъ затѣмъ Ногойбай,—могъ-ли я не слышать тѣхъ воплей и стоновъ, которые раздавались и раздаются вокругъ“.

меня? могъ-ли я не слышать ту скорбь и то горе, которое буйнымъ вѣтромъ носится и по гладкой степи, и по узкимъ ущельямъ, и по верхушкамъ высокихъ горъ, высматривая оттуда тѣхъ немногихъ счастливицевъ, которые еще не узнали его? Нѣтъ, я ихъ слышалъ, я все слышалъ. Все долетало до моего слуха, и ничто не пролетало мимо него. Со всей родной степи, со всѣхъ нашихъ горъ, ото всѣхъ моихъ со-родичей собралось вокругъ меня это горе и, наполнивъ собою мое бѣдное сердце, гложетъ, жжетъ и мучитъ его и рветъ на мелкія части. Горячею кровью обливается оно, несчастное, ища себѣ спасенія, но не находитъ его¹. Приблизившись такимъ образомъ къ своимъ излюбленнымъ темамъ, Ногойбай запѣлъ про то самое горе, которое „гложетъ, мучитъ и рветъ на мелкія части его сердце“.

Онъ запѣлъ о такъ называемомъ „джетацествѣ“, которое, появившись не такъ давно, съ каждымъ годомъ разрастается и принимаетъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры. Оно нашло, повидимому, въ киргизской степи, при ея настоящемъ, далеко незавидномъ экономическомъ положеніи, вполне удобную почву для своей пагубной дѣятельности и развертывается теперь во всю свою ширь и мощь. Не одна сотня жертвъ пала подъ его беспощадными ударами, не одна сотня ихъ выхвачена и выкинута имъ за предѣлы степи, выкинута съ тѣмъ, чтобы онѣ никогда больше не увидали ея. И, что въ особенности странно, положеніе этихъ жертвъ, этихъ такъ называемыхъ „джетаковъ“, никого, по-видимому, не интересуешь, никому не бросается въ глаза, никого не поражаетъ своими особенностями. А между тѣмъ эти полуосѣдлые бѣдняки заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. Немудрено тогда, что Ногойбай, этотъ пѣвецъ народной скорби, прежде всего остановилъ вниманіе своихъ слушателей именно на джетакахъ. Позволю себѣ и я остановить на нихъ ваше вниманіе, пользуясь прекраснымъ описаніемъ положенія ихъ у П. Е. Маковецкаго¹.

¹) См. протоколъ общаго собранія Семипалатинскаго Областнаго Статистическаго Комитета, засѣданіе 7 ноября 1887 года.

Что же такое джетакъ?

Потерявъ почему-либо скотъ — единственное средство для обезпеченнаго существованія въ степи, киргизъ прибивается къ какому-либо сосѣднему осѣдлому пункту. Здѣсь, при совершенно иныхъ, новыхъ, непривычныхъ условіяхъ жизни, киргизъ теряетъ подъ собой почву; онъ становится безпомощенъ, какъ рыба, вытащенная на берегъ и лишенная родной стихіи. Блѣдный, исхудалый, въ лохмотьяхъ, онъ представляетъ изъ себя иногда жалкое подобіе человѣка, на котораго нельзя смотрѣть безъ состраданія. Это-то и есть джетакъ. Непривыкшій къ работѣ, онъ однако по необходимости долженъ искать ее, чтобы пропитать себя и свое заморенное семейство. Еще куда ни шло лѣтомъ: тогда джетака, по крайней мѣрѣ, грѣетъ солнце, онъ дышитъ чистымъ степнымъ воздухомъ, его неприхотливыя жизненныя потребности удовлетворяются, хоть съ грѣхомъ пополамъ, какой-нибудь дырвой и почернѣлой юртой да небольшимъ количествомъ „айрака“ (кислаго молока). Не то зимою. Жестокіе морозы и снѣжные бураны заставляютъ джетака искать болѣе надежнаго прикрытія, и вотъ онъ идетъ въ поселокъ къ казаку присматривать и ухаживать за скотомъ домовитаго хозяина. На скотномъ пригонѣ, стоящемъ иногда отдѣльно отъ жилого двора казака, къ услугамъ джетака небольшая избушка изъ плетня, щели которой замазаны глиною, забиты землей, а подчасъ и навозной почвой, взятой съ того-же скотнаго пригона. Можно себя представить, какою жалкою защитой являются эти стѣны въ морозные дни и какая антигигіеническая атмосфера получается въ такой хатѣ въ оттепель. Остальная обстановка вполне гармонируетъ съ этимъ. Маленькое окно, иногда затянутое пузыремъ и едва пропускающее свѣтъ, на стѣнахъ—хомуты и другая сбруя для рабочихъ людей казака, тутъ же убогая и грязная рухлядь киргиза—вотъ обстановка, въ которой проводятъ зиму джетакъ со своей семьей. Прибавьте къ этому, что еще въ той-же избушкѣ помѣщается нарождающійся скотъ, и станетъ ясно, въ какихъ гибельныхъ, ужасныхъ условіяхъ

приходится перебиваться киргизу, навергнутому степью. Не встрѣчаемся ли мы здѣсь лицомъ къ лицу съ одной изъ наиболѣе яркихъ и наглядныхъ иллюстрацій явленія, извѣстнаго подъ названіемъ „вымиранія инородца?“ Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ неизбежно вымираетъ и что этотъ процессъ хронической гибели идетъ съ страшной быстротой. Но этого еще мало. Задыхаясь въ свой мазанкѣ, джетакъ, хотя и безсознательно, но жестоко, расплачивается за свою гибель съ другими: заразныя болѣзни, развивающіяся среди антигигиенической обстановки, распространяются и среди сословія, стоящаго въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ.— среди казаковъ.

Посмотримъ теперь, какія обязанности несетъ джетакъ за свое право существованія на казачьихъ задворкахъ. Онъ исполняетъ всѣ черныя работы по дому казака-хозяина, получая за свой трудъ отъ 5 до 10 рублей въ зиму, изъ которыхъ ему же еще приходится уплачивать по раскладкѣ поселочнаго общества налогъ, доходящій въ нѣкоторыхъ поселкахъ до 2 съ лишнимъ рублей. Какъ это ни странно, во это фактъ: джетакъ платитъ обществу именно за право проживанія въ поселкѣ, такъ какъ въ сущности онъ никакими общественными угодьями не пользуется. Правда, ему предоставляется выборъ: уплачивать налогъ, или же уйти изъ поселка. Но есть ли для джетака свободный выборъ, когда онъ задолжался у хозяина, который требуетъ отъ него работы? Что ждетъ впереди всякаго, кто попадаетъ въ подобныя безвыходныя условія? Мнѣ кажется, отвѣтъ слишкомъ ясенъ. А между тѣмъ ходячій взглядъ привыкъ считать явленіе джетачества даже желательнымъ, какъ переходную ступень на рубежѣ двухъ бытовъ, кочевого и осѣдлаго, какъ первый шагъ къ ассимиляціи двухъ народностей...

Вотъ про это-то джетачество, про этихъ-то на вѣки отрѣзанныхъ отъ своего народа джетаковъ и запѣлъ прежде всего Ногойбай. Казалось, въ этой пѣснѣ, дававшей столь много благодарнаго для него матеріала, полной щемящаго, жгучаго, безвыходнаго горя, онъ хотѣлъ излить всю свою душу

и облегчить свое наболѣвшее сердце. И надо отдать ему справедливость: какъ поэтъ-пѣвецъ и притомъ „дикій сынъ степи“, онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Тутъ онъ былъ весь на лицо; мощный талантъ его, развернувшійся здѣсь во всей своей силѣ, поразилъ меня. Мнѣ, дѣйствительно, никогда прежде не приходилось слышать изъ устъ киргиза что-либо подобное. Впечатлѣнiе оставалось сильное, глубокое, неизгладимое... Его звучные, прекрасно размѣренные, богатые риемой стихи, лившіеся совершенно свободно, естественно и легко, не смотря на то, что это была импровизація; его чистый, пріятный, полный задушевности голосъ, способный выражать самые тонкіе и нѣжные оттѣнки чувства; его по истинѣ артистическая игра на этой жалкой донбрѣ, подъ искусными пальцами своего „акына“ рыдавшей и плакавшей вмѣстѣ съ нимъ на своихъ двухъ струнахъ, — все это совершенно завладѣвало слушателями. И впечатлѣнiе получалось для слушателей тѣмъ тягостнѣе, тѣмъ сильнѣе, что у каждаго изъ нихъ невольно рождался вопросъ: кто знаетъ, можетъ быть, недалеко то будущее, когда многіе изъ нихъ, теперь относительно счастливые, также должны будутъ покинуть свою родную степь, также вести жалкую жизнь въ той душной, холодной, грязной мазанкѣ, описаніе которой въ пѣснѣ Ногойбая только что леденило ихъ сердца, и также испытывать въ ней всѣ прелести этой новой, *остдой* жизни.

Я по необходимости, говоря о Ногойбаѣ, долженъ былъ болѣе или менѣе подробно остановиться на джетачествѣ. Оно для пѣвца — самое больное мѣсто въ жизни его народа; въ его поэзи оно, такъ сказать, главный центръ, фокусъ, въ который собираются и группируются имъ всѣ остальные явленія киргизской жизни, уже какъ причины, породившія и укрѣпившія его. Явленія эти, будучи разнообразны и перемѣнчивы, также даютъ богатый матеріалъ для его пѣснотворчества. Но я не буду на нихъ останавливаться, во-первыхъ, потому, что это отвлекло бы меня въ другую весьма обширную область, требующую подробной разработки, а во-вторыхъ и потому, что многія изъ этихъ явленій, въ

результатъ которыхъ является джетачество, рассмотрѣны и въ литературѣ *). Скажу только, что въ поэзіи Ногойбая мы замѣчаемъ и другое теченіе. На ряду съ пѣснями, полными любви къ своему народу, искренней преданности къ нему, готовности, если потребуется, душу свою положить за него, пѣснями, гдѣ всѣ оскорбленные и униженные найдутъ сочувственный откликъ себѣ, гдѣ раздѣлится и облегчится горе ихъ,—Ногойбай, какъ бы памятуя истину, что

„То сердце не научится любить,

Которое устало ненавидѣть“,—

на ряду съ ними поетъ и другія пѣсни, исполненныя злобой, ненавистью и проклятіями ко всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе, тѣмъ или другимъ приноситъ ущербъ благосостоянію народа его. Будучи самъ искренній, честный, съ мягкой, на все отзывчивой душой, не терпящей лжи и неправды, а тѣмъ болѣе какой-либо обиды, дѣлящейся послѣднимъ съ бѣднякомъ, особенно съ тѣмъ, которому грозитъ джетачество, и поучающій и другихъ быть такими же, онъ грозно и безпощадно бичуетъ тѣхъ, которые иногда въ одинъ свой проѣздъ по степи оставляютъ на ней столь глубокіе слѣды, что ихъ не сгладятъ потомъ цѣлые годы...

Вотъ два рода поэзіи Ногойбая: съ одной стороны—поэзія горя и скорби, съ другой—злобы и ненависти; иной не знаетъ онъ. Сама жизнь, бьющая неизсягаемымъ ключемъ, съ ея безпрестанными видоизмѣненіями, съ ея вѣчно борющимися теченіями, даетъ ему столько живо-трепещущаго матеріала для его поэзіи, что, разъ отдавшись ему, сосредоточивъ на немъ все свое вниманіе, онъ даже не хочетъ и не можетъ оторваться отъ него. И въ его произведеніяхъ эта жизнь, какъ нельзя лучше, находитъ свое истинное, неприкрашенное, неувеличенное и неуменьшенное отраженіе. Достаточно слышать Ногойбая, чтобы эта жизнь встала передъ вами во всей своей наготѣ, такую, какою она есть.

*) Кроме отдѣльно разбросанныхъ статей въ „Вост. Обзор.“ и „Сиб. Газета“, см. довольно обстоятельную статью по данному вопросу П. А.: „Киргизская степь въ хозяйственномъ отношеніи“ (Эконом. жур. 1888 г. Авг.).

Пѣсни о быломъ, составляющія столь важный элементъ въ поэзіи киргизскихъ пѣвцовъ, почти чужды Ногойбаю. Прелестямъ и красотамъ природы, воспѣваніемъ которыхъ такъ любятъ услаждать слухъ своихъ слушателей эти „акыны“, Ногойбай очень мало удѣляетъ мѣста въ своей поэзіи, хотя пониманіе ихъ, какъ мы видѣли, не чуждо ему. Рѣдко-рѣдко бывають исключенія, когда онъ любитъ оглянуться назадъ. вспомнить прежнюю жизнь, вольную, свободную, раздольную, когда была всего полная чаша, любитъ иногда унести въ ясное голубое небо съ его безчисленными мириадами звѣздъ; но все это лишь для того, чтобы, спустившись оттуда, по его выраженію, на „пѣтомъ облитую, съ кровью смѣшанную, отъ неправды людской почернѣвшую землю“. еще рѣзче, рельефнѣе нарисовать тѣ неприглядныя картинки, которыя не тамъ гдѣ-то въ необъятной выси, а здѣсь, передъ глазами всѣхъ и каждаго, и не видѣть которыхъ не можетъ даже и онъ, слѣпецъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ одной пѣснѣ: „Степь меня родила, степь меня вскормила и вспоила, степью я дышу, степью и жить я долженъ; но только, — прибавляетъ онъ далѣе, — я сынъ не прежней степи, не той, какую знали наши отцы и дѣды, а иной, новой, какую знаемъ ее мы сами, и не болѣтъ, и не скорбѣтъ о которой не можемъ мы. Могутъ ли дѣти, видя умирающую мать свою, не плакать и не рыдать? Можемъ ли и мы, видя умирающую нашу мать-степь, радоваться ея смерти? Оживетъ она, оживемъ и мы. И какъ солнце, когда пронесутся подъ нимъ скрывавшія его тучи, еще ярче и веселѣе блеститъ, такъ и мы, когда пронесутся тѣ черныя, грозныя тучи, которыя висятъ надъ нами, забывъ все бывшее, страхнувъ съ себя горе, заживемъ новою жизнью, вздохнемъ, наконецъ, свободно полною грудью... Не таковъ тогда буду и я: на другой ладъ настрою я тогда свою двухструнную добру, не такъ заиграю на ней, не тѣ запоемъ мы съ ней пѣсни!“...

Изъ матеріаловъ по этнографіи сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ.

Национальныя божества

(по современнымъ вѣрованіямъ).

Предметомъ настоящаго очерка я избралъ національныя божества сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ. Выдѣляя эту часть изъ общаго изслѣдованія вѣрованій, я имѣлъ въ виду, насколько возможно, возстановить слѣды языческаго періода, поскольку они проявляются въ хаосѣ *современныхъ* религиозныхъ представленій, образовавшихся подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства. Такимъ образомъ, я оставляю въ сторонѣ и, такъ сказать, озырянившіяся представленія, т. е. представленія русскія, которымъ зырянская фантазія придала лишь нѣкоторые своеобразные оттѣнки. Исключеніе придется сдѣлать лишь для культа домового, такъ какъ онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ вѣрованіемъ въ орта.

Всякій, кому доводилось познакомиться съ литературой о зырянахъ, естественно, долженъ былъ поразиться многими неточностями и зачастую непримиримыми противорѣчіями. Источникомъ этихъ недостатковъ является то, что нѣкоторые изслѣдователи, не опредѣляя точно описываемой мѣстности, говорятъ о зырянахъ вообще. Между тѣмъ такія обобщенія немислимы въ виду ясно выраженаго различія между всѣми частями зырянскаго народа. Существующія названія: „сысольскіе“, „вычегодскіе“, „печорскіе“, „удорскіе“ зыряне опредѣляютъ не только мѣстность, но и различіе быта, вѣрованій, обычаевъ. Поэтому я особенно рѣзко подчеркни-

ваю, что, говоря въ данномъ очеркѣ о зырянахъ, я буду имѣть въ виду исключительно *сысольскихъ* и *вычегодскихъ* зырянъ, живущихъ по всей Сысолѣ и Вычегдѣ, т. е. занимающихъ всю юго-западную часть Усть-Сысольскаго уѣзда Вологодской губерніи.—Перехожу теперь къ самому очерку.

Уже неоднократно говорилось въ литературѣ о зырянахъ объ утратѣ почти всякихъ воспоминаній изъ ихъ прошлой жизни. Дѣйствительно, зыряне найдутъ, можетъ быть, очень немногихъ соперниковъ въ искусствѣ не сохранять никакихъ связей съ прошлымъ. Это тѣмъ болѣе странно, что, по крайней мѣрѣ теперь, они высказываютъ зачастую живой интересъ къ рассказамъ о давно минувшихъ временахъ. Жадно слушая такіе рассказы, они, по возможности, отыскиваютъ удовлетвореніе своему интересу даже въ книгахъ. Такое удивительное противорѣчіе можно объяснить развѣ только тѣмъ быстрымъ поворотомъ въ религію, который произошелъ у нихъ со времянь св. Стефана, и той отчаянной энергіей въ уничтоженіи языческихъ вѣрованій, описаніе которой мы находимъ въ Епифановой біографіи св. Стефана. Всякая связь съ прошлымъ была порвана сильной рукой проповѣдника, предки—язычники получили оскорбительное названіе „поганыхъ“, самое слово язычникъ стало презрительнымъ. Зыряне теперь не признаютъ никакого родства съ чудью. Среди нихъ ходятъ извѣстные въ литературѣ рассказы о крещеніи св. Стефаномъ чуди, о ея бѣгствѣ, зарываніи себя и имущества въ ямы, носящія и теперь названія „чудскихъ“. И старики указываютъ эти ямы, но говорятъ, что ихъ разрывать нельзя, такъ какъ онѣ нечистыя, въ доказательство чего приводятъ пустынную, неплодородную мѣстность близъ станціи Чукамыъ по Вятскому земскому тракту, гдѣ были нѣкогда могилы чуди. Зыряне помнятъ только, что они не послѣдовали примѣру чуди и крестились и съ тѣхъ поръ живутъ „по христіанскому обряду“. Я встрѣтилъ всего одного грамотнаго старика, утверждавшаго, что зыряне и чудь одно и то же. Живутъ они здѣсь, по его словамъ, искони, всегда назывались *коми* (т. е. зыряне), но русскіе, не понимавшіе

ихъ языка, назвали ихъ чудью отъ „чудной“ — непонятный. Нѣсколько разъ, впрочемъ, приходилось мнѣ слышать, что чудь была вовсе не дикій народъ, а уже осѣдлый, земледѣльческій. Доказывая его высокую культуру и богатства, эти зыряне ссылались на тотъ совершенно ни на чемъ не основанный фактъ, что чудинцы обрабатывали свои поля серебряными орудіями. Но такіе рассказы все-же крайне рѣдки.

Такая полная по общему правилу отчужденность отъ языческихъ временъ и служить главной причиной того, что зыряне забыли свою прошлую религію.

Подробно описанная Герберштейномъ *Золотая Баба*, на существованіи которой настаиваютъ какъ древніе, такъ и новѣйшіе писатели, и противъ которой косвенно возстаетъ лишь г. Лыткинъ въ своей послѣдней книгѣ о Зырянскомъ краѣ ¹⁾, совершенно неизвѣстна зырянамъ. Память о ней утрачена навсегда. *Войтель*, вызвавшій рядъ предположеній и часто ни на чемъ не основанныхъ толкованій ²⁾, также забыть. Услышавъ имена этихъ божествъ, зырянинъ задумчиво качаетъ головою и говоритъ: „не знаю, никогда не слыхаль“... Имя *Юмала*, по мнѣнію г. Арсеньева „чисто зырянское“ ³⁾, вызываетъ у зырянъ тоже недоумѣніе: о немъ никогда не слышали. Даже пословица „юма баба кодъ льокъ“ (зла, какъ юма), приводимая этимъ писателемъ въ подтвержденіе зырянскаго происхожденія слова Юмала, переводится зырянами съ трудомъ, при чемъ слово *юма* нѣкоторые переводить отказываются, говоря, что оно ничего не значить, нѣкоторые же передаютъ его словомъ *злой* ⁴⁾, такъ что по-

1) „Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ“. СПб. 1889 г.

2) Михайловъ „Устьянскіе“ Вологод. Г. В. 1850 № 2; Арсеньевъ „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“, стр. 5. Ср. это послѣднее сочиненіе со статей неизвѣстнаго автора „Зыряне“ (историч. очеркъ въ Памятной книжкѣ Вологод. губ. на 1867 и 68 гг.).

3) „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“ стр. 12.

4) Ср. Савванитова „Зыряно-русскій словарь“.

словица принимаетъ такой смыслъ: зомъ или зла, какъ злая баба.

Мнѣ удалось найти всего нѣсколько весьма слабо обозначающихся слѣдовъ древней языческой религіи зырянъ.

Первый изъ этихъ слѣдовъ сквозить въ пословицѣ, распространенной среди женщинъ: „чурки буди эн вомзясъ“, что по русски значить: не испортись. И одинъ старикъ объяснилъ, что слово *чурка* (имѣющее теперь измѣненный смыслъ и означающее незаконнорожденнаго ребенка), происходитъ отъ имени *Чурила*, древняго главнаго бога чуди. Увѣряя, что онъ слышалъ это въ дѣтствѣ отъ стариковъ, онъ сообщилъ еще, что чудь поклонялась коровамъ, кошкамъ и другимъ домашнимъ животнымъ. Кромѣ этого старика, больше никто и никогда не говорилъ ничего подобнаго.

Обоготвореніе свѣтила совершенно неизвѣстно зырянамъ. Есть, впрочемъ, одинъ обычай, въ которомъ можно видѣть намекъ на культъ солнца. Воображая себѣ теперь солнце и луну ходящими по небу, а звѣзды приколочеными къ нему, зыряне сохранили почти безсознательную вѣру въ способность солнца видѣть и вліять на явленія природы. До Ильина дня ледъ носятъ непремѣнно закрытымъ, „чтобы солнце не *видѣло*“, говорятъ зыряне, „иначе оно *пошлетъ градъ*“. Въ отвѣтъ на сомнѣніе въ способности солнца видѣть, многіе говорятъ, что такъ слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, стало быть, солнце видить. Когда я предлагалъ понести ледъ не закрытымъ, нѣкоторые говорили: „можетъ быть, ничего не будетъ... а вдругъ солнце *разсердится!*“ Вѣра въ то, что солнце видить, можетъ сердиться, посылать градъ, т. е. мстить, въ нѣкоторыхъ болѣе глухихъ мѣстностяхъ живетъ еще упорно.

Почитаніе огня выражается въ общеизвѣстныхъ и весьма распространенныхъ формахъ: въ огонь нельзя плевать; нечистую посуду бросаютъ въ огонь для очищенія; огонь нельзя затапывать ногами, а надо заливать водой. Последнее, впрочемъ, повѣрье потерпѣло крайне странную метаморфозу: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ, что огонь надо непремѣнно затапывать ногами. Такая противополож-

ность въ обычаяхъ свидѣтельствуеть о полной уtratѣ вѣрованія, его вызвавшего.

Явленія природы зачастую понимаются и теперь, какъ одушевленные существа. Ставшие теперь шутивными ¹⁾, разговоры съ вѣтромъ все-же иногда и до сихъ поръ носятъ характеръ серьезной вѣры въ способность вѣтра слышать, понимать и исполнять просьбы. Такъ, старухи просятъ совершенно серьезно вѣтеръ, чтобы онъ подулъ. Если послѣ усиленныхъ просьбъ вѣтеръ все-же не дуетъ, старуха говорить: „разсердился“...

Всѣ эти отрывочныя данныя и почти сгладившіеся слѣды дають право лишь констатировать фактъ обоготворенія, отнимая всякую возможность возстановить подробности культа.

Почти ту-же судьбу претерпѣлъ и культъ предковъ, приуроченный нѣкоторыми писателями къ орту ²⁾. Но едва-ли основательно такое приуроченіе. Вѣрованіе въ орта несомнѣнно чисто зырянское и кромѣ того мѣстное. Встрѣчаясь на Сысолѣ и Вычегдѣ, оно не было замѣчено изслѣдователями другихъ мѣстностей ³⁾. Его нѣтъ ни у русскихъ, ни у близкихъ къ зырянамъ пермяковъ и вотяковъ. Г. Куратовъ ⁴⁾ переводить слово орта русскимъ духъ. Тоже дѣлаетъ и г. Лыткинъ въ своемъ только что вышедшемъ словарѣ ⁵⁾. Можетъ быть, теперь духъ, душа по-зырянски дѣйствительно орта, но отсюда никакъ нельзя дѣлать заключенія, что *существо* (субстанція) орта есть духъ. Зыряне имѣють даже теперь весьма смутныя представленія о духѣ, и это смутное представленіе есть несомнѣнно плодъ обрушенія и христіанства. Всѣ ихъ лѣшіе, водяные и т. д. всегда имѣють тѣлесную форму. Всѣ эти существа можно видѣть и нанести имъ физическую боль. Представленія даже и о человѣческой душѣ чрезвычайно

1) Ср. Лыткина, „Зырянскій край“ и пр., стр. 163.

2) К. Л. Поповъ „Зыряне и Зырянскій край“, стр. 20 (Труды Отдѣла Этнографіи Имп. Общ. Л. Е. А. и Э. ич. III, вып. 2).

3) Ibidem, стр. 59.

4) Вологод. Г. В. 1865, № 37.

5) „Зырянскій край“ и пр., стр. 84.

смутны, а зачастую ихъ и вовсе не встрѣтишь. Въ этомъ отношеніи многіе совершенно дикіе народы опередили зырянъ. Извѣстно, что, напримѣръ, Билы (черныя племена Индіи) дѣлать сваренный для покойника рисъ на двѣ части, при чемъ одну часть оставляютъ у его могилы, а другую кладутъ „на порогъ его послѣдняго жилища, какъ пищу для души ¹⁾“. Зыряне же, вѣря въ способность покойниковъ (въ особенности колдуновъ) ходить, представляютъ себѣ ихъ во время этихъ странствованій именно въ томъ видѣ, какой они имѣли при жизни. Они связываютъ своихъ умершихъ колдуновъ, чтобы тѣ не беспокоили близкихъ своими посѣщеніями, при чемъ они нисколько не останавливаются надъ мыслью, что душа не можетъ быть связана. По рассказамъ, прежде былъ обычай дѣлать отверстіе въ могилѣ надъ ртомъ умершаго и вливать туда питье, но рассказовъ, свидѣтельствующихъ о заботахъ о душѣ, не встрѣчается совершенно. Что касается собственно орта, то самое выраженіе: „онъ худъ, какъ ортъ“, „чистый ортъ“, какъ нельзя лучше указываютъ на то, что ортъ есть нѣчто матеріальное. Данный каждому человѣку при рожденіи (въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ говорятъ, что ортъ бываетъ лишь у близкихъ уже къ смерти людей), ортъ передъ смертью этого человѣка является его роднымъ всегда ночью, принимая образъ именно этого близкаго къ смерти человѣка. Мѣстами же вѣрятъ, что ортъ является не роднымъ его, а ему самому, при чемъ *читаетъ ей до снѣжковъ*,—новое доказательство его матеріальности. Такія появленія бывали за три года до смерти. По смерти же человѣка, добавляютъ въ этихъ мѣстностяхъ, уходитъ съ нимъ и ортъ его, но куда—неизвѣстно. По болѣе распространенному вѣрованію, ортъ является въ образѣ покойника и послѣ смерти человѣка еще 40 дней, а затѣмъ пропадаетъ. Эти появленія и послѣ смерти могли бы дать право видѣть въ ортѣ поклоненіе предкамъ, но зыряне отягчаютъ посѣщенія орта отъ посѣщеній самого покойника. Это отличіе рельефно

1) Спенсеръ, „Основанія социологіи“, т. 1, стр. 172.

выступаетъ въ обычай вывѣшивать на всѣ 40 дней полотенце, чтобы ортъ и покойникъ утирались имъ по утрамъ: ортъ замѣчаетъ это полотенце, а покойникъ нѣтъ. Наконецъ, противъ смѣшенія орта съ покойникомъ громко и рѣзко говорятъ пророческія явленія орта человѣку, о которыхъ я сказалъ выше.

На вопросы, откуда явился ортъ, что онъ такое, куда дѣвается послѣ смерти человѣка, зыряне отвѣчаютъ, что этого знать нельзя. Во всякомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться, что ортъ не духъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не духъ предковъ.

Между тѣмъ зыряне почитали своихъ умершихъ предковъ. До сихъ поръ сохранилось названіе ихъ: ихъ звали „елмиками“ ¹⁾. Отсюда возникло и самое предположеніе, что Стефанъ срубилъ не березу, а ель, бывшую мѣстомъ нахождения многихъ божествъ. Извѣстно также, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почитался не только самый очагъ, но даже часть дома, прилежащая къ нему считалась неприкосновенною ²⁾.

Наведенные на мысль о чрезвычайно часто встрѣчающемся у разныхъ народовъ пріурочиваніи культа предковъ къ очагу, мы должны искать его и у зырянъ прежде всего въ существахъ, близко связанныхъ съ очагомъ и домомъ. Такимъ существомъ является *домовой*.

Я не буду говорить здѣсь о тѣхъ его свойствахъ, которыя такъ извѣстны каждому и которыя перенесены и къ зырянамъ. Приведу лишь тѣ двѣ особенности его, которыя созданы самими зырянами.

Во-первыхъ, встрѣчаясь въ старыхъ домахъ чаще, нежели въ новыхъ, домовый никогда не переселяется въ эти послѣдніе до постройки печи. Эта-то связь съ очагомъ, о которой я только что говорилъ выше, и даетъ право видѣть скорѣе всего именно въ немъ культъ предковъ.

¹⁾ Амвросій „Исторія Росс. Іер.“ VI, 566.

²⁾ Кл. Поповъ, „Зыряне“ и пр., стр. 9.

Во-вторыхъ, всякое переселеніе изъ стараго дома въ новый никогда не обходится даромъ: оно требуетъ жертвы. Зыряне радуются, если домовый въ этомъ случаѣ „навалится“, какъ они выражаются, на скотъ, такъ какъ зачастую при переселеніяхъ мрутъ и люди. Это вѣрованіе поддерживается тѣмъ, что дѣйствительно въ силу какихъ-то причинъ переселенія рѣдко обходятся безъ смерти. Это наводитъ такой страхъ, что многіе новые дома даже въ Усть-Сысольскѣ такъ и остаются необитаемыми. Во всякомъ случаѣ это вѣрованіе есть одинъ изъ немногихъ остатковъ жертвы. Въ данномъ случаѣ она всего легче объяснима, какъ жертва предкамъ за переселеніе, за безпокойство, причиненное имъ.

Добавлю еще третью характерную подробность въ вѣрованіи въ домового: домовыхъ нѣтъ совсѣмъ даже въ жилыхъ помѣщеніяхъ, разъ въ нихъ нѣтъ печи. Такими жилыми помѣщеніями являются „колы“, или дѣсные домики, построенные для перваго набредшаго на нихъ охотника. Охотники живутъ въ колахъ по нѣсколько дней, но домового въ нихъ нѣтъ. Здѣсь, кромѣ связи съ очагомъ, открывается еще связь съ семьей, постоянно живущей въ извѣстномъ помѣщеніи и, стало быть, теряющей въ немъ своихъ членовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что домовый считается существомъ добрымъ, покровителемъ семьи.

Теперь остается еще упомянуть о двухъ существахъ, представляющихся крайне сомнительными въ смыслѣ ихъ національности. Это — *лешакъ-мортъ* и *пѣлѣзничка*. Хотя нѣкоторые зыряне и увѣряютъ, что лешакъ мортъ былъ прежде (когда — неизвѣстно) злымъ богомъ, но кромѣ неопредѣленнаго „такъ слышали“ ничего въ доказательство сказаннаго привести не могутъ. Теперь имя лешака-морта приурочивается къ человѣку очень храброму, неустрашимому, но еще недавно *лешакъ-мортъ* было браннымъ словомъ. Можетъ быть христіанское вліяніе и превратило имя бывшаго бога въ оскорбительное прозвище, какъ это бываетъ при перемѣнѣ религій, но все это только предположенія. *Мортъ* значитъ *человѣкъ*; *лешакъ* очевидно производное отъ *лѣсъ*, *лѣшій*.

Нѣсколько болѣе обосновано зырянское происхожденіе *пѣлѣзничихъ*. Это была богиня, жившая во ржи и охранявшая ее. Прежде вѣра въ нее была такъ могущественна, что ни одинъ зырянинъ ни за что не коснулся бы ржи до Ильина дня, опасаясь какого-то страшнаго наказанія. Теперь вѣра эта утрачена. Пѣлѣзничихъ боятся только дѣти, о чемъ старики не мало сожалѣютъ, такъ какъ прежде, по ихъ словамъ, когда пѣлѣзничиха оберегала рожь, хлѣба были несравненно лучше. Нѣкоторые старики сообщали мнѣ, что она не исчезла и не умерла, а ушла куда-то, разсердившись на маловѣріе зырянъ. Самое имя ея видимо русскаго происхожденія: оно соотвѣтствуетъ *полудницѣ*. Г. Савванитовъ такъ и переводитъ слово „пѣлѣзничиха“ словами: „полудница, которая по мнѣнію зырянъ живетъ во ржи“, откуда и „пѣлѣзничиха синъ“—василёкъ ¹⁾, т. е. глазъ полудницы.

Этимъ почти забытымъ существомъ оканчивается нестройный рядъ полуисчезнувшихъ воспоминаній изъ области древнихъ зырянскихъ божествъ.

В. Кандискій.

¹⁾ Зыр.—русскій словарь, стр. 171.

Этнографическія замѣтки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни одна отрасль знаній не представляетъ такого обилія мелкихъ и разрозненныхъ фактовъ и наблюденій, какъ этнографія. Широкая область этой науки и въ высшей степени сложный матеріалъ, подлежащій ея вѣдѣнію, даетъ основаніе какъ для разнообразныхъ построеній общаго характера, такъ и для массы спеціальныхъ работъ. Люди науки собираютъ и группируютъ этнографическіе факты, согласно съ главными проявленіями народнаго міросозерцанія, морали и быта. Въ результатъ получаютъ болѣе или менѣе обширныя изслѣдованія о семейно-родственныхъ отношеніяхъ, демонологіи, народной медицинѣ и пр. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ наплываетъ новый матеріалъ, и между прочимъ такой, который не можетъ войти въ цѣльную систематическую работу, какъ законное и необходимое явленіе въ общемъ строѣ народной жизни, матеріалъ мелкій, отрывочный и своеобразный. Но и этотъ матеріалъ, вынесенный новѣйшимъ фольклоромъ изъ глубины народнаго быта, заслуживаетъ вниманія и объясненія, сначала хотя бы частнаго, мелко монографическаго, пока явится возможность поставить его въ связь съ другими однородными или сходными этнографическими данными.

Предлагаемыя вниманію читателя этнографическія замѣтки болѣею частью относятся, именно, къ мелкому или новому этнографическому матеріалу и составляютъ какъ бы продолженіе тѣхъ статей о культурныхъ переживаніяхъ, кото-

рыя были напечатаны мною въ „Кіевской Старинѣ“ за 1888 и 1889 гг. Однѣ изъ этихъ замѣтокъ по самой, такъ сказать, природѣ своей, по характеру трактуемаго предмета, не поддаются подробному спеціальному изслѣдованію; для широкой разработки другихъ нѣтъ подъ руками научныхъ пособій. Авторъ первый порадуется, если предстоящія замѣтки вызовутъ появленіе новаго этнографическаго матеріала или болѣе подробныя спеціальныя изслѣдованія по затронутымъ вопросамъ.

1. Сонъ-трава (*Anemone pratensis*) въ народныхъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ.

Въ настоящее время наука насчитываетъ много различныхъ приемовъ искусственнаго усыпленія, начиная отъ употребленія внутри сока усыпительныхъ растений и кончая таинственной силой гипнотическаго внушенія. Отъ наблюдательности народа не могло скрыться усыпляющее свойство нѣкоторыхъ травъ и манипуляцій массажа. Одно изъ раннихъ весеннихъ растений украинской флоры *Anemone pratensis* получило названіе „сонъ-трава“. Существованіе такого названія повлекло за собой соотвѣтственныя народно-поэтическія сказанія, пѣсни и повѣрья. Въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ объ украинской флорѣ *Роювича*, *Гортицкого* и особенно *Шмаллаузера* подробно обозначены ботаническія разновидности этого растенія безъ указанія на то, обуславливается ли его названіе дѣйствительнымъ свойствомъ усыплять человѣка, или мы здѣсь имѣемъ дѣло лишь съ голымъ названіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ народныхъ повѣрій объ усыпляющей силѣ растенія.

Въ народныхъ повѣрьяхъ травѣ-сну приписывается пророческое значеніе; если положить ее на ночь подъ изголовье, то она покажетъ человѣку судьбу его въ сонныхъ видѣніяхъ (*Маркевичъ*, Обыч. и повѣр., 29). Сонъ-трава вошла въ колыбельныя и историческія пѣсни. Такъ, въ превосходной колыбельной пѣснѣ поется:

Ой, спы, дитя, безъ сповытты,
 Покры маты зъ поля прыйде,
 Та прынесе тры квітонькы:
 Одна буде *дримлявая*,
 Друга буде *сонлявая*,
 Третья буде щаслывая (Чуб. IV, 26).

Въ старинной думѣ о походѣ Сверчовскаго въ Волощину (1574 г.) сонъ-трава является символомъ горя и смерти, вѣроятно, подѣ влияніемъ обычнаго народно-психическаго сближенія сна и смерти. Послѣ смерти „пана Свирговскаго“—

Плакала стара баба Грыцыха,
 Мовъ перепелыха, мовъ перепелыха;
 Молодая сетра *сонъ-траву* ирвала,
 Старую пытала, старую пытала:
 „Чи той *сонъ-трава* козацькая сыла,
 Чи той *сонъ-трава* козацька могыла?“
 — Ой той *сонъ-трава*, голубонько,
 Зростывся у поли,
 Та піймала ту траву недоля
 Та дала мойй донн.
 Ой, доня жъ моя, доня,
 Годи сумоваты,
 Що нашого молодого Йвана
 У могыли шукаты и пр. (Ант. и Драл., I, 160).

Этотъ пѣсенный мотивъ заключаетъ въ себѣ, повидимому, глубоко-древнее повѣрье о томъ, что сонъ-трава находится въ распоряженіи злой силы, недоли, бѣса. Въ древней лѣтописи и въ Печерскомъ Патерикѣ повѣрье это приурочено къ житію св. Матѣея: „Бѣ же старецъ Матѣей... прозорливъ. Единою бо ему стоящую въ церкви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, позрѣ по братья, иже стоять поюще по обѣма странама, видѣ обходяща бѣса, въ образѣ лиха, въ лудѣ, и носяща въ приполѣ цвѣткы, иже глаголется лѣпокъ, и обходя подлѣ братью, взимая изъ лона лѣпокъ, вержаше

на кого-либо: аще прильняше кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья, мало постоявъ и ослабленъ умомъ, вину створи каку-либо, изидяше изъ церкви, шедъ въ келью и усняше, и не возвратяшется въ церковь до отпѣтыя“... (*Лѣтоп. Лаврент. сп.*, изд. 1872, 185). Въ Патерикѣ Печерскомъ бѣсъ является въ видѣ воина, „носяща въ воскриліи ризномъ цвѣты липкія, иже взимая нѣкое зло на цвѣтокъ, верзаше его на кого-либо“ (*Патер.*, ри). Въ вариантѣ повѣрья, находящемся въ Патерикѣ, обнаруживается уже толкованіе повѣрья: зло заключается не въ цвѣткѣ, а положено на цвѣтокъ. Э. И. Буслаевъ въ статьѣ о живописныхъ изображеніяхъ страшнаго суда (Ист. оч. II, 136) и г. В. Яковлевъ въ сочиненіи о древне-кіевскихъ религіозныхъ сказаніяхъ (102—103) указали на сходныя житейныя сказанія и живописныя изображенія, причемъ мѣсто цвѣтка занимаютъ стрѣлы (въ Скитскомъ Патерикѣ) или кошельки (у Іоанна Мосха). Г. Яковлевъ замѣчаетъ, что „въ бросаніи дьяволомъ въ людей снотворнаго зелья или цвѣтка можно предполагать общерійское народное повѣріе, до сихъ поръ сохранившееся въ Малороссіи“, и ссылается при этомъ на указанную выше колыбельную пѣсню: „Ой, спы, дитя“ (*Яковл.*, 103). Позднѣе, г. Мандельштамъ въ „Опытѣ объясн. обыч.“ (296) сближалъ лѣтописное сказаніе о св. Матееѣ съ народными повѣрьюми о сонѣ-травѣ. Мы полагаемъ нужнымъ въ ряду общихъ сравненій подчеркнуть сходство недоли въ думѣ о панѣ Свирговскомъ съ бѣсомъ легенды о св. Матееѣ, что ранѣе упускалось изъ виду. Сомнительно, чтобы въ украинской думѣ отразился указанный легендарный мотивъ, и скорѣе можно присоединиться къ тому мнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ одну изъ многочисленныхъ въ старину подробностей сложнаго мнѣшческаго образа Горя-Злочастія, Недоли, Злыдней. Повидимому, трава сонѣ входилъ въ кругъ сказаній и повѣрій о Недолѣ; изъ области мнѣшческихъ сказаній онъ проникъ въ житіе о св. Матееѣ и позднѣе въ думу о походѣ Сверчовскаго. Въ новѣйшее время, съ переходомъ мнѣшческаго образа Горя-Злочастія въ простое олицетвореніе и съ послѣ-

довавшимъ затѣмъ забвеніемъ самого олицетворенія, забыто также повѣрье о связи сонъ-травы съ бѣдой и смертью.

Въ старину (XVIII ст.) существовало вѣрованіе, что съ цвѣткомъ можно передавать недугъ отъ одного лица къ другому, и потому считалось опаснымъ брать или давать цвѣты незнакомымъ лицамъ. Въ 1750 г. дворянинъ Поляковскій и крестьянинъ Сусленко жестоко избили дворянку Луцескую, заподозрѣвъ ее въ чародѣйствѣ вслѣдствіе того, что она передала своему ребенку цвѣтокъ, который взяла изъ рукъ ребенка Сусленка (*Антон.*, Колд. 451). Эта подробность имѣеть, очевидно, отношеніе къ приведенному выше мѣсту изъ думы о Сверчовскомъ, гдѣ Недоля даетъ цвѣтокъ, именно сонъ-зилье, и причиняетъ такимъ образомъ горе и несчастье.

Весной топчуть сонъ-траву, приговаривая: „щобъ на той годъ дождаты сону топтаты“ (*Nowos.*, Lud II, 146; *Ефим.*, Закл. 34; *Номисъ*, Приказки). Чаше топчуть рясть (*coyudalis*)—обыкновенное растеніе, въ изобиліи появляющееся ранней весной въ рощахъ.

Можетъ быть, обычай топтать сонъ-траву или рясть и повѣрья о цвѣткѣ Недоли стоятъ въ связи съ древними религіозно-мифическими представленіями о землѣ, какъ всеобщей матери, супругѣ неба, о растеніяхъ, какъ волосахъ земли (подробно у *Аванасьева*, Поэт. возвр. слав. II, 135—150).

Въ числѣ украинскихъ народныхъ разсказовъ о сонъ-травѣ выдѣляется слѣдующій, высоко-поэтической и оригинальный по содержанію. У всѣхъ цвѣтовъ есть мать; не имѣеть матери только сонъ-трава; у него злая мачеха; ежегодно она выгоняетъ его изъ земли ранѣе, чѣмъ покажутся какіе либо другіе цвѣточки. „Сонъ, сонъ, ступай вонъ,—говоритъ она,—бо вже вси цвитки зацвилы, тилько тебе нема“, и послушный сонъ вылазитъ изъ земли, оглядывается по сторонамъ и не видитъ ни одного товарища. Свѣситъ тогда онъ свою умную головку на бокъ, какъ сиротка, и дремлетъ до тѣхъ поръ, пока не появятся его товарищи: козельцы (*Anemone ranunculoides*), медунки (*Pulmonaria*), фіалки и др. (*Rulikowski*, Zbiór wiadom do Antrop., Краковъ, III, 98).

Къ этому разсказу о мачехѣ сонъ-травы можно присоединить слѣдующій сказочный мотивъ. Одна женщина полюбила змѣя и хотѣла выдать ему своего брата; но братъ убилъ змѣя, а сестру засадилъ въ глубокой погребъ. „Прошло вже съ того часу не сто и не тысяча лить, а сестра Иванова усе соби пидъ землею десь плаче дай плаче. Вона вже не одынъ цеберъ (ушатъ) наплакала, такъ що слѣзы ии ажъ на сей свить сходятъ. Аже-жъ оце чога, якъ тилько сонечко зажеврие, то по всякому дереву и по всякій былъни роса и выступае? Оце жъ не що; якъ тїи слезы Галины; да тилько воны таки гринши, що и дерево ихъ не прыймае: усе до долу скапують дай скапують. Галя, може, струхла тамъ у земли по сей часъ, а слидъ ии на земли таки зостаеця“ (*Рудченко*, Юж.—р. св. I, 138; варианты безъ слезъ Гали у *Чуб.*).

Сходныя повѣстическія сказанія встрѣчаются у литовцевъ. Поглусъ (литов. Плутонь), принявъ видъ цвѣтка, соблазнилъ Ніолу, дочь богини плодовъ земныхъ Крумины, и увлекъ въ преисподнюю. Сказаніе это записано литовскимъ историкомъ Нарбутомъ и нуждается въ провѣркѣ. Крашевскій воспроизвелъ это сказаніе въ поэмѣ „Витолерауда“ (*Вилен. Вѣстн.* 1889, 75; *Этногр. Обзор.* 1889, II, 197).

Образцовымъ сказаніемъ по разбираемому повѣстическому мотиву служить гомеровскій гимнъ къ Деметрѣ. Варианты этого гимна встрѣчаются у многихъ древнихъ авторовъ. Содержаніе гимна извѣстно: Плутонь, съ согласія Зевса, похитилъ Персефону, дочь Деметры. Иліосъ открылъ Деметрѣ похитителя ея дочери. Тогда раздраженная богиня оставила Олимпъ, спустилась на землю и, принявъ видъ старухи, поселилась въ Елевсинскомъ храмѣ. Боги постановили, что Персефона треть года будетъ проводить въ Эребѣ, а двѣ трети на Олимпѣ съ своей матерью. Учредивъ въ Елевсинѣ мистеріи, Деметра возвратилась на Олимпъ. Миѣ о похищеніи Персефоны очень часто служилъ древнимъ художникамъ сюжетомъ для произведеній искусства. Увлекаемую Плутономъ дочь Деметры можно видѣть на надгробныхъ памятникахъ, на вазахъ и на различныхъ украшеніяхъ. Среди

греческаго народа до недавняго времени встрѣчались рассказы, напоминающіе своими мотивами гомеровскій гимнъ къ Деметрѣ. Ленорманъ сообщаетъ подобнаго рода сказку, которую онъ слышалъ отъ старика священника въ Елевсинѣ (*Новосадскій*, Елевс. мистеріи, 31, 32, 38). Въ древнее и въ новое время высказаны были различныя толкованія мифа о Деметрѣ и Персефонѣ. (Одно толкованіе—лунарное (Варронъ Реатинскій, Виргилій, неоплатоники Порфирій и Ямвлихъ, Ленорманъ). Въ силу этого толкованія мифъ о Деметрѣ и Персефонѣ изображаетъ луну и разныя ея фазы. По другому толкованію, мифъ этотъ представляетъ собой нисхождение душъ въ подземный міръ и затѣмъ восхожденіе ихъ въ міръ свѣта, Геліоса (неоплатоникъ Саллюстъ). Третье мнѣніе (Новосадскаго) состоитъ въ томъ, что мифъ выражаетъ борьбу добра со зломъ въ мірѣ, смѣну горя и страданій въ жизни человѣка, спокойной, но непрочною радостью. Прочіе всего укрѣпилось въ наукѣ теллурическое толкованіе, по которому мифъ о похищеніи Персефоны является аллегорическимъ представленіемъ того, какъ брошенное въ землю зерно опять возвращается къ жизни въ видѣ растенія. Съ такой точки зрѣнія объясняли этотъ мифъ Корнунтъ, Цицеронъ, С. Кроа и мн. др. (*Новосад.* 33—35). Персефона (или Кора) — это яркая, великолѣпная растительность весны, которая вянетъ и исчезаетъ осенью, такъ какъ листья цвѣтовъ и растеній возвращаются въ землю, откуда вышли. Гадесъ, богъ невидимаго міра и подземнаго мрака, похищаетъ молодую дѣвушку у матери, и затѣмъ она возвращается на время—это возвращеніе растительности весною (*Леру*, Словарь гомер. мифол. 38).

Повѣстическій мотивъ о похищеніи Персефоны послужилъ темой для произведенія Шиллера: „Жалоба Цереры“. Здѣсь поэтъ говоритъ о цвѣтахъ:

Ими таинственно слита
Область тьмы съ странюю дня.

Малорусское сказаніе о сонѣ-травѣ по основному содержанію, напоминаетъ греческія народныя преданія о похи-

щеніи Персефоны и далѣе „Жалобу Цереры“ Шиллера. Повидимому украинская мачеха сонь-травы—вариантъ древне-греческой Деметры. Исключая возможность заимствования поэтического мотива о мачехѣ сонь-травы, я готовъ признать, что этотъ мотивъ возникъ у малоруссовъ самостоятельно, подъ вліяніемъ религіознаго и поэтическаго воззрѣнія на землю, какъ всеобщую мать, попечительную и заботливую, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ на недоброжелательную мачеху.

Повѣрье объ усыпляющей сонь-травѣ встрѣчается въ Германіи. Оно вошло, между прочимъ, въ Эдду: подъ голову Брунгильды кладутъ сонь-траву, отчего она вскорѣ засыпаетъ. Въ числѣ германскихъ растений есть Schlafkunz. Въ Тироли подъ подушку кладутъ Schlafarfel, чтобы сонъ былъ спокойный (*Мандельшт.* Опытъ объясн. обычаевъ, 297 *).

2. Розмай—зилье.

Н. И. Костомаровъ въ диссертациіи объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи (1843) высказалъ предположеніе, „что розмай-зилье—баснословное растеніе. Проф. А. А. Потебня въ IV т. „Къ ист. звуковъ“ (стр. 50) замѣчаетъ, что „розмай—зилье, можетъ быть, гдѣ либо приурочено къ туземному растенію, но по происхожденію есть зап.—слав. (хорв. и др.) *gozmaġia*, т. е. розмаринъ“. Въ малорусской пѣснѣ говорится: „ще до гаю не дѣйшла, розмай—зильечко знайшла“ (*Чуб.* V, 414), причемъ, очевидно, розмай—зилье относится къ какому-то туземному растенію. Южно-славянское растеніе розмаринъ проникло въ Германію и западно-славянскія страны; оттуда оно далѣе перешло и къ галицкимъ русскимъ подъ названіемъ розмарія, а въ Малороссію уже подъ названіемъ розмая, вѣроятно, съ мѣстными приуроченіями, причемъ народная фантазія воспользовалась этимъ именемъ и ввела его въ пѣсни и повѣрія.

*) Осетины сновтворное значеніе приписываютъ лѣвому крылу летучей мыши, которое потому и называется у нихъ совинимъ. Его кладутъ подъ голову ребенка, если сонъ безпокойный. *Вс. Миллеръ, Осет. згюды, II, 291.*

Творческая сила народнаго воображенія выразилась въ данномъ случаѣ на усвоеніи и развитіи поэтическихъ мотивовъ о розмаринѣ, при отсутствіи самаго растенія. Розмаринъ (морская роса)—название небольшого кустарника, растущаго въ изобиліи на островахъ Адриатическаго моря, въ Далмаціи, мѣстами въ Италіи, Сициліи, Корсикѣ и Франціи. Розмаринъ не выноситъ холоднаго климата, и въ Россіи разводится только въ оранжереяхъ. Изъ розмарина извлекается душистое масло, которое идетъ въ подмѣсъ къ венгерскимъ винамъ и въ особаго рода одеколонъ—„*aqua della regina*“ (*Die Natur*, 1879 № 51; *Анненковъ*, Ботан. словарь, 150). Розмаринъ входилъ уже въ древне-римскій свадебный ритуалъ, какъ украшеніе для невѣсты. Въ настоящее время въ Германіи невѣста украшаетъ голову розмариномъ (*Rossbach*, *Die göm. Ehe*, 232). У чеховъ и поляковъ розмаринъ служитъ символомъ дѣвства (*Kolberg*, *Lud VI*, 55). Въ Чехіи розмаринъ идетъ на вѣнокъ невѣсты и на украшеніе гривы и хвоста свадебныхъ лошадей *Sumlork*, *Staroc. Obuc.* I, 365). Въ Малороссіи и въ Галиціи роль розмарина на свадьбахъ играетъ барвинокъ (подробн. въ моемъ соч. о свад. обр., 184). Костомаровъ высказалъ мнѣніе о приворотномъ значеніи розмай—зилъя, что находитъ подтвержденіе въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка, найдя розмай—зилъе, полоскала его на рѣкѣ,

Прыставляла въ горилъци,
 Полоскала на меду,
 Прымовляла до ладу,
 Прысунула до жару
 Козакови до жалю:
 Кыпы, кыпы, коринець,
 Поки прыйде молодець;
 Ще коринець не вкыпивъ,
 Вже молодець прилетивъ. (*Чубин. V*, 414;
Новос. II, 146).

Украинская народная поэзія заключаетъ въ себѣ указаніе, что розмаринъ и лилія выросли на могилахъ двухъ лю-

бонниковъ. (Мотивъ: дерево, трава или цвѣтокъ вырастаетъ на могилѣ любовниковъ—весьма распространенъ въ поэзіи разныхъ народовъ, причемъ растеніе, происшедшее такимъ образомъ, большею частію получаетъ приворотное любовное значеніе). Въ одной малорусской пѣснѣ говорится о двухъ сосѣдкахъ: у одной былъ сынъ Яничко, у другой дочь Ганочка. Молодые люди полюбили другъ друга, и мать Янички покровительствовала имъ; но зато мать Ганочки стала поперекъ ихъ любви. Яничка умеръ съ горя, а Ганичка утопилась. Яничка былъ похороненъ съ одной стороны церкви, а Ганичка съ другой; на могилѣ Янички выросъ розмаринъ, а на могилѣ Ганички—прекрасная бѣлая лилія, которая поднялась выше церкви (*Костомаровъ*, въ „Бесѣдѣ“ 1872, VI, 29). Въ вариантѣ этой пѣсни, также галицкомъ, говорится:

Едно поховали powyше костела,
 Друге поховали пониже костела;
 На едномъ выросла ружа и шалвія,
 На другимъ выросла дробна розмарія;
 А тоты квитки въ едно ся зростали,
 Жебы люде знали, же ся любовали (*Голов. III, 254*).

Этотъ поэтический мотивъ встрѣчается у многихъ народовъ. Психари и Гедозъ указали на ирландскую легенду о двухъ умершихъ любовникахъ, надъ которыми выросли и переплелись деревья. Новогреческое сказаніе такого же рода, причемъ повредила мать любовника; надъ его могилой выросъ кипарисъ, а надъ его возлюбленной розовый кустъ. Сюда же относится средневѣковое сказаніе о Тристанѣ и Изольдѣ, серболужицкое, сербское, 3 пѣсни венгерскія, пѣсня болгарская, 3 албанскія пѣсни, пѣсни шведскія, португальскія, итальянскія, пѣсня румынская, китайскій разсказъ и др.—всего около 25 сходныхъ вариантовъ, указанныхъ названными авторами (*Melusine*, 1888 №№ 3, 4, 6). Въ малорусской поэзіи извѣстно нѣсколько пѣсенъ и сказаній даннаго мотива (въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга, въ VIII т. *Zbiór wiadom.*, у Костомарова въ „Бесѣдѣ“ 1872 г. и др.)

Въ поэзіи западныхъ и южныхъ славянъ розмаринъ часто упоминается. Въ сербскихъ пѣсняхъ съ розмариномъ сравнивается дѣвушка-невѣста (*Вукъ Караджичъ*, I, 33).

3. Жемчужная трава.

Жемчужная трава — фантастическое растеніе. Иарѣдка оно встрѣчается въ галицкихъ колядкахъ. Такъ, въ одной колядкѣ черная гора не родила ни жита, ни пшеницы, а родила она жемчужную траву, золотую рясу. Гордый молодець пустиль коня въ жемчужную траву, а самъ заснулъ. Буйные вѣтры зашумѣли въ жемчужной травѣ и разбудили молодца. Онъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ на охоту за крупнымъ звѣремъ, за чернымъ туромъ (*Костомаръ*, въ „Бесѣдѣ“ 1872, VI, 48—49). Въ этой колядкѣ, новидимому, слито нѣсколько разнородныхъ мотивовъ, именно: апокрифическій — о черной горѣ и жемчужной травѣ, миеологическій — о золотой рясѣ и историко-бытовой — объ охотѣ на тура.

На христіанскомъ востокѣ въ древности было весьма распространено преданіе о плачѣ Богородицы и о слезахъ, пролитыхъ Ею по Спасителѣ, которыя обращались потомъ въ вещественные предметы. Уже у Данила Паломника читаемъ: „Мѣсто, идѣ же плакала Святая Богородица, то мѣсто есть на пригоріи томъ. На то мѣсто притече скоро Святая Богородица, текуще [въ слѣдъ Христа и глаголаше въ болѣзни сердца своего слезящи: камо идеши чадо мое?“ и пр. (*Мочульскій*, О Голуб. Книгъ 168). Въ связи съ этимъ христіанскимъ преданіемъ о плачѣ Богородицы находится легенда о томъ, что слезы Ея обращались потомъ въ вещественные предметы. Туземцы и даже пришлые поклонники собираютъ въ долинѣ Иордана въ какой-то травѣ родъ мелкихъ бѣловатыхъ камешковъ или ракушекъ, дѣлаютъ изъ нихъ четки и потомъ продаютъ ихъ повсемѣстно на востокѣ, называя ихъ четками изъ слезъ Богородицы (ib, 168). Жемчужная трава галицко-русской колядки, выросшая на черной горѣ, соотвѣтствуетъ шалунъ-травѣ великорусскаго стиха о Голубиной книгѣ.

Золотая ряса встрѣчается во многихъ пѣсняхъ малорусскихъ, великорусскихъ, сербскихъ, польскихъ и др. Большое количество пѣсенъ съ золотой рясой приведено въ соч. А. А. Потебни: „Объясн. малор. и сродн. пѣсенъ“, II, 455—471. Въмѣсто рясы часто встрѣчается роса. О значеніяхъ того и другого слова см. въ томъ же соч. проф. Потебни 465—466. О множественномъ значеніи пѣсенной росы см. еще у Афанасьева въ „Поэт. возвр. слав.“ I 604, II 277, 281, III 490—495.

Подробность объ охотѣ на тура—историческая, о чемъ см. мое соч.: „Туръ въ народной словесности“.

4. В а с и л ь к и.

Трава и цвѣты васильковъ (*Oscimum basilicum*) пользуются у малороссовъ и другихъ славянъ, преимущественно южныхъ, большимъ уваженіемъ. Въ Малороссіи разводятъ это растеніе въ огородахъ и садахъ независимо отъ того, что оно растеть здѣсь и въ дикомъ состояніи. Цвѣты васильковъ затыкаютъ за иконы; въ день Воздвиженія Креста украшаютъ въ церкви крестъ васильками; изъ васильковъ часто дѣлаютъ церковное кропило. Въ Харьковской губерніи владутъ въ воду васильки, когда купаютъ дѣтей, страдающихъ желтяницами. Кромѣ того, отваромъ этого растенія въ Малороссіи поятъ при внутреннемъ жарѣ и при лѣченіи отъ запоя (*Горничій*, Замѣтки объ укр. флорѣ, 113).

У болгаръ, сербовъ и хорватовъ васильки также идутъ на кропила при освященіи воды; букетъ изъ васильковъ кладутъ въ дѣтскую колыбель и на гробъ умершаго: такъ что это пахучее растеніе является неизбѣжнымъ спутникомъ южнаго славянина въ теченіи всей его жизни (*Die Natur*. 1879; № 51).

Въ народной словесности малорусской (и сербской) василекъ является символомъ святости, чистоты, привѣтливости и учтивости (*Костомар.*, Объ ист. знач. р. н. повѣ. 1843, 30). Не смотря на греческое названіе этого растенія, въ Малороссіи существуетъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ названіе цвѣтка сближено съ именемъ Василія; напр., въ

одной пѣснѣ дѣвушка говоритъ: „посѣю я васильки, буду поливать; приходи, Василь, буду тебя принимать“ и проч. (*Костомар.*, въ „Бесѣдѣ“ 1872, VI, 25). Въ одной свадебной пѣснѣ „пидь василькомъ слюбъ берутъ“ (*Roszk. i Franko.*, въ „Zbiór“, X, 11).

Религиозное значеніе васильковъ основывается на древней греческой легендѣ о нахожденіи честнаго креста, въ которой рассказывается, что на мѣстѣ, гдѣ евреи умышленно закопали крестъ Спасителя, выросла трава пахучая и врачующая; врачи зовутъ ее *okimon*, а народъ *basilikon* — украинскіе васильки (*Мочульскій*, О Голуб. книгъ, 169).

О лечебномъ значеніи васильковъ говорятъ, между прочимъ, старинные лѣчебники и травники (см. *Флоринская*, въ Казан. Унив. Извѣст. 1879, V).

Отечествомъ *Ocimum basilicum* считаютъ южную Азію (*Шмальгаузенъ*, Флора юго-зап. Рос. 457).

Б. О Б Ж И Н И.

Сравнивая старинныя описанія малорусскихъ и галицко-русскихъ обжинокъ у Максимовича, Войцицкаго (*Zagysu domowe*, 1842 г.), Голембювскаго (*Gry i zabawy*), Семеновскаго и Срезневскаго (въ „Маякѣ“ 1843 г.), Терещенка (въ 5 т. „Быта руск. нар.“ 1848 г.) съ новыми описаніями Чубинскаго (въ Трудахъ Э.—С. Эксп.), Де-Воллана (въ Угор. пѣсн.), Кольберга (въ 1 т. *Rokusia*), Коперницкаго (въ XII т. *Zbiór wiadom.*), мы не находимъ между ними значительнаго различія. Основное содержаніе этого праздника труда состоитъ въ томъ, что, по окончаніи жатвы, сплетаютъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ вѣнокъ, и одна изъ жницъ, самая старшая или чаще самая красивая, несетъ этотъ вѣнокъ на головѣ къ хозяину поля, въ сопровожденіи подругъ, распѣвающихъ пѣсни на тему, что жатва счастливо окончена, что хозяинъ долженъ угостить потрудившихся жницъ. Хозяинъ угощаетъ жницъ водкой, а вѣнокъ сохраняетъ до ближайшаго посѣва, когда изъ вѣнка выколачиваютъ зерна и употребляютъ ихъ въ началѣ посѣва. Въ

старинныхъ обжинковыхъ пѣсняхъ и обрядахъ обнаруживаются черты крѣпостного состоянія: похвала своему пану, легкая насмѣшка надъ жнецами сосѣдняго пана, порицаніе эконома и т. п. Обжиночныя пѣсни вообще весьма сходны. Онѣ отличаются необыкновенной мягкостью, нѣжностью, задушевностью. Отъ нихъ вѣетъ теплотой лѣтняго вечера и ароматомъ только что скошенной хлѣбной нивы. Мягкое нѣжное чувство женщины также даетъ себя чувствовать почти въ каждомъ словѣ обжинковыхъ пѣсенъ.

Обжинки только въ 2—3 частностяхъ (остатки крѣпостничества, Спасова борода и др.) заключаютъ остатки старины; основное же ихъ содержаніе—обрядная и пѣсенная похвала хлѣбу, полю и его хозяину—такое бытовое явленіе, которое встрѣчалось въ древности у земледѣльческихъ народовъ, повторяется нынѣ и, вѣроятно, имѣетъ впереди далекое будущее, такъ какъ неразрывно связано съ земледѣльческимъ бытомъ и необходимо обусловливается имъ. Сходными повсемѣстно условіями земледѣльческаго быта объясняется чрезвычайное сходство между обжиночными пѣснями и обрядами разныхъ народовъ разныхъ временъ. Въ малорусскихъ, чешскихъ, словацкихъ, сербскихъ дожиночныхъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ обнаруживается совпаденіе мотивовъ, мѣстами тождественность выраженій; напримеръ, въ малор. пѣсняхъ: „Закотылось та сонечко за зеленый бирь, мы поидемо вечеряты у богатый двирь“ (*Чуб.* III, 247), или „Закотылось та сонечко за виноградный садъ, цилуется, мылуется, та хто кому радъ“ (*ib.* 240), „вже сонце надъ вербами, пустить насъ изъ серпами“ (*Голов.* IV, 189) и мн. др. т. под.; въ сербской жатвенной пѣснѣ: „постај, сунце, рано не заоди, да навеземъ брату кошулице“ и пр. (*Ястреб.* 173); въ словацкихъ: „влакомъ, слуняшко, влакомъ, поидемо домо мракомъ“, или: „зъ горь, слунечко, зъ горь, за тень зеленый яворь, за тень найзелѣйшій, где е муѣ наймилѣйшій“ (*Тереш.*, V, 112; изъ сборника Коллара). Въ числѣ обычныхъ началъ жатвенныхъ пѣсенъ является начало вопросительное: „ой чіе жъ то поле заспывало (или

задремало) стоя?" (малор.); „чіе же то ярее житко подь горами?" (словац.); у сербовъ безъ вопроса: „узвигнала би-јела пшеница: ја ме жнејте, ја ме покосте; вете мене ноги заболѣше". Мотивы жатвенныхъ пѣсенъ и обрядовъ малочисленны: прославленіе поля, прославленіе хлѣба, прославленіе хозяина поля, обращеніе къ солнцу или мѣсяцу, пожеланіе угощенія со стороны хозяина, прославленіе и поднесеніе вѣнка хозяину, пожеланіе здоровья и урожая на будущей годъ. Мотивы эти повторяются у разныхъ народовъ индо-европейскаго корня; въ особенности много сходныхъ чертъ представляетъ обрядовое употребленіе вѣнка изъ хлѣбныхъ колосьевъ или послѣдняго житнаго снопа. Въ Малороссіи одна изъ дѣвушекъ жницъ, по общему выбору, надѣваетъ по окончаніи жатвы на голову вѣнокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ и въ сопровожденіи жнецовъ и жницъ идетъ къ дому хозяина (*Чуб.* III, 226). Въ Волынской губ. выбираютъ иногда малолѣтнюю дѣвочку, лѣтъ десяти, какъ существо чистое, невинное, что имѣетъ значеніе по соображенію относительно урожая будущаго года (*Коренн.*, *Zbidg* XI, 184). Форма вѣнка бываетъ различная; наиболѣе обычная приведена въ рисункѣ въ 1 т. „Покутья" Кольберга. Въ пѣсняхъ вѣнокъ „пелехатый" (т. е. кудрявый, косматый, а потому дажѣ „панъ богатый на коровы, вивци, червинци"), „золотый"; его первоначально катаютъ по полю, на что указываютъ слова пѣсенъ: „коломъ, виноньку, коломъ"; „котывся виночокъ по полю". Въ одной превосходной пѣснѣ вѣнокъ просится къ хозяину поля въ стодогу въ слѣдующихъ словахъ, сохраняющихъ въ себѣ всю предѣсть лѣтняго поля: „Пускай, хозяинъ, въ стодогу; вже я набувся на полю, буйного витру начувся, рання росы напывся". Когда жнецы несутъ вѣнокъ съ поля, „зашумила дуброва, заляцала дорога" (*Чуб.* III, 232).

У лужичанъ, по окончаніи жатвы, одна жница несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другія держатъ въ рукахъ полевые цвѣты (*Мандельшт.*, *Оп. об. обыч.* 233). Въ Великороссіи жницы, по окончаніи жатвы, торжественно несутъ въ домъ

хозяина вѣнокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ или дожиночный снопь. Въ Гродненской губ. дожиночный вѣнокъ кладутъ на кѣтъ, а дожиночный снопь ставятъ на покути (*Аванас.*, Поэт. возр. III, 767 — 769). Въ Литвѣ дожиночный вѣнокъ несетъ дѣвушка въ сопровожденіи жницъ въ домъ хозяина поля, гдѣ ее принимаютъ съ почетомъ и угощаютъ. Вѣнокъ хранится въ избѣ до слѣдующей жатвы, какъ Вошье благо-словеніе (*Терещ.* V, 120; *Wisła* 1888. I). Весьма сходные обряды встрѣчаются въ Германіи и Шотландіи: дожиночный снопь срѣзывается и связывается самой молодой жницей; его торжественно несутъ въ домъ хозяина, гдѣ снопь кладутъ на почетное мѣсто и берегутъ его до Рождества Христа, когда вымолачиваютъ его и полученные зерна даютъ въ кормъ лошадямъ и рогатому скоту (*Revue des trad. popul.* 1888, 485). Въ Англии въ концѣ прошлаго вѣка было въ обычаѣ готовить дожиночный снопь, соотвѣтствующій малорусскому „имяниннику“, вологодской кумушкѣ (*Терещ.* V, 131) въ видѣ соломенной куклы, „королевы жатвы“ или „kern-baby“; съ радостными криками приносили ее домой, вѣшали надъ столомъ и хранили до слѣдующаго года (*Спенсеръ*, Опис. соц. 180).

Г. Мандельштамъ въ „Опытѣ объяс. обычаевъ“ (стр. 247) высказалъ мнѣніе, что вѣнокъ—форма представленія растительнаго демона; но мнѣніе это не получило права гражданства въ наукѣ, по причинѣ крайняго расширенія демонологіи растительнаго міра, со внесеніемъ въ нее повѣрій и обрядовъ мѣстнаго и бытового характера. Несомнѣнно, что жатвенный вѣнокъ по происхожденію и основному значенію соотвѣтствуетъ другимъ обряднымъ вѣнкамъ, въ особенности свадебному вѣнку. Въ сочиненіи о свадебныхъ обрядахъ (стр. 79—89) я подробно говорилъ объ обрядовомъ употребленіи вѣнка на свадьбахъ и о различныхъ его символическихъ значеніяхъ. Основное религіозно-мѣстнаго значеніе вѣнка обусловлено тѣмъ, что онъ служилъ символомъ солнца, подателя урожая. Древніе германцы посвящали вѣнки богинѣ зари Остарѣ (*Müllhause, Die Urrelig.* 145). Въ

латышской пѣснѣ дочь солнца (т. е. солнце) вбродь переходить море (небо); виднѣется лишь ея вѣночекъ. (*Стромисъ-Памят. лат. нар. творч.* 312). Въ литовской пѣснѣ солнце три года собирало завядшіе листы съ вѣнка своей дочери (*Nesselmann, Lit. Volkslied.* 2). Жатвенный вѣнокъ катаютъ по полю, свадебный по столу—очевидная символика солнца.

6. Спасова борода.

Въ Волынской губ. по окончаніи жатвы на крестьянскихъ поляхъ оставляютъ нежатымъ горсть жита, которое связываютъ въ пучокъ, именуемый „Спасовой бородой“, нагибаютъ его колосьями къ землѣ и украшаютъ цвѣтами или лентами. Кругомъ бороды вырываютъ траву, очищаютъ землю отъ сора и закапываютъ немного зеревъ, взятыхъ изъ нѣсколькихъ колосьевъ той же бороды“. Затѣмъ слѣдуютъ пожеланія урожая на слѣдующій годъ, и молодежь качается по стернамъ (*Коренъ, въ Zbióg.* XI, 184). Иногда заставляютъ парубковъ пролѣзть между стеблями бороды. Жнецы бросаютъ черезъ голову серпы: чей серпъ воткнется въ землю, то этотъ жнецъ и на другой годъ будетъ жать у того же хозяина. Въ пѣсняхъ, посвященныхъ бородамъ, борода „срибломъ-златомъ обвита, краснымъ шолкомъ обшита“ а въ одной пѣснѣ находится указаніе на жертвоприношеніе „бородѣ“: „отсе тоби, борода, хлибъ, силъ и вода“ (*Чуб.* III, 229). Тожественный обрядъ въ Полѣсьѣ, съ наименованіемъ соломеннаго пучка „перепелкой“, описанъ въ „Маякѣ“ 1843, XI, 55. Я встрѣчалъ неоднократно „бороду“ послѣ жатвы въ Ахтырск. у. Харьк. губ.

Тожественный обычай „завиванія бороды“ встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи, Бѣлороссіи, Австріи, Германіи, Англіи, причемъ борода носитъ названія бороды Волоса, бороды Ильи и пр. (*Мандельшт.*, 241—245; *Аванас.*, I, 141, 697; *Бусл.*, Нар. повз. 75; *Шейнъ*, Бѣлор. пѣс. 60; *Спенсеръ*, Описат. соц. 179 и др.).

Въ основѣ повѣрій и обрядовъ съ „бородой“ лежитъ поклоненіе растительному или полевому духу, какъ покрови-

телю жатвы и подателю плодородія, о чемъ подробно въ соч. г. Мандельштама (Оп. об. обыч. 235—245). По нѣмецкимъ повѣрьямъ, кто скашиваетъ послѣдній колось, тотъ улавливаетъ демона. Въ Швабii срѣзавшему послѣдній колось говорятъ: „Du hast die Roggensau“ (или Roggenwolf—зооморфическое представление растительнаго духа), и затѣмъ связываютъ колосья въ видѣ свиньи и съ шумнымъ крикомъ приносятъ ихъ въ гумно, гдѣ оставляютъ до слѣдующаго года (Манд., 242). Подобнаго рода воззрѣніе встрѣчается у дикихъ и варварскихъ народовъ. На островѣ Борнео приписываютъ рису духъ Samangatradi и совершаютъ особые обряды, чтобы удержать этого духа у себя, чтобы жатва была хороша. Карены обращаются къ духу риса съ такими заклятіями: „О, прійди, душа риса! Вернись на поле, прійди съ запада, прійди съ востока!“ и пр. (ib. 194). Какъ при жатвѣ ржаного поля, говоритъ Бастианъ, оставляютъ (въ Германіи) отдѣльный снопокъ недожатымъ для того, чтобы дать убѣжище житной теткѣ, прогнанной изъ своей обширной территоріи, до тѣхъ поръ ею занимаемой, такъ точно при культивированіи лѣсныхъ пространствъ въ Остѣ-Индіи обыкновенно оставляютъ пару пней для демоновъ, лишившихся доселѣшнихъ своихъ обиталищъ, сосредоточивая, такъ сказать, этимъ міръ духовъ на болѣе тѣсномъ пространствѣ“ (Шейнъ, Бѣлор. пѣс. 511).

7. Символика краснаго цвѣта.

Въ дѣйстви цвѣтовъ на физическую и психическую природу человѣка заключается еще много загадочнаго и таинственнаго. Гейгеръ высказалъ предположеніе, что человѣкъ прежде всего замѣтилъ красный и другіе близкіе къ нему цвѣта, происходящіе отъ оптическихъ волнъ болѣе длинны, чѣмъ волны синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Магнусъ допускаетъ, что красныя цвѣтотыя волны производятъ на нервы человѣка болѣе сильное механическое дѣйствіе, чѣмъ синія и фіолетовыя волны, и что поэтому нервы, воспринимавшіе возбужденіе отъ этихъ послѣднихъ, могли получить позд-

нѣйшее развитіе (*Петрушевскій*, въ *Вѣстн. Изящн. Иск.* 1889. IV. 317, 322). Хотя способность распознавать цвѣта составляетъ общее всѣмъ народамъ свойство, и гипотеза дарвиниста Магнуса о постепенномъ развитіи перцепціи цвѣтовъ признана нынѣ несостоятельной (подробности въ соч. *В. И. Шерцля* „О названіяхъ цвѣтовъ“), при всемъ томъ не подлежитъ сомнѣнію, что красный цвѣтъ всегда пользовался у народовъ предпочтеніемъ сравнительно съ другими цвѣтами и въ народныхъ лексиконахъ всегда имѣетъ особое вполне опредѣленное наименованіе.

Въ народномъ бытѣ, повѣрьяхъ и пѣсняхъ русскаго народа красный цвѣтъ имѣетъ теперь большое значеніе и еще болѣе имѣлъ въ старину, такъ что въ настоящее время во многихъ случаяхъ является лишь культурнымъ переживаніемъ стародавняго быта и мировоззрѣнія.

Обращаясь къ описаніямъ малорусскаго народнаго костюма у Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга и др. этнографовъ, мы находимъ большое пристрастіе народа къ яркимъ цвѣтамъ, преимущественно красному, въ чемъ малороссіяне сходятся съ великоросами и многими другими народами. Мужчины любятъ носить красный поясъ, красное шитье на воротникѣ и груди сорочки. Женщины обнаруживаютъ большую склонность носить красныя ленты, красныя очипки, сорочки съ красною заполючю, въ старину красноватыя влѣтчатыя плахты и красныя сапожки или черевики. У Г. Э. Квитки, повѣсти котораго составляютъ въ высшей степени правдивый этнографическій матеріалъ, дѣвушки ходятъ въ „червоныхъ юбкахъ, що такъ якъ макъ цвите“ и „у червоныхъ черевичкахъ“. Въ послѣднее время склонность малоруссовъ къ красному цвѣту стала ослабѣвать. Пристрастіе къ красному цвѣту обнаруживаютъ многіе другіе народы: киргизы, цыгане, сибирскія туземныя племена, обитатели Полинезіи (*Шерцль*, въ „Фил. Зап.“ 1884, III, 61).

Пристрастіе къ красному проявляется во многихъ словахъ, означающихъ этотъ цвѣтъ, преимущественно въ приложеніи ихъ ко всему хорошему, красивому. Въ старинномъ

русскомъ языкѣ и въ живыхъ областныхъ нарѣчіяхъ красный означаетъ собственно красивый. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ „красный“ Романъ Святославовичъ, „красная“ Глѣбовна, „красныя“ дѣвицы. Въ народныхъ пѣсняхъ обычный эпитетъ дѣвицы „красная“. Въ малорусской народной поэзіи эпитетъ „красный“ прилагается къ небеснымъ свѣтиламъ, парубку и дѣвушкѣ, короваю. То же отождествленіе красоты съ краснымъ цвѣтомъ обнаруживается у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у чеховъ слово *guzi* обозначало первоначально только красный, но затѣмъ приняло значенія: настоящій, чистый, неподдѣльный; въ турецкомъ яз. *kizil*—красный, а у киргизовъ то же слово означаетъ: красивый, прекрасный. У финскихъ народовъ красный—красивый. По-китайски „красное сердце“ означаетъ искренность, откровенность (Шериль, 64).

Символическое и обрядное значенія красного цвѣта у русскихъ, какъ у многихъ другихъ народовъ, разнообразны, причѣмъ въ основѣ большинства символическихъ значеній красного цвѣта лежитъ его значеніе, какъ эмблемы огня. Разберемъ здѣсь нѣсколько малорусскихъ символическихъ значеній красного цвѣта.

Красный коровай въ свадебныхъ пѣсняхъ (Чуб. IV. 245, 216 и др.) служитъ символомъ солнца или мѣсяца (подроб. въ моемъ соч. „Хлѣбъ въ обр. и пѣс.“). Какъ эмблема пламени и жара, красный цвѣтъ входилъ въ повѣрья и обряды индійцевъ, египтянъ, римлянъ (напр., красный „*flammeum*“ невѣсты).

Красныя ленты служатъ символомъ дѣвственности. У малороссовъ замужнія женщины не носятъ красныхъ лентъ. У лужицкихъ сербовъ невѣста послѣ сговора перестаетъ носить красныя ленты (Haupt и. Smol., Volkslied. II, 229). Въ сербскихъ пѣсняхъ невѣста—красная лента (Букъ Карадж., I 54, 57; *Lič*—Nar. srb. ob. 65). То же и въ великорусскихъ пѣсняхъ (Москвитинъ, 1841, VI, 481).

Красный платокъ (иногда красныя ленты) служитъ символомъ крови. Съ такимъ значеніемъ красный платокъ раз-

вѣвается на высокому шесть надъ хатой послѣ первой брачной ночи молодыхъ. Древніе иберійцы, кареагенцы и спартапцы носили во время войны красную одежду; у римлянъ, туземцевъ сѣверной и южной Америки символомъ войны — кровопролитія служить красная одежда. Цвѣтъ фалловъ у древнихъ народовъ былъ красный (*Шериль*, 65).

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ глаза и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надрываютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычай встрѣчаются и въ другихъ странахъ. Такъ, въ Шотландіи женщины, въ предотвращеніе чаръ обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весною, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невагодъ. Въ Индіи невѣсты привязывали на шею, въ качествѣ свадебнаго шнура, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтямъ къ кисти руки что-нибудь красное и приучаютъ ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (*Шериль*, 63).

Красными лентами перевязываютъ также животныхъ, растенія, даже огородныя овощи (*Максимовичъ*, Собр. соч. т. II, 499).

Замѣтимъ мимоходомъ, что во многихъ малорусскихъ названіяхъ растеній обнаруживается возрѣніе на яркіе цвѣта, какъ горящія, красныя, солнечнаго или огненнаго свойства, напримѣръ: горицветъ, горица, соляшникъ. Объ отцвѣтшей гречкѣ говорятъ, что она „погасла“.

Общее благотворное символическое значеніе краснаго цвѣта переносится на тѣ растенія, которыя имѣютъ ярко-красный цвѣтъ или плодъ, въ особенности на рябину и калину. Рябина служитъ средствомъ противъ колдовства, а калина служитъ обычнымъ символомъ красоты и цѣломудрія.

8. Татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины.

Въ древнихъ славянскихъ памятникахъ письменности и въ народной словесности нѣтъ никакихъ указаній, чтобы славяне въ старину татуировались. Тѣмъ болѣе любопытнымъ и загадочнымъ является странный обычай боснійскихъ сербовъ-католиковъ татуировать грудь, руки, ноги. На этотъ обычай недавно указалъ докторъ Леопольдъ Гликъ въ 3 кн. „Гласникъ земляскаго музея“ ¹⁾ 1889 стр. 81—88, съ приложеніемъ 11 фотографическихъ снимковъ. Обычай татуироваться встрѣчается почти исключительно у католиковъ, чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Мѣстное его названіе „крижъ набодати“ (т. е. набросить крестъ). Сначала приготовляютъ краску изъ кармина или индиго, иногда примѣшивается порошокъ каменнаго угля или пороховъ. Операция производится такимъ образомъ: на груди, рукѣ или ногѣ натягиваютъ кожу, накалываютъ ее булавкой по опредѣленному узору и затѣмъ втираютъ въ наколотое мѣсто краску и обвязываютъ его на нѣкоторое время платкомъ. Операцию производятъ большею частью опытные въ этомъ дѣлѣ старухи (въще жене). Рисунки разнообразны; чаще всего накалываютъ крестъ, отчего и самый обычай называется „крижъ набодати“; иногда выкалываютъ имя, фамилію, годъ, изображеніе меча или изображенія цвѣтовъ. Любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи рисункомъ является четырехконечный крестикъ въ кружкѣ, отъ котораго идутъ лучи. Концы крестика утолщены или имѣютъ три развѣтвленія. Эта форма креста даетъ нѣкоторое основаніе признать вѣрнымъ мнѣніе г. Глика, что обычай „набодати крижъ“ возникъ подъ вліяніемъ богумильства, и позднѣе удержанъ сербами католиками, какъ культурное переживаніе. Можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ какое-либо восточное вліяніе. Лѣтъ тридцать назадъ въ Малороссіи сновало много восточныхъ

¹⁾ Новый сербскій журналъ, выходитъ съ 1889 г. изъ Босніи, въ Сараевѣ, по 4 кн. въ годъ; содержаніе археологическое и этнографическое. *Прим. Н. С.*

людей, повидимому, грековъ, съ татуированнымъ на рукѣ изображеніемъ креста. Люди эти выдавали себя за богомольцевъ, побывавшихъ въ Иерусалимѣ, гдѣ будто бы турки отмѣчаютъ такимъ образомъ всѣхъ поклонниковъ Христа.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ

ВЪ ПЕРВОВЫТНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

III.

Клавдіѣ.

А мой старикъ, мой печаль
И сокрушенье, процвѣтаетъ!
Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
И съ астрологомъ до зари
Все гороскопомъ составляетъ!..
Боятся смерти! Я жъ ему
Твержу, что смерть его боится...
У варваровъ не засидится,
Небось, старикъ: она отцовъ
Торжественно, въ виду боговъ,
При всемъ народѣ убиваютъ!
И это старика считаютъ
Себѣ за честь!

Леліѣ

Здѣсь старики
Законы пишутъ, тамъ же видно
Не старика!..

Майковъ, „Два міра“.

Переходя отъ древнихъ извѣстій о римлянахъ и грекахъ къ такимъ же извѣстіямъ о тогдашнихъ „варварахъ“, мы становимся на болѣе твердую почву: намъ ужъ приходится имѣть дѣло не съ почти неразлагаемыми соединениями вымысла съ дѣйствительностью, миеовъ и наивной рационализаци съ реальными переживаниями обычая, а съ болѣе опредѣленнымъ, хотя и слишкомъ краткимъ и однообразнымъ изложеніемъ видѣнныхъ или слышанныхъ фактовъ.

Сохранилось нѣсколько такихъ извѣстій о существованіи интересующаго насъ обычая у сардинцевъ—народа, относительно индо-европейскаго происхожденія котораго существуютъ вполне основательныя сомнѣнія.

По словамъ уже извѣстнаго намъ Эліана ¹⁾ у сардинцевъ сыновья убивали престарѣлыхъ родителей дубинами и потомъ погребали, считая поворнымъ жить тогда, когда совсѣмъ одряхлѣло тѣло; притомъ, судя по его словамъ, у сардинцевъ, какъ и у кеосцевъ, существовалъ общественный контроль надъ убійствомъ ²⁾.

Извѣстный схолиастъ Свида (X. в. по Р. Хр.), говоря о „сардоническомъ смѣхѣ“ ³⁾, приводитъ двѣ версіи легенды о происхожденіи этого названія. По словамъ Демона, жители Сардиніи приносили въ жертву Кроносу самыхъ красивыхъ и самыхъ старыхъ (свинье 70 лѣтъ) изъ военнопленныхъ, которые, чтобы показать свое мужество, смѣялись при жертвоприношеніи ⁴⁾, откуда будто бы и произошло выраженіе: „сардоническій смѣхъ“. Тимей же (греческій историкъ

¹⁾ Ed. Vulteji et Perizonii, IV, I, стр. 300—301. См. гл. II въ „Этногр. Обзор.“ ш. II, 166; отдѣльн. оттис. 32.

²⁾ Aelianus, ed. Hercheri, vol. II, стр. 60 (IV, 1): Nomos esti Sardōios, tus êdê gegêrakotas tōn paterōn hoi paides rhopalōis typtontes anêirun kai ethapton, aischron hêgumenoî ton lian hypergêrōn ontâ dzên eti, ôs polla hamartanontos tu sōmatos tu dia to gêras peponêkotos, tōn de autōn esti nomos toiutos. argias êsan dikai, kai ton eikê dzōnta edei krinesthai kai didonai tes enthyras apodeiknunta hopothēn dzê.—Объясненіе транскрипціи см. во II гл. (Этногр. Обзор. II, 149, отд. оттиска 15); здѣсь прибавимъ, что дветолги, состояще изъ а и е съ шеслономъ, изображены: ам, ем.

³⁾ Müller, Fragm. hist. graec., Parisiis, 1841, t. I, стр. 199, № 29: „Sardānios gelōs, ho prospoiētos. Kaleisthai de auton fasin apo tu sesêrenai tois odusi. Kai Sardōnios gelos—paroimia, epi tōn ep'olethrōi sfōn autōn gelōntōn, hên Dēmōn men diadothēnai (fēsi), hoti hoi Sardona katoikuntes aichmalōtōn tus kallistus te kai presbyterus hyper 70 etē tōi Kronōi ethyon, gelōntas heneka tu to euandron emfēnai tustestin andreion. Timaios de fēsin tus hikanon hebîōkotas chronon en Sardōi synōthumenus schidzais hypo tōn hyiōn eis hon emellon thaptesthai bothron, gelan. hoi de apo tu sesêrenai met'anoias.“

⁴⁾ Такое отношеніе къ смерти составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ „варварскихъ“ народовъ. См. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 134; Herod., V, 4 и т. д.

IV в. до Р. Хр.) говорить, что въ Сардиніи смѣялись обыкновенно дряхлые старики, которыхъ сыновья сталкивали вмѣстѣ въ яму, предназначенную для погребенія. Смѣялись они вслѣдствіе безумія, отъ приема какого-то одуряющаго растенія—сесерены ¹⁾). О свойствахъ этого растенія упоминаетъ и Солинъ (IV в. по Р. Хр.) въ своемъ „Полигисторѣ“. По его словамъ въ Сардиніи существовала ядовитая трава, которая парализовала мускулы, такъ что у отравившагося ея открывался ротъ и онъ казался похожимъ на смѣющагося ²⁾). По всей вѣроятности, и этому писателю была известна та изъ указанныхъ версій легенды о „сардоническомъ смѣхѣ“, которую мы встрѣтили у Свида и которая у всѣхъ писателей связывается съ именемъ Тимея. Текстъ Свида почти дословно сходенъ съ текстомъ „Лексикона“ константиноп. митр. Фотія ³⁾), откуда, вѣроятно, Свида и позаимствовалъ.

Эвстафій, комментировавшій въ XII в. Гомера, объясняя то-же выраженіе, цитируетъ, между прочимъ, Тимея (судя по „historiei fasin“—изъ вторыхъ рукъ) и прибавляетъ къ выдержкамъ Фотія и Свида слѣдующія слова: „Состарѣвшіеся родители... смѣялись, чтобы счастливѣе умирать, откуда смѣхъ надъ собственными несчастьями и называется сардоническимъ“. Далѣе онъ приводитъ другую версію, по которой смѣялись не старики, а убивавшіе ихъ сыновья, которые совершали убійство, какъ священный долгъ, и старались показать, что они ни въ чемъ не погрѣшаютъ, если убива-

1) Photii Lexicon, ed. Hermann, Lipsiae, 1808 стр. 375; *sesêren, keshên, diênnoigen; sesêren ai kai sarkadsein, to tus odontas fainein epi diamôkêssei*; Eustathius, Com. ad. Odys. V, 302 и т. д.

2) Julius Solinus, Polyhistor (Aldus), ed. 1518 (Fr. Asulan), cap. IX, p. 61: „huic incommodo accedit, et herba Sardonia, quae inde fluvius fontanis provenit largius iusto. Ea si ednlis fuerit, vescentibus nervos contrahit rictu ora diducit, ut qui mortem oppetunt, velut ridentium facie intereant.“

3) Photii lexicon, ed. Porsoni, т. II, Lipsiae, 1823, стр. 432: *Sardonios gelôs. parôimia epi tôn ep'olethrói tói sfôn antôn gelôntôn, hên Dêmôn...* и пр. дословно то-же, что мы только что выписали изъ Свида (Müller).

ють подѣ старость многострадальныхъ (kakòs peisoménus) родителей¹⁾.

Исаакъ и Иоаннъ Цецы, написавшіе въ XII в. схолиі къ Ликофрону, цитируютъ Тимея нѣсколько иначе²⁾. По ихъ словамъ, сардинцы приносили въ жертву Кроносу родителей, имѣвшихъ болѣе 70 лѣтъ отъ роду; со смѣхомъ били они ихъ дубинами и сбрасывали въ зіяющія пропасти. Другіе говорятъ, что „сами старики смѣялись противъ воли, вида, какъ собственные сыновья предають ихъ безчеловѣчной смерти“. Въ началѣ Цецы вспоминаютъ и объ извѣстной уже намъ ядовитой травѣ.

Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ для насъ важно зерно ихъ, именно то, что сардинцы убивали 70-лѣтнихъ стариковъ, принося ихъ въ жертву Кроносу, убивая дубинами, отравляя сесереной, сталкивая въ пропасти³⁾; а кто и почему смѣялся

1) Eustathii commentarii ad Homeri Iliadem, Lipsiae, 1829, т. III, ad O, 101, стр. 255; eiusdem ad Odysseam, т. II, Lipsiae 1826, V, 302, стр. 238: „Timaïos de fasin historiei tus en Sardoni gegêrakotas tôn goneû agesthai pros bothron kai kataballecthai kai hutò tu dzên apolyesthai kai hòs makariòs thnèskontas gelân, k'anteuthen ton epi lypais gelòta Sardonion legesthai. heteroi de tue byius gelan fasin epi tē tôn paterôn ekei catarbrhipsei afosiumenus ton fonon, kai emfainontas mēden hamartein, ei tus kakòs peisomenus pateras hypo dêròs proapagusin. ethelusi de hci palafoi ameinon einai Sardonion gelòta legesthai ton epi katamòkēsei prospoiēton para to se-sērenai, êguu hypanoigein ta cheilê, hòs dêladê proeirētai.

2) Jsaakiu kai Jòannu tu Tzetz u scholia eis Lykofrona. ed Müller, Lipsiae, 1811, т. II, стр. 787; Müller Fragm., l. c. № 28: Hè de Sardò, nēsos peri tas Hèrakleias stēlas. Tautēs apoikoi kai hoi Karchèdonioi. En hēi nēsoi Sardoï botanê ginetai homoia selindò, hēs hoi geuomenoi spasmoï katechomenoi akusiòs gelòsi kai hutò teleutòsi. Timaïos de fēsin, hòs ekei tus hyper hebdomèkonta etê gegonotas goneis autôn thyusi tòi Kronò, gelòntes kai typtontes autus tois xylòis kai pros achaneis krēmnum katòthuntes. Hothen ho Sardonios gelòs elechthê. Alloi de fasin, hoti ekeinoi hoi thnèskontes gerontes meidiòsin akusiòs, pros tēn para tôn paidòn aforòntes apanthròpon teleutēn. Hothen hē parómia eleothê: Sardònios gelòs“. Müller ссылается еще на Schol. Lucian. Asin. т. VI, р. 159, Bip., Schol. brev. ad Homerum (Odys. V, 302; Jl. O, 101) и Zenob. Cent. V, 86, которыми и не могъ воспользоваться.

3) Любопытно смѣтъ встрѣтившаея намъ совпаденіе способовъ жертвоприношеній, казни и убійства стариковъ.

„сардоническимъ смѣхомъ“ (вопросъ, очень занимавшій древнихъ авторовъ), — для насъ это не интересно. Жаль, что самое важное для насъ извѣстіе Тимея дошло до насъ въ разныхъ редакціяхъ и что у насъ нѣтъ возможности возстановить его первоначальный видъ.

Всѣ эти извѣстія возбуждаютъ нѣсколько вопросовъ, рѣшить которые очень не легко. Трудно сомнѣваться въ достоверности сообщаемыхъ указанными выше писателями фактовъ: фантазія древнихъ авторовъ могла свободно разыгрываться только тогда, когда рѣчь шла о далекихъ, малодоступныхъ и извѣстныхъ только по имени странахъ. Въ то сравнительно позднее время, къ которому восходятъ перечисленные выше извѣстія, сношенія съ народами и государствами, находившимися въ области Средиземнаго моря, настолько были оживлены; свѣдѣнія объ этихъ государствахъ и народахъ настолько должны были быть распространены, общезнаменны, что чувство авторскаго приличія и естественное желаніе серьезнаго писателя не прослыть за празднаго „баснописца“ налагали извѣстныя оковы даже на самую пылкую фантазію. Различныя толкованія выраженія: „сардоническій смѣхъ“ могли быть гипотезами, болѣе или менѣе близкими къ истиѣ, которыя каждому читателю вольно было принимать или отвергать; нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы нѣкоторые изъ этихъ гипотезъ опирались на заведомо ложный фактъ—убійство стариковъ у сардинцевъ, если бы онъ былъ таковымъ.

Если это вѣрно ¹⁾, то какъ тогда объяснить разницу въ показаніяхъ относительно этого обычая у всѣхъ этихъ писателей? Различныя цитаты изъ Тимея могутъ найти себѣ объясненіе въ возможной разницѣ между рукописями, которыми пользовались цитировавшіе, цитированіемъ изъ первыхъ и вторыхъ рукъ и т. д.; но это, конечно, несколько не упрощаетъ дѣла; все-таки существуетъ разница между показані-

¹⁾ Однимъ изъ соображеній, повсему подтверждающихъ эти извѣстія о Сардиніи, можетъ служить довольно близкая къ нимъ параллель—„Κείον πομπήων“, о которомъ я говорилъ въ концѣ предыдущей главы.

ніями Тимея, сведенными даже въ одно, и показаніями Демона, Эліана и тѣхъ, которые скрываются подъ неопределеннымъ „hoi alloi“ (другіе) Свиды, Фотія и т. д. Единственный способъ примирить эти противорѣчія—предположить, что дѣло здѣсь идетъ о различныхъ фазисахъ нашего обычая, о различныхъ формахъ его, которыя могли существовать и рядомъ. Очень можетъ быть, что сбрасываніе въ пропасти и убіеніе дубинами было болѣе ранней стадіей, отравленіе же (конечно, съ цѣлью ослабить ужасъ послѣднихъ минутъ)—болѣе поздней; быть можетъ, убійство стариковъ, какъ и у римлянъ, стояло въ непосредственной связи съ жертвоприношеніями и могло принять форму убійства—жертвоприношенія старыхъ военнопленныхъ. Только на послѣднюю стадію—замѣну убійства чѣмъ-нибудь въ родѣ римскихъ „аргеевъ“ мы не имѣемъ никакихъ указаній.

Относительно убійства стариковъ у трибалловъ (еракійскаго племени, жившаго въ нынѣшней Сербіи, этнографически-сложнаго, какъ и всѣ еракійпы по показанію Страбона) глухо говоритъ Аристотель ¹⁾; у нихъ „считалось честнымъ убивать своего (старого) отца“. Это извѣстіе съ разными прикрасами повторилъ, со ссылкой на Аристотеля, подъ 1193 годомъ своей „большой хроники“ Matthieu Paris ²⁾, почему-то приурочившій мѣстожителство трибалловъ къ Worms'у или Нагупау. По его словамъ, въ этихъ мѣстахъ обыкновенно сыновья сбрасывали стариковъ и

¹⁾ Aristotelis opera, Parisiis, 1639, ed. Duvallii, t. I, Topicorum lib. I, 11, 4, стр. 290.

²⁾ Liebrecht, Gerv., стр. 84; Huillard-Bréholles, Grande chronique de Matthieu Paris, 1840, t. II, стр. 203: „la province (des Triballiens) où cette forteresse est située renferme trois vallées très profondes et très sombres: c'est là que les vieillards ou les malades étaient ordinairement précipités par leurs fils qui croyaient accomplir un devoir religieux. Les vieillards étaient amenés sur des chars ornés pompeusement, selon la dignité de chacun; puis ils assistaient à un dernier repas, faisaient leurs adieu, et étaient lancés au fond de ces précipices. Ainsi Aristote, au livre V, a dit: c'est une vertu d'égorgier son père chez les Triballiens“, et un poëte après lui: „il y a des lieux, il existe des hommes, chez qui c'est la coutume d'égorgier les vieillards“.

больныхъ, думая, что этихъ они исполняютъ свой священный долгъ; на смерть несчастныхъ везли на колесницахъ, украшенныхъ сообразно съ достоинствомъ каждаго. Нельзя, конечно, рѣшить, откуда взялъ хроникёръ послѣднюю подробность и насколько она соотвѣтствовала истинѣ. Гервазій Тильбурійскій (XII в.) ²⁾, говоря о томъ, что въ восточной Азіи умерщвляютъ и понижаютъ стариковъ, тоже цитируетъ Аристотеля и при этомъ вспоминаетъ стихи своего современника Радульфоа Нигра, глоссировавшаго „топики“ Аристотеля и „аленхи“: „естъ мѣста, есть народы, у которыхъ умерщвляются родители“ и т. д.

По словамъ Страбона ¹⁾, жители небольшого острова Герны, возлѣ Британіи, ѣдятъ человѣческое мясо, поѣдаютъ даже умершихъ родителей и въ широкихъ размѣрахъ практикуютъ „promiscuity“. Съ обычной осторожностью и откровенностью онъ сознается, что относительно всего этого онъ не имѣлъ „достоверныхъ свидѣтелей, хотя людоедство свойственно также сѣверамъ, равно какъ, во время осады въ слу-

²⁾ *Scriptores rerum brunsvicensium*, ed. Leibnitz, Hannoverae, 1707, *Ger. v. Tilbnriensis Otis Imperialia*, lib. I, cap. III, стр. 911, de Asia Orientali: „sunt alii, qui iam senio confectos parentes mactant et eorum carnes ad epulae praeparant: impio indicat, qui facere ista negaverit. De istis meminit Aristoteles, cum dixit: „bonum est mactare patrem in Triballis“. Unde litterae ille nostri temporis vir, M. Radolphus Niger..., cum Topica Aristotelis et Elenchos versibus glossaret, ait: „sunt loca, sunt gentes, quibus est mactare parentes, cum mors, aut pietas, aut longa supervenit aetas“.

¹⁾ *Strabonis geographica*, ed. Meineke, vol. I, Lipsiae, 1866, lib. IV, cap. V, 4, стр. 275: „peri hēa (Hiernēs) uden echemen legein safes plēn hoti agriōteroi tōn Bretannōn hyparchusin hoi katoikuntes autēn, anthrōpofagoi te ontes kai polyfagoi, tus te pateras telentēsantas katesthien en kalōi tithemenoi kai fanerōs miagesthai tais te allaie gynaxi kai mētrasi kai adelfais. Kai tanta d' hntō legomen hōs uk echontes axiōpistus martyras: kaitoi to ge tēs anthrōpofagias kai Skythikon eiaai legetai, kai en anagkais poliorkētikais kai Keitoi kai Ibēres kai alloi pleius poiēsai tato legontai“. У Ф. Г. Мищенко. (Геограція Страбона, Москва, 1879 г., стр. 202—3) мѣсто, отмеченное курсивомъ, переведено не точно: „ѣдятъ человѣческое мясо и прешоракимъ; похвалымихъ дѣломъ считается побольше прать и старико сообщать со велики женщинами бѣгъ разбора, въ томъ чьелъ съ матерани и сестрани“.

чаѣ крайней нужды, кельтамъ, шберамъ и многимъ другимъ¹⁾. Последнее извѣстіе подтверждаетъ и Цезарь относительно Галловъ; онъ влагааетъ въ уста одного изъ жителей осажденнаго имъ Галльскаго города рѣчь¹⁾, въ которой тотъ со-вѣтуетъ послѣдовать примѣру предковъ, которые во время войны съ Кимврами и Тевтонами, вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, убили всѣхъ неспособныхъ къ войнѣ и дряхлыхъ и питались ихъ тѣлами; „если-бы даже и не было раньше этого обычая“, такъ закончилъ свою рѣчь этотъ Галль, „то все-таки я считаю самымъ лучшимъ устано-вить его для защиты своей свободы и завѣщать потом-камъ“. Тертуліанъ, христіанскій писатель II — III вв. по Р. Хр., въ своемъ сочиненіи: „adversus Marcionem“²⁾ до-вольно глухо упоминаетъ объ обычаяхъ народовъ, жившихъ вдоль Чернаго моря, пожирать тѣла родителей, изрубленными вмѣстѣ съ мясомъ животныхъ: по всей вѣроятности, кани-бализмъ болѣе поздняго типа, составляющій переходъ отъ чистой антропофагіи къ употребленію мяса исключительно животныхъ. Вскользь упоминаетъ онъ и о существованіи амазонокъ у этихъ народовъ. Тотъ же писатель, въ „arolo-

¹⁾ Caesaris opera, ed. Dinteri, Lipsiae, 1880, de bel. gal., VII, 77, стр. 162—3: „quid ergo mei consilii est? facere, quod nostri maiores nequaquam pari bello Cimbrorum Teutonumque fecerunt; qui in oppida compulsi ac simili inopia subacti eorum corporibus, qui aetate ad bellum inutiles videbantur, vitam toleraverunt neque se hostibus tradiderunt. Cuius rei si exemplum non haberemus, tamen libertatis causa institui et posteris prodi pulcherrimum iudicarem“.

²⁾ Tertulliani opera omnia, Wiesenburgi, 1780, т. I, adv. Marc., lib. I, 1, стр. 295—6: „pontus igitur, qui Euxinus natae negatur, nomine illuditur... gentes ferocissimae inhabitant... Parentum cadavera cum pondibus caesa convivio convorant. qui non ita decesserint, ut caecitiae fuerint, maledicta mors est. Nec feminae sexu mitigantur secundam pudorem, ubera excludunt, penum securibus faciunt, manant militare quam nubere... Omnia torpeat, omnia rigent: nihil illis nisi feritas calet, illa scilicet, quae fabulas aenis dedit, de sacrificiis Teuorum et amoribus Colcheram, et crucibus Caucasorum (очень любопытное указаніе на то, что драматическія происшествія распространены въ римскомъ обществѣ свѣдѣніа о бытѣ „варварова“).

geticus adversus gentes“²⁾, вспоминая о томъ, что въ Африкѣ приносились въ жертву Сатурну дѣти. говорить, что у другихъ народовъ существовали гораздо большія преступленія: у Галловъ практиковалось отцеубійство, у нѣкоторыхъ скиѣскихъ народностей умершій поѣдался родственниками. По словамъ Силія Италика¹⁾, римскаго поэта I в. по Р. Хр., у Кантабровъ, жившихъ въ сѣверной Испаніи, старики сбрасывались со скалъ въ море

Прокопій, очень хорошо освѣдомленный относительно германцевъ и ихъ быта, говорить³⁾, что Герулы приносили человѣческія жертвы, умерщвляли бользыхъ и стариковъ,

¹⁾ *Ib.*, apol. adv. gentes cap. 9 стр. 75—6: „infantes penes Africam Saturno immolabantur palam usque ad proconsulatum Tiberii... sed et nunc in occulto perseverat hoc sacrum facinus... et tamen multum homicidio parricidium differt. Major aetas apud Gallos Mercurio (?) prosecatur. Remitto tauricas fabulas theatris enis (срв. предыдущее примечаніе)... sed quoniam de infanticidio nihil interest, sacro an arbitrio perpetretur licet parricidium homicidio interest convertar ad populum... utique crudelius in aqua spiritum extorquetis, aut frigori et fami et canibus exponitis. ferro enim mori aetas quoque major optavit... Aiunt et apud quosdam gentiles Scytharum defunctum quemque a suis comedi“.

¹⁾ Silius Italicus, lib. III (см. Масков, I. c.): „mirus amor populo, cum pigra incanuit aetas, imbelles iam dudum annos praevertere saxo.“

²⁾ Procopii Caesariensis historiarum sui temporis libri VIII, ed. Maltreti, Parisiis, 1662, de bello Gothico, lib. II, cap. XIV, стр. 419 *Procopius ex recensione Dindorfii*. vol. II, Bonnae, 1833, стр. 199—200: “...Eruloi... hyper Istron... ôkun polyn tina nomizontes theôn homilon, hus dê kai anthrôpôn thysiais hilaskesthai hosion autois edokei einai... ute... gêraskusin, ute nosusin autois bioteuein exên, all' epeidan tis autôn è gêrai è nosôi halôiê epanagkes hoi egineto tus xyggeneis aiteisthai hoti tachista ex anthrôpôn auton afanizein. hoi de xyla polla es mega ti hypsos xynnêsantes, kathisantes te ton anthrôpôn en têi tôn xylôn hyperbolêi, tôn tina Erulôn, allotrion mentoi, syn xifidiôi par' auton epempon. xyggenêi gar autôi ton fonea einai u themis. epeidan de autois ho tu xyggenus foneus epanêiei xympanta ekaion autika ta xyla. ek tôn eschatôn arxamenoi. pausamenês te autois tês flogos xyllexantes ta osta to parautika têi gêi ekrypton. Erulu de andros teleutêsantos epanagkes têi gynaiiki aretês metapoinmenêi kai kleos hautêi eshelusêi leipesthai brochon anapsamenêi para ton tu andros tafôn uk eis macron thnêskein. u poiusei te tauta perieistêkei to loipon adoxôi te einai kai tois tu andros xyggenesi proskekrakenai. toiutois men echrônto Eruloi to palaion nomois.“

которые сами просили смерти у своихъ близкихъ; обреченныхъ на смерть помѣщали на костръ и какой-нибудь Геруль, не родственникъ, убивалъ ихъ ножемъ, послѣ чего костеръ зажигали; женъ знатныхъ Геруловъ душили при помощи веревки на курганѣ мужей. Это извѣстіе чрезвычайно важно, такъ какъ оно даетъ косвенное указаніе на то, что у этого германскаго племени убійство стариковъ существовало во время патриархата, къ которому только и можно приурочить, по нашему мнѣнію, такой фактъ, какъ убійство вдовъ; оно тѣмъ болѣе цѣнно, что другіе авторы, говоря объ убійствѣ стариковъ, очень рѣдко представляютъ такія приблизительныя хронологическія даты.

По показанію Геродота ¹⁾ Индійцы-Падэи, которыхъ причисляютъ. то къ арійцамъ, то къ семитамъ, убивали больныхъ и старыхъ своихъ соплеменниковъ: женщины—женщинъ, мужчины—мужчинъ; убивая, они говорили будто бы, что мясо пропадаетъ для нихъ, если болѣзнь истощитъ больного; до старости у нихъ доживали немногіе. Индійцы Калантіи также поѣдали своихъ родителей ²⁾. Брачныя отношенія и тѣхъ и другихъ, по свидѣтельству Геродота, отличались примитивнымъ характеромъ ³⁾, присущимъ, скорѣе всего,

¹⁾ Herodoti hist. IX, ed. Dietsch, vol. I, Lips. 1881, III, 99, стр. 264—5: „alloi de tôn Indôn pros êð oikeentes tutôn n o m a d e s eisi, kreôn edestai ðmôn, kaleontai de Padaioi. nomaióisi de toioiside legontai chrasthai: hos an kamêi tôn astôn, ên te anêr ên te gynê, ton men andra hoi malista hoi homileontes kteinusi, famenoi auton têkomenon têi nusôi ta krea sfisi diaftheiresthai: ho de aparnos esti mê men nuseein; hoi de u sygginôskomenoi apokteinantes kateuðcheontai. ên de gynê kamêi, hōsautōs hai epichreomenai malista gynaikeis tauta toisi andrasi poieusi. ton gar dê es gêras apikomenon thysantes kateuðcheontai. es de tutu logon u polloi tines autôn apikneontai: pro gar tutu ton es nuson piptonta panta kteinusi“.—В о е в о д с к і й, Кавказъ. 157.—Tihullus, lib. IV, carm. I, vers. 144: „impia nec sœvis celebrans convivium mensis ultima vicinus Phœbo tenet arva Padaens“.

²⁾ ib. III, 97: „...hoi Kalantiai Indoï, o i k ê m a t a de kekteatai k a t a g a i a“; III, 38: „...Indôn tus kaleomenus Kalatias, hoi tus goneas kates-thiusi“.

³⁾ III, 101: „mixis de tutôn tôn Indôn tôn katelexa pantôn emfanês esti kataper tôn probatôn“.

„стаду-ордѣ“. Историкъ Курцій ¹⁾, жившій приблизительно въ I в. по Р. Х., въ своихъ „Дѣянiяхъ Александра Великаго“ представляетъ дѣло въ нѣсколько иномъ видѣ: одряхлѣвшіе или заболѣвшіе индiйцы приказывали сами себя убивать, такъ какъ считали позоромъ для себя ожидать смерти. Помпоній Мела ²⁾, жившій приблизительно въ то же время, говоритъ, что индiйцы убивали своихъ больныхъ и старыхъ родственниковъ и потомъ пожирали внутренности убитыхъ, считая это своимъ священнымъ долгомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, когда наступали болѣзни и старость, удалялись и умирали въ уединеніи; другіе, „болѣе мудрые и благоразумные, не ожидали смерти, но съ радостію и торжествомъ всходили на костры“. Интересно, что Проперцій и Эліанъ говорятъ о сожженіи вдовъ у индiйцевъ ³⁾—обычай, который, по нашему мнѣнію, могъ существовать только при патріархатѣ; жаль только, что эти писатели не указываютъ, у какихъ индiйскихъ племенъ существовалъ этотъ обычай; если бы эти указанія были менѣе неопредѣленны, то сопоставленіе ихъ съ приведенными выше показаніями Геродота, Курція и Мелы могло бы дать приблизительныя хронологическія данныя эво-

1) Kollár, op. cit., стр. 195: „vivos se cremari iubent, quibus aut senis aetas aut incommoda valetudo est. Expectatam mortem pro dedecore vitae habent. Nee ullus corporibus, quae senectus solvit, honos redditur“.

2) Ed. Fradin, Paris, 1804, т. III, lib. III, cap. VII, стр. 122—5: „quidam proximos parentesque, priusquam annis aut aegritudine in maciem eant, velut hostias caedunt: caesorumque visceribus epulari fas et maxime pium est. Ubi senectus aut morbus incessit, procul a caeteris abeunt, mortemque in solitudine nihil anxii expectant. Prudentiores et quibus ars studiumque sapientiae contingit, non expectant eam, sed ingerendo semet ignibus lacti et cum gloria arcessunt“.

3) Aelianus, ed Hercheri, vol. II, стр. 87, var. hist., VII, 18: „para Indois de hai gynaiques to auto pyr apothanusi tois andrasin hypomenusi. filotimuntai de peri tutu hai gynaiques tu andros kai tê klêrôi lachusa sygkaietai“; Propertius, lib. III, eleg. 7, M a s c o u, l. c.: „felix Eois lex funeris una maritis, quos aurora suis rubra colorat equis. Namque ubi mortifero iacta est fax ultima lecto, uxorum fusis stat pia turba comis et certamen habent lethi, quae viva sequatur coniugium, pudor est, non licuisse mori“.

люди семейнаго быта индусовъ и показать, что убійство стариковъ у индусовъ существовало и при патриархатѣ.

По Геродоту ¹⁾ Исседоны, скиѣское племя, жившее внутри Великой Монголіи, въ нынѣшней Джунгаріи, рубили трупы умершихъ родителей вмѣстѣ съ мясомъ животныхъ и потомъ пожирали эту ужасную смѣсь. Голову покойника отдѣляли, очищали, покрывали золотомъ ²⁾ и потомъ употребляли ее въ качествѣ священнаго сосуда. У нихъ существовало празднество въ честь предковъ ³⁾ (черта патриархата); женщины у нихъ пользовались одинаковымъ положеніемъ съ мужчинами. Последнее указаніе позволяетъ заключить, что во время Геродота Исседоны переживали начальную эпоху патриархата. Солинъ ⁴⁾ не прибавляетъ ничего новаго къ извѣстію Геродота, кромѣ того, что Исседоны (Essedones) пѣли при „funera ragentum“—въ данномъ случаѣ не погребеніи, но умерщвленіи и съѣденіи своихъ родственниковъ.

¹⁾ IV, 26: „*nomoisi de Issédones toioiside legontai chrasthai. epean andri apothanêi patêr, hoi prosêkontes pantes prosagusi probata, kai epeiten tauta thysantes kai katatamontes ta krea katatamnusi kai ton tu dekomenu tetnêota gonea* (врядъ-ли только отца), *anamixantes de panta ta krea daita protitheatai. tèn de kefalên autu peilôantes kai ekkathêrantes katachrysusi, kai epeiten hate agalmati chreontai, thusias megalas epetens epiteleontes. pais de patri tuto poieei, kataper hoi Hellênes ta genesis. allôs de dikaioi kai hutoi legontai einai, isocratees de homoiôs hai gynaikeis tois andrasi*“.

²⁾ Очень распространенный варварскій обычай, не чуждый, по свидѣтельству первоначальной лѣтописи, половцамъ.

³⁾ Abicht, Herodotos, B. II, Heft II, ad IV, 26: *genesis—totenfeier, „genethlia tassetai epi tôn zôntôn kai en hêi hekastos hêmerei egenêthê* (т. е. dies natalis, день рожденія), *genesis de epi tôn tetnêkôtôn, en hêi hekastos hêmerei tetelytêke* (помянн, сожжены); „*genesis hê di'enianthu epifoitôsa tu tetnêkotos mnêmê*“ (со смысломъ на Ammian. de differ. voc., p. 35 в Phrynich., Lob. p. 104).

⁴⁾ Solinus, Polyhistor, l. c., Cap. XIX, стр. 77: „*Inter anthropophagos in asiatica parte numerantur Essedones, qui et ipsi nefandis funestantur inter se cibis. Essedonum mos est parentum funera cantibus prosequi et proximorum corrogatis coetibus cadavera ipsa dentibus laniare, pecudumque carnibus mista dapes facere. Capitem etiam ossa, atro incincta in peculorum tragere ministerium*“.

По словамъ Геродота ¹⁾ у Массagetовъ, прикаспійскаго народа, „естественнаго конца жизни совѣмъ не полагалось“. Со стариками они поступали такъ, какъ и Исседоны; умершихъ отъ болѣзни они не съѣдали, но хоронили, печалясь, что покойнику не пришлось быть убитымъ; убіеніе и съѣденіе они считали самымъ счастливымъ концомъ жизни. Брачныя отношенія ихъ отличалось характеромъ, очень близкимъ къ типу браговъ патріархальнаго періода ²⁾; вообще они стояли на очень низкой ступени развитія; земледѣлія не звали, питались рыбой, мясомъ и молокомъ.

Страбонъ ³⁾, характеризуя бытъ Согдіанъ и Бактрианъ со словъ Онесикрита, говоритъ, что они по образу жизни мало чѣмъ отличались отъ номадовъ; у Бактрианъ дряхлые старики и тяжело больные выбрасывались живыми на съѣденіе собакамъ, которыхъ нарочно для этого держали и которыя назывались погребателями ⁴⁾; большая часть столицы Бактрианъ была переполнена человѣческими костями. Рассказываютъ

1) I, 2:6: „Massagetai... nomois de chreontai toioiside: gynaika men gameei hekastos, tautēsi de epikoina chreontai... tēs gar epithymēsei gynaikos Massagetēs anēr, ton faretreōna apokremasas pro tēs hamaxēs misgetai adeōs uros de hēlikiēs sfi prōkeetai allos men udeis. epean de gērōu genētai karta, hoi prosēkontes hoi pantes synelthontes thyusi min, kai alia probata hama autōi, hēpsēsantes de ta krea kateuōcheontai. tauta men ta olbiōtata sfi nemistai. ton de nusōi teleutēsanta u katasiteontai, alla gēi kryptusi, symforēn poieumenoi, hoti uk hiketo es to tythēnai. speirusi de uden, all'apo ktēneōn zōusi kai ichtyōn. hoi de aŋthonoi sfi ek tu Aραχέω potamu paraginontai, golactopetai de eisi“.

2) См. Р е к л ю, Материнское главенство въ примитивной семьѣ, Рус. Бор., 1883, I, стр. 148.

3) Strabonis geographica, ed. Mülleri et Dübneri, XI, с. XI, 3, стр. 443; Платонъ („Тимей“) говоритъ объ убійства стариковъ въ одной сардской трибѣ (см. Letourneau, La sociologie d'après l'ethnographie, Bibliothèque des sciences contemporaines, Paris, 1880, стр. 142).

4) Пословачъ Стобеня и Секста Энцирика, Гарканы выбрасывали мертвецовъ собакамъ, Индійцы—коршунамъ (Секстъ); Гарканы—собакамъ, Бактрианцы—птицамъ (Плутархъ); Гирканы и Каспія—собакамъ (Феодоритъ) и т. д. См. Menagius, l. c., стр. 256; срв. Aelianus, ed. Hercheri, vol. II, var. hist, IV, 1, стр. 61: „Kolchoi de tus nekrus en byrsais thaptusi, kai katarrapsantes ek tōn dendrōn exartōsi“.

также и относительно Каспійцевъ, что они запираютъ и морятъ голодомъ родителей, пережившихъ 70-лѣтній возрастъ. „Послѣдній обычай не столь жестокъ, онъ имѣетъ скиѣскій характеръ, хотя и похожъ на обычай кеосцевъ; болѣе скиѣскаго характера въ обычай Бактрійцевъ“. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ Страбонъ дополняетъ это извѣстіе: Каспійцы морятъ голодомъ дряхлыхъ стариковъ и затѣмъ выбрасываютъ ихъ въ пустынные мѣста, причемъ издали наблюдаютъ за трупомъ: если птицы стащатъ трупъ съ носилокъ, то покойникъ считается блаженнымъ, если собаки или дикіе звѣри—менѣе блаженнымъ, если никто не стащить покойника—его считаютъ несчастнымъ. Такимъ образомъ Каспійцы соединили двѣ формы обычая, обыкновенно существующія отдѣльно: умерщвление голодомъ и выбрасываніе на пожраніе звѣрямъ и птицамъ. Быть можетъ, эта смѣшанная разновидность нашего обычая явилась слѣдствіемъ соединенія болѣе смягченной формы убійства стариковъ съ переживаніемъ болѣе древней формы погребенія—вѣрнѣе, обращенія съ трупами: выбрасываніе труповъ на пожраніе звѣрямъ—обычай, извѣстный очень многимъ варварскимъ народамъ.

Сообщая въ этой же главѣ о странномъ обыкновеніи племенъ, „живущихъ возлѣ Кавказа и прочихъ горъ“, печалиться при появленіи на свѣтъ ребенка и радоваться при похоронахъ покойника, Страбонъ говоритъ, что Дербикки ²⁾, при Каспійскомъ племени, умерщвляли мужчинъ, прожившихъ болѣе 70-ти лѣтъ, и ближайшіе родственники пожирали трупы; старухъ вѣшали, а потомъ хоронили, равно какъ хоронили и мужчинъ, умершихъ до 70-лѣтняго возраста. Въ данномъ случаѣ каннибализмъ принялъ очень оригинальныя формы: женщинъ и умершихъ естественною смертію не ѣли.

Въ другомъ мѣстѣ ³⁾ Страбонъ сообщаетъ, со словъ Ме-

¹⁾ XI, cap. XI, 8, стр. 445—6

²⁾ Срв. Aelianus ed. Hercheri, vol. II, hist. var., IV, 1, стр. 60; „Derbikai tus hyper hebdomēkonta etē bebiškotas apokteinusi, tus men andras katathyontes, apauchontes dē tus gynaikas“.

³⁾ Strab. geogr., XV, 1, 56, стр. 605.

гасеена, что брачныя отношенія кавказскихъ племенъ далеко не отличались стыдливостью ¹⁾ и что эти племена питались мясомъ родственниковъ (старыхъ?).

Христіанскій писатель Теодоритъ ²⁾ пишетъ въ своемъ сочиненіи „Тегареутика“, что Массагеты убивали стариковъ, а Тибарены (скиѣское племя въ Понтѣ) сбрасывали ихъ (въ пропасти?). Этимъ народамъ, какъ и нѣкоторымъ другимъ, особенно посчастливилось въ церковной литературѣ: убійство стариковъ у этихъ народовъ сдѣлалось общимъ мѣстомъ ³⁾ въ сочиненіяхъ древне-христіанскихъ главнымъ образомъ писателей. Конечно, эти извѣстія не особенно надежны въ научномъ отношеніи. Такъ Порфирій, писатель III в. по Р. Хр., говорить, что Массагеты и Дербики приносятъ въ жертву и пожираютъ состарѣвшихъ родственниковъ, Тибарены жи-

1) „En tōi fanerōi misgesthai gynaiki“, какъ Калактія, по словамъ Геродота.

2) См. Migne, Patrologiae cursus completus. Opera omnia Theodoretii, 1859, Тегареутика memorabilium, index, t. IV, стр. 1515; Воеводехій, op. cit., стр. 214. Къ сожалѣнію я могъ воспользоваться только краткими указаніемъ индекса: „senes a Massagetis trucidati, a Tibarenis praecipitati“.

3) Въ большинствѣ случаевъ эти извѣстія служили полемическимъ приемомъ противъ язычества и язычниковъ и являются болѣе или менѣе глухими отголоскомъ извѣстій, сообщенныхъ болѣе древними языческими историками, географами и путешественниками. Намъ кажется, что въ нихъ заслуживаютъ вниманія только тѣ черты, которыя совпадаютъ съ извѣстіями изъ другихъ источниковъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать большаго безпристрастія (сочиненія Геродота, Страбона и т. д.).

4) Aeliani Porphyrii, Philonis opera, ed. Hercheri, Parisiis, 1858. Porphyrius, de abstinencia, lib. IV, 21, стр. 85: „Historunt aigun Massagetai kai Derbikes athliōtatos hēgeisthai tōn oikeiōn tus automatus teleutēsantas. Dio kai fthasantes katathyusi kai hestiōntai tōn filatōn tus gegērakotas. Tibarēnoi de zōntas katakrēm̄nizusi tus eggytatō gerontas. Hyrkaniōi de kai Kaspioi hoi men oiōnois kai kysiu paraballusi zōntas, hoi de tethneōtas, skythai de sygkatōryttusin zōntas kai episattusi tais pyrais, hns ēgarōn hoi tethneōtas malista. Kai Baktrioi mentoi kysi paraballusi zōntas tus gegērakotas“. Cp. Tertullianus Apologetici, cap. 9 (de Derbiciis): „Aiunt et apud quosdam gentiles Scytharum defunctum quemque a suis comedi“; Verius, contra Marc. lib. I: „parentum cadavera cum pecudibus caesa convivio convorant; qui non ita decesserint, ut escatiles (escatiles?) fuerint, maledicta mors est“ (Eusebii Hieronymi opera omnia, II—III, Parisiis, 1845, стр. 296).

выми сталкиваютъ ихъ въ пропасть, Гирканы (прикаспійскій народъ, жившій въ нынѣшнемъ Джорджанѣ) и Каспіи, первое живыми, второе мертвыми выбрасывали ихъ собакамъ и хищнымъ птицамъ, Скиѣи зарывали въ землю живьемъ и убивали тѣхъ, которыхъ умершіе любили болѣе всего (женъ и рабовъ? черта патріархата?), Бактрыне выбрасывали стариковъ живыми на съѣденіе собакамъ (Однородныя извѣстія Эвсевія Геронима, Эвсевія Памфила ¹⁾ и т. д. прибавляютъ къ этому мало новаго.

Отдѣльныя части и черты этихъ извѣстій подтверждаются отчасти Геродотомъ, Цицерономъ, Лукіаномъ, Эліаномъ ²⁾ и т. д.

¹⁾ Eusebii Hieronymi, l. c., adversus Jovinianum, lib. II, 7: „Massagetae et Derbices miserimòs putant, qui aegrotatione moriantur et parentes, cognatos jugulatos devorant, rectius esse ducentes, ut a se potius, quam a veribus comedantur. Tibareni quos dilexerint, senes suspendunt in patibulis, Hircani volucris et canibus semivivos prociunt, Caspii iisdem bestiis mortuos, Scythae eos, qui a defunctis amati sunt, vivos infodunt cum ossibus mortuorum, Bactri canibus ad hoc ipsum nutritis, obiciunt senes“. Изукрашенное риторическими красотами извѣстіе Евсевія Памфила (Eusebii Pamphili praeparationis evangelicae libri quindecim, ed. Vigeri, Coloniae, 1688, lib. I, IV, стр. 11), повторяя и распространяя уже известные намъ факты, интересно только по слѣдующей фразѣ: „Massagetae... ut historiarum fide proditum est“; срв. Menagius, l. c.; Stobaei florilegium, ed. Meineke, t. IV, Lipsiae, 1857, стр. 126—127; Ciceronis operum vol. II, Amstelædami, 1724, ed. Verburgii, стр. 671 (ссылка на Theodreti Therapeut. IX, p. 129: „uk eti d'ute Hyrkanoi ute Kaspioi tus kynas tois tethneòtòn ektrefusiòmasin“; (со ссылкой на Stobaeus, Serm. CXXII, p. 614): „elegen ho Diogenês, hoti an men kynes sparaddsin, Hyrcauia estai hê tafê“ и т. д.

²⁾ Cicero, ed. Verburgii, l. c.: „magorum mos est non humare corpora suorum, nisi a feris sint ante laniata. In Hircania plebs publicos alit canes и т. д. (Tusc. disp. I, 45); Herodotus, III, 38; Menagius, l. c. (Aelianus, de animalium natura, X, 22): „Bekkaioi (genos de tuto hesperion) tôn apothnêskontôn nosòi tus nekros hybrizontes hòs anandròs kai malakòs tethneòtòn thaptusi pyri; tus de en polemòi ton bion katastrepsantas hòs kalus kai agathus kai aretês meteilêchotas gypsi prosballusin, hieron to zòon einai pepisteukotes“; Menagius, l. c. (Silius Italicus lib. III и XIII): „venere et Celtae sociati nomen Iberis. His pugna cecidisse decus corpusque cremari tale nefas. Coelo credunt superisque referri impastus carpat si membra iacentia vultur... Tellure, ut perhibent, is mos antiquus Ibera: exanima obscœnus consumit corpora vultur“; Menagius (Sextus Empiricus): Hyrkanoi de kysin autus

Во всѣхъ почти этихъ извѣстіяхъ каннибализмъ идетъ объ руку съ жертвоприношеніями и прямо указывается сходство способовъ погребенія, жертвоприношенія ¹⁾, казни и убійства стариковъ.

Приведенными выше фактами не исчерпывается матеріаль для исторіи нашего обычая, заключающійся въ сочиненіяхъ древнихъ писателей. По словамъ Помпонія Мелы ²⁾, Солина ³⁾ и Плинія, ⁴⁾ Гипербореи, пресытившись жизнью и состарѣвшись, спрыгивали съ какой-то скалы въ море, считая эту кончину блаженной. По словамъ Гелланика (V до Р. Хр.), дошедшихъ до насъ въ изложеніи Климента Александрійскаго ⁵⁾, Гипербореи выводили стариковъ за ворота и тамъ убивали. Такого же свойства и рассказъ Агатархида (II в. до Р. Хр.), сохранившійся въ „библіотекѣ“ Фотія ⁶⁾. о Троглодитахъ, ко-

(nekrus) ektithentai boran, Indôn de enioi gypsi (эіопы—рыбамъ); Lucian: Samosatensis opera, ed. Dindorfii, Paris, 1842, de luctu, cap. 21, стр. 569.

1) О повѣшеніи и подвѣшываніи жертвъ см. Liebrecht, Znr Volkskunde. стр. 6—10.

2) Pomponius Mela, lib. III, cap. V, ed. Fradin, стр. 68: „Hyperborei... ubi eis vivendi satietas magis quam taedium cepit, hilares redimiti sertis, semet ipsi in pelagus ex certa rupe praecipites dant. Id eis funus eximium est“.

3) S o l i n u s Op. cit., cap. XX, стр. 79: „Hyperborei... mortem arcesunt et voluntario interitu castigant obeundi tarditatem. quos satietas tenet vitae, epulati delibatique de rupe nota praecipitem casum in maria destinant Hos sepulturae genus optimum arbitrantur.“

4) Histoire naturelle de Pline, ed. Littrè, t. I, Paris, 1848, IV, 26, стр. 200 „Hyperborei... mors nonnisi satietate vitae, epulatis delibatoque senio luxu, ex quadam rupe in mare salientibus. Hoc genus sepulturae beatissimum.“

5) In Clementem Alexandrinum Nicolai Le Non rry dissertationes. Patrologiae cursus completus, t. IX, 1857, стр. 1317: „Hyperborei... sexagenarios extra portas ducentes tollunt de medio“; t. VIII, I, стр. 779—780: „Hellankos... historiei... tus hexêkontaeteis hutoi (Гипербореи) exô pylôn agontes afanizusin“.

6) Patrologiae cursus completus, CIV, 1860, Bibliotheca Photii, Agatharchides, 454 b. (cap. XXX, de Troglodytis), стр. 53—54: „span de tines tu pasin ofeilomenu gêrus barynontos, mêketi dynôntai tais poimnais epakoluthein, perithentes boos uran peri ton auchena ton auten kai ton opisô tu trachêlu desmon eu mala perisfigxantes apolyusi tu biu. Ei de tis autôn tèn teleutên hyperballoi, parastas ho thelôn afnô. hôs ep' eunoiat ton oknon afairumenos, nuthetôn hama tói logôî tês anastrofês, dia tês autês hodu parelysen. U tus gê-

торые, по его словамъ, жили гдѣ-то возлѣ Краснаго Моря и удавливали бычачьими хвостами стариковъ и больныхъ. Жители фантастическаго острова, описаннаго извѣстнымъ древнимъ романистомъ Ямвуломъ, состарѣвшись или заболѣвши, кончали, подобно Гипербореямъ, жизнь самоубійствомъ. ¹⁾

Послѣдніе факты для насъ интересны потому, что косвеннымъ образомъ указываютъ на распространенность нашего обычая у народовъ древняго міра и отношенія къ нему: Гипербореи и Троглодиты — очень широкіе, неопредѣленные и отчасти фантастическіе термины древности; островитяне Ямвула и ихъ бытъ были до извѣстной степени для этого романиста идеаломъ челоуѣчества и челоуѣческой жизни; очень можетъ быть, что въ этихъ разсказахъ есть своя доля истины, что они — продуктъ слуховъ о дѣйствительно практиковавшемся обычаѣ у сѣверныхъ и южныхъ варварскихъ народовъ *вообще*; то, что нашъ обычай нашелъ себѣ мѣсто въ утопіи Ямвула, показываетъ, что древніе относились къ нему далеко не отрицательно и что самая его распространенность приводила къ убѣжденію въ его законности и пригодности для идеальнаго строя общества.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя выше извѣстія констатируютъ существованіе обычая убійства стариковъ въ разныхъ времена, въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ народовъ извѣстнаго древности міра; сущность его вездѣ остается одной и той же, но въ подробностяхъ — въ предѣльномъ возрастѣ убиваемыхъ, въ томъ, кто и какъ убивалъ, въ пере-

gaskontas de monon hutô tu zên hypexagusin, alla kai hus hê nosos epimonoê è melôn tinos pârôsis achrêstus eis to tais agelais paraskenasthai synesthai“.

¹⁾ Коршъ, Всеобщая ист. лит., т. I., ч. II, СПб., 1881, стр. 1283; Lassen, Ind. Alterth., III. 259; Rohde, Der griech. Roman und seine Vorläufer, Leipzig. 1876, стр. 229—231; die Bewohner... lebten, meist ohne Krankheit, 150 Jahre lang; verstümmelte oder kranke mussten sich selbst tödten; nach Erreichung eines gewissen Alters gaben sich alle selbst den Tod, indem sie sich fanf eine Pflanze (botanê ditÿês) lagerten, deren betäubender Duft sie durch einen sanften Schlaf in den Tod hinüber geleitete.. Die Leichen werden bei Ebbe im Meeressande verscharrt. dann kommt die Fluth zurück und überschüttet sie vollends“.

вѣсѣ тѣхъ или другихъ причинъ, ведущихъ къ убіенію и т. д. — можно подмѣтить легко большую разницу и во всякомъ случаѣ значительныя варіаціи.

Заканчивая настоящую главу, мы считаемъ нужнымъ пояснить, что разсмотрѣнные нами до сихъ поръ извѣстія древнихъ писателей не исчерпываютъ еще всего матеріала по интересующему насъ вопросу. Много данныхъ можно найти у средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей, не мало также встрѣчается отголосковъ этого обычая въ бытѣ и поэзіи разныхъ народовъ. Все это со временемъ составитъ предметъ особаго дополнительнаго изслѣдованія, послѣ чего можно будетъ сдѣлать и нѣкоторые общіе выводы, отъ которыхъ мы пока воздерживаемся.

В. В. Калашъ.

Дополненія и поправки.

Къ первой главѣ («Этн. Обзор.», I; отд. оттискъ, Москва, 1889, I). Стр. 118. (отд. отт. 4), прим. 1: Баталинъ, Сказ. объ инд. царст., Воронежъ, 1876. стр. 37, 38, 39, 126; Nowosielski, Lud, Wilno, 1857, т. II, 20—22; Kulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warsz. 1853, 177—8 (со ссылками на оставшеся мнѣ неизвѣстными «Ukraina dawna i terazniejsza» Грабовскаго и «Litwa» Крашевскаго. — Іѵ прим. 2: Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист., I, 273; Брянцевъ, Ист. литов. госуд. съ древн. врем., Вильно, 1889, стр. 29—30. — Стр. 119 (5), прим. 4: Girard de Bialle, de l'anthropologie, étude d'ethnologie comparée, Paris, 1875, стр. 7, 8, 12; Letourneau, La sociologie d'après l'ethnographie (Bibliothèque des sciences contemporaines), Paris, 1880, 141—3; Müller, Allgemeine Ethnographie, 310; «Людодѣство и челов. жертвопр.», «Живоп. Обзор.», 1889, №№ 23, 29, 31. — Стр. 125 (11), прим. 1: Халанскій, op. cit., 42; Ефименко, Мат., II, 10; Рыбниковъ, Пѣсни, I, 335; О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 496, 497, 589, 603 и т. д. — Іѵ прим. 3: Русановъ, Жизнь и сочиненія Бахофена, Рус. Мысль, 1889, июнь, научный обзоръ, 185—211; Herodotus, I, 173; IV, 110—117; IX, 27; Реклю, Матер. главенство въ прим. семьѣ, Рус. Богат., 1883, I, 129—157; Караинъ, сказка о жен. ханствѣ, Древ. и Нов. Рос., 1875, XI, 290—294; Зибаръ, очерки экон. культ., 294 — 6. — Іѵ прим. 3: Herod., IV, 26; Халанскій, op. cit., 30—33; В. О. Мил-

леръ, Осет. этюды, III, 87—92; А. Н. Веселовскій, Нов. изслѣд. о рус. был. эпосѣ, Вѣст. Евр., 1888, VII, 160—161; Чернышовъ, къ вопросу о парубочствѣ, какъ особой обществ. группѣ, Киев. Стар., 1887, XI, 491—505; Зиберъ, Еще о братствахъ, Слово, 1881, I и Очерки первоб. эконом. культ., 277—296, 311 слѣд.; Брянцевъ, *op. cit.*, 40, 41; Бирпичниковъ, Греч. романы, 31, 72. Пыпинъ, Очеркъ, 30, 88, 226, 312. 328—332; Желѣзновъ, Пред. уральскихъ коз., Рус. Вѣст. 1859, апр. 575—9. — Стр. 127 (13), стр. 3 снизу: Кулишеръ, *op. cit.*, 12—13; Тэйлоръ, Первобытное общество, Знаніе, 1873, окт., 131. — *Ib.* стр. 11 сверху: Herod. V, 4; О. Миллеръ, И. Муромецъ, 134 и т. д. — Стр. 128 (14), стр. 11 снизу: Тэйлоръ, Первобыт. культура, II, 179 и далѣе. Стр. 129 (15), прим. 1: Girardde Riello, l. c.; Vogt, Anthropologie et sacrifices humaines (Compte rendu du Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistorique de Bologne.) 1871, 295—328; Letourneau, Sociologie, 190—204; Schaffhausen, Archiv für Anthropologie, IV, 245—285. — Стр. 130 (16), прим. 1: «то, что нѣкоторые считаютъ культомъ предковъ при матернитетѣ, — не болѣе, какъ простой анимизмъ, который смѣшивать съ культомъ предковъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ». Стр. 131 (17), прим. 3: Grabowski, Zadruga, «Висла», 1889, стр. 33—4; «Труды Этно. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э., кн. IX, стр. 4 (статья Богаевского). — *Ib.* прим. 4: Moszyńska, Bajki i zagadki ludu ukraińskiego, Kraków, 1885, 44, Nowosielski, Lud, II, 238, 255—7; Siarkowski, Mat., Zbiór, IX, 1885, Dz. Etn., стр. 70, № 4; Lipiński, Zbiór, VIII, 1884, Dz. Etn., стр. 91—92, №№ 125—134; Sbornik slovenských národních písní и т. д., во Viedni, 1870, I, стр. 122; Чубинскій, Труды, II, 558; Liebrecht, Zur Volkskunde, 120—121; Dunlop-Liebrecht, 493 (354 b), 283. — Стр. 133 (19), прим. 1 срв. Herod., I, 135. — *Ib.* стр. 7 снизу: срв. Gloger, Skarbczyk. Warsz., 1880, стр. 58, № 302. — Стр. 134 (20) стр. 12: «переводъ изъ «Политики» Аристотеля». — *Ib.* прим. 3: А. Е. Веселовскій, Вилла Альберти, 81, 303; Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни, I, 322; «Собраніе 4291 древн. рос. посл.» Москва, 1787, стр. 18; Sbornik, l. c., стр. 121; Остроумовъ, Пословицы, Труды сыр-дарьин. област. стат. ком., Ташкентъ, 1888, стр. 1, № 2 и 6; Чолаковъ, Болгарскій народенъ сборникъ, Болградъ, 1872, стр. 157, № 823; В. Ө. Миллеръ, Осет. этюды, III, 189, № 8, 191, № 4; Nowosielski, Lud, II, 258; Kolberg, Pokucie, III, 194, № 552; Wojsicki, Starożytne przrowieści, Wars. 1836, стр. 18, № 99, стр. 188, прим. 4; Драгомановъ, Преданія, 100, 101, 105; Сумцовъ, Апокрифы, Киев. Стар. 1887, VI—VII, 266; Пыпинъ, Памятники, III, 63, 66; Gloger, *op. cit.*, стр. 64, № 217; Дашкевичъ, къ

вопросу о проиsx. рус. был., Киев Унив. Изв., 1883, май, 239; Печерскій, Въ лѣсахъ (1875), I, 147; Буслаяевъ, Мои доуги, II, 46, 52; Поповъ, Вліяніе цѣрк. ученія и т. д., Казань, 1883, 221, 229; Богородскій, Соломонъ виѣ-библейскій, Казань, 1884, 13—14; Пыпинъ, Очеркъ. 120, 121, 272, 275; А. Н. Веселовскій, Солом. и Китоврасъ, 87, 99.

Во II-й главѣ («Эт. Обзор.», II и отд. отд., Москва, 1889 II). Стр. 138 (4), прим. 1: «argmata-арамата-араматаi-primitiae, начатки жертвоприношенія, отрѣзанныя части жертвеннаго животнаго, которыя сожигались въ честь боговъ (словарь Бензелера). Римское топографическое названіе Argei могло, конечно, находиться въ связи съ Argeioi—Argivi, какъ и съ argei—effigies (Аргей было и собственнымъ именемъ: Aelianus, ed. Hercheri, vol. II, стр. 258, fragm. 199—ho Argeu hyios). Любопытное сближеніе дѣлаетъ Liebrecht (Zur Volkskunde, 288): «dass in dem alten Rom der nämliche Gebrauch (das Vergraben der Menschen) bestanden hat, scheint mir aus der für gewisse gottesdienstliche Gebäude gebräuchlichen Bezeichnung Argei i. e. Argivi (?) hervorzugehen, bei deren Erbanung in ältester Zeit jene Art Menschenopfer in Anwendung gekommen sein möchte; denn auch die dem Tiberinus dargebrachten Menschenopfer (die, als einem Flussgotte geweiht, später ganz passend aus einer Wasserpflanze gefertigt waren), heissen bekanntlich Argei; vgl. Preuner, Vestia Vestia, p. 308 f. Auch Festus sagt ganz deutlich: «Argea (Argei) loca Romae appellantur quod in his sepulti essent quidam Argivorum illustres viri». Hier ist uur das «illustres» späterer Zuwachs (? Festus имѣлъ въ виду спутниковъ Геркулеса); denn die noch zur Zeit des Verrius Flaccus vorhandene Erinnerung an das Begraben griechischer Männer bei Gelegenheit der Errichtung jener Heiligthümer suchte sich das durch Abschaffung des Gebrauchs unerklärlich Gewordene auf eine andere Weise zu deuten und machte die Argei zu Grabdenkmälern vornehmer Griechen. Letztere aber, Männer sowol wie Frauen, wurden, wie es scheint, in dem alten Rom vorzugsweise zu Menschenopfern gebraucht und zwar nach Vorschrift der sibyllinischen Bücher; so z. B. bei Gelegenheit der Sühnung des Incestszweier Vestalinen (s. Preuner a. a. O. 293)». Это также возможно, какъ и происхождение Argea loca отъ argei effigies (Argei-мѣста, гдѣ приготовлялись или хранились argei).—Стр. 140 (6), прим. 1. О культурномъ значеніи мостовъ въ древности см Liebrecht, Zur Volkskunde, 435—5.—Стр. 144 (10): Печерскій, Въ лѣсахъ (1875), II, 201, 203; Максимовичъ, Соч. II, 480, 500, 502; Шепицгъ, Дохр. возр. и т. д., Москва, 1889, 21—22; Изв. О. Л. Е., А. Э., т. XXVIII. 26; Веселовскій, Изъ ист. ром. и пов., I, 371—2; Разыск., вып. V, СПб, 1889, стр. 269; Аванасьевъ, Поэт. возр. I, 578; Пыпинъ, Очеркъ, 49, 90; Чубинскій, Труды, I, 220; срв. Menagius l. c. стр. 255.—Стр. 151 (17), прим. 2: из-

вѣстіе Плутарха о принесеніи въ жертву плѣнныхъ грековъ подтверждается Плишемъ и Тцетцомъ, см. Liebrecht, op. cit., 288—9. Стр. 153 (19); прим. 2: срв. Aelianus, ed. Hercheri, Vol. II, стр. 62, 130.—Стр. 157 (23) прим. 2: Буслаевъ. Мои досуги, II, 26—27, 55, 56); Очерки, I, 304—6, Изв. И. О. Л. Е. А. и 9. т. XXVIII, стр. 22. Liebrecht, op. cit., 79, 194, 216, 284—296, 506—7; Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie etc. par. M. GJanus, Amsterdam, 1718, II, 33, слѣд.; Кіев. Стар. 1884, авг. 718; Миллеръ, Сборн. мат., II, 18; Кирпичниковъ, Греч. ром., 7, 23, 56, 116, прил. 27, 33, 35, 39, 49, 51, 62, 105; Trusiewicz, Kwiaty a i owoce; 12, 108, 110; Брянцевъ, op. cit., 29, 30; Grimm, Deutsche Märcchen, 1095 слѣд.; Kuhn, Westf. Sag. I, 115; Liebrecht, Gervasius, 170; Waitz, Anthropol. der Naturvos. II, 197; IV, 360; Aelianus, ed. Hercheri, vol. II, стр. 32—3 (var. hist. II, 33); 130 (XII, 27); 205—6 fragm. 47; Смирновъ, Слѣды челов. жертвоприн. въ поэзіи и религ. обряд. примол. финновъ, Казань, 1889.—Стр. 160 (26), прим. 2: Пам. древней письм., 1878—9, стр. 37 (ст. Морозова); Höfler, Concilia Pragensia, II, № 5; Mannhardt, Zeitschr. für deutsch. Myth., IV, 387; Jireček, Echtheit der Königl. Handschr., 37 слѣд.; Wojcicki, Hist. lit. pols., I, 456; Печерскій, op. cit. II, 201—2; IV, 9—12, 126—134; Максимовичъ, Соч. II, 521—3; Терещенко, Быть. V, 101; А. Н. Веселовскій, Отчетъ о 22 присуд. нагр. гр. Уварова, 187—188; Mannhardt, Banme cultus, I, 170, 352, 429—430, 464, 513; Чубинскій, Труды, III, 193—5; Изв. И. О. Л. Е. А. и 9., т. XXVIII, стр. 22, 87; Kolberg, Rokucie, I, 158—159; Петрушевничъ, Дневникъ 60; Żegota Pauli, Pieśni (гал.), II, 22; Halka, Zwyczaj obiadu iz nad Zbrucza, Ewów. 1861, 128; срв. Liebrecht, Zur Volks. 91—92, 506; Gerv. 182 слѣд., 262 слѣд.; Чугуевецъ, О рус. нар. культ., Харьковъ, 1889. стр. 51; срв. Вейнбергъ, Рус. нар. пѣсни объ И. В. Грозномъ, Варш. 1872, 42.—Стр. 165 (31). стр. 12 снизу: срв. Liebrecht, Zur Volks., 287, 404. 405; Aelianus, I. c., стр. 93.—Стр. 166 (32), прим. 2: «usés de hygienés tés nésu kai eugéron tón anthrópon, malista de tón gynaikón, n perimenusi garaioi teleutèn, alla prin ashenésai é pyrothênai ti, hoi men mēkōni, hoi de kōneió heautus exagusin».—Ib. прим. 3: Aelianus, I. c., III, 37, стр. 56: «nomos esti Keiōn, hoi pany par'autois gegērakotes, hōsper epi xenia parakaluntes heautus é epi tina heortastikēn thysian, synelthontes kai stefanōsamēnoi pinusi kōneion, hotan heautois syneidōsin hoti pros ta erga ta tēi patriidi lysitelunta achrēstōi eisin, hypolērusēs éde ti autois kai tés gnōmēs dia ton chronon».—Ib. стр. 17—21: вм. «жители его не ждутъ... стариковъ... ихъ умерщвляютъ цикутой или макомъ» слѣд: «что старики не ждутъ (естественно) конца своей жизни...

умерщвляютъ себя»... — Стр. 167 (33), прим. 4: Julis, polis en tót Kóî tēî pāsōî, apo Julidos krēnēs... par' hois nomos etethē, hōs Menandros: «Kalon to keiōn nomimon esti Fania, ho mē dynamenos zēn kalō-u zē kakōs». Prosetatte gar tus hyper hexēkōnta etē kōniasthai, in diarkēin tois allois ten trofēn...

Къ третьей главѣ. — О Гиперборейхъ см. Вѣст. Евр. 1815, № 2, стр. 103; Aelianus ed. Hercheri. vol. II, стр. 48 и т. д.

В. К.

БИБЛІОГРАФІЯ.

І. Книги и ученныя изданія.

М. Веске. Исслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. І. Казань, 1889, стр. І+50

М. Веске, извѣстный въ лингвистической литературѣ изслѣдованіями въ области финскихъ языковъ, въ настоящее время состоитъ лекторомъ этихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ. Присоединившись въ прошломъ году къ ученой экспедиціи, снаряженной историко-филологическимъ факультетомъ Казанскаго университета для этнографическаго изслѣдованія Черемисъ, онъ имѣлъ случай лично наблюдать многочисленныя говоры черемисскаго языка и дѣлаетъ въ названномъ сочиненіи попытку къ систематической ихъ классификаціи. Однимъ изъ результатовъ экскурсій г. Веске является то, что общее принятое различіе двухъ нарѣчій черемисскаго языка—горнаго и луговаго оказывается невѣрнымъ: т. наз. горное нарѣчіе распространяется далеко на западъ черемисскаго края на луговой сторонѣ Волги. Волга не служитъ, какъ вообще думаютъ, границей между черемисскими нарѣчіями, и вмѣсто прежняго дѣленія авторъ устанавливаетъ другое. Онъ различаетъ два крупныя нарѣчія: *западное*, распространенное главнымъ образомъ въ Яранскомъ и Козьмодемьянскомъ уѣздахъ, и *восточное*—въ уѣздахъ, Чебоксарскомъ, Царевковшайскомъ, Уржумскомъ и друг. восточныхъ управъ черемисской территоріи. Западное нарѣчіе распадается на два говора: южный или Козьмодемьянскій и сѣверный или Яранскій. Что касается восточнаго нарѣчія, то черемисы, говорящіе на немъ, имѣютъ почти въ каждомъ уѣздѣ свой особый говоръ, въ нѣкоторыхъ даже два, три, четыре говора. Точное число говоровъ этого нарѣчія г. Веске еще не удалось опредѣлить, но онъ разсчитываетъ уяснить этотъ вопросъ въ дальнѣйшихъ экскурсіяхъ. Устанавливая правильную отчетливую транскрипцію звуковъ черемисскаго языка, г. Веске открылъ въ его вокализмѣ одинъ гласный, доселѣ неизвѣстный, и болѣе точно опредѣлялъ другіе, уже отмѣченные прежними изслѣдо-

вателями. Переходя затѣмъ къ уясненію звуковыхъ отличій между обоими главными нарѣчіями черемисскаго языка, авторъ представляетъ рядъ своихъ наблюденій, которыя подтверждаютъ выставленное имъ новое дѣленіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ изученіе живого языка дало ему возможность указать на рядъ неточностей, допущенныхъ въ выраженіи черемисскихъ звуковъ всѣми печатными трудами по черемисскому языку. Такими неточностями страдаетъ и черемисское Евангеліе на горномъ нарѣчій (изд. въ 1821 г.), непонятномъ для черемисовъ, и грамматика акад. Видемана (1847 г.), и изданная въ 1837 г. въ Казани черемисская грамматика. Можно надѣяться, что въ дальнѣйшихъ экскурсіяхъ почтенному автору удастся разъяснить многіе темные вопросы черемисской диалектологіи. *Вс. М—ръ.*

Г. Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. 1874—1889 г. СПб. 1889 г., V, стр. 666 in 8°.

Авторъ этого сочиненія провелъ слишкомъ двадцать лѣтъ въ Туркестанѣ. Находясь на службѣ при администраціи, онъ много сталкивался въ теченіе этихъ лѣтъ съ инородцами нашей дальней восточной окраины, близко знакомился съ мѣстными условіями быта. Но его опытность и близкое знакомство съ краемъ, лежащимъ далеко отъ коренной Руси, не проходили даромъ и для насъ: г. Арандаренко неоднократно дѣлился съ нами своими впечатлѣніями, выпуская въ свѣтъ то ту, то другую статью. Въ настоящее время онъ издалъ сборникъ своихъ статей и назвалъ ихъ «Досугами въ Туркестанѣ». Нельзя не пожелать, чтобы всякій, особенно тотъ, кто живетъ въ мѣстахъ мало знакомыхъ или совсѣмъ неизслѣдованныхъ, проводилъ свои досуги столь плодотворно, какъ авторъ этого сочиненія. Прочитывая статьи, преисполненные живого интереса, преисполненные правды и чуждыя пристрастія, мы невольно воздаемъ должную честь автору ихъ. Статьи преимущественно посвящены сельскохозяйственному, экономическому и административному положенію страны: но не это побуждаетъ насъ говорить о «Досугахъ въ Туркестанѣ» здѣсь, гдѣ мѣсто удѣляется только этнографіи хотя и въ ея широкомъ смыслѣ. Причины совершенно иныя заставляютъ насъ дѣлать это: авторъ, затрагивая жизнь инородцевъ, совершенно невольно вдается въ область этнографіи, и сказать здѣсь объ этнографической сторонѣ «Досуговъ» тѣмъ болѣе у мѣста и кстаи, что г. Арандаренко, по его заявленію (стр. 427), предполагаетъ издать описаніе современнаго состоянія Бухарскаго ханства, гдѣ не послѣднее мѣсто должна занимать и этнографія этого ханства.

Не задаваясь цѣлями этнографическими, авторъ даетъ только краткія и отрывочныя, но тѣмъ не мене далеко не лишеныя цѣны

свѣдѣнія о бытѣ инородцевъ. Въ своей первой главѣ: «Между туземцами степного уѣзда» авторъ сопоставляетъ бытъ степного простоватаго киргиза и его характера съ характеромъ и бытомъ смышленнаго, скажемъ больше, дукаваго сарта и останавливается преимущественно на послѣднемъ: вѣдь есть интересныя указанія на судъ, присагу, гостепрѣимство и характеръ двухъ упомянутыхъ народностей; впрочемъ суду посвящена особая глава (VII—народный судъ у туземцевъ). Хотя здѣсь говорится очень мало объ обычномъ правѣ туземцевъ, которое могло бы насъ особенно интересовать, а преимущественно о шаріатѣ, но все-таки эта глава не лишена своего этнографическаго интереса. Очень любопытна могла бы быть глава X—«о метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ», такъ какъ тутъ авторъ затрагиваетъ вопросы о мірозданіи, о солнцѣ, облакахъ и т. д., по народнымъ представленіямъ; но повидимому всѣ эти народныя воззрѣнія слишкомъ мало интересовали нашего автора, и онъ кратко останавливается на нихъ, не придавая имъ, какъ кажется, никакого научнаго значенія. Очень интересна глава XVII (Дарвазъ и Каратегинъ), такъ какъ они даютъ любопытныя свѣдѣнія (хоть и краткія) объ этнографіи мало извѣстной мѣстности. Кромѣ того, можно встрѣтить нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія разбросанныя въ другихъ главахъ напр. XIII (о кредитѣ у туземцевъ). Конечно, несправедливо было бы упрекать автора въ томъ, что онъ удѣлялъ слишкомъ мало мѣста этнографіи и интересовался ею слишкомъ мало; но мы можемъ сдѣлать ему упрекъ въ томъ, что онъ часто, указывая на ту или другую особенность народнаго быта, не называетъ точнѣе народность, которую онъ имѣетъ въ виду, а говоритъ просто «у туземцевъ»; во всякомъ случаѣ желательно, чтобы авторъ въ предполагаемомъ сочиненіи о Бухарскомъ ханствѣ избѣгалъ этого, такъ какъ въ противномъ случаѣ свѣдѣнія теряютъ свою научную цѣнность.

А. X.

Гр. Верещагинъ. Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятск. губ. (Записки Императорскаго Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. XIV. в. 3) стр. I—VII 1—197.

Г. Верещагинъ, авторъ вышедшаго 2 года тому назадъ обширнаго изслѣдованія быта Вотяковъ Сосновскаго края, выступаетъ съ продолженіемъ своего цѣннаго труда, гдѣ онъ съ прежнею тщательностію и полнотою сообщаетъ свѣдѣнія, добытыя имъ втеченіе своего долгаго пребыванія среди вотяковъ. Авторъ названнаго изслѣдованія хорошо знакомъ съ языкомъ и бытомъ описываемаго имъ народа, такъ какъ, состоя учителемъ одной изъ мѣстныхъ сельскихъ школъ, онъ находится въ постоянномъ соприкосновеніи съ вотяками, и такимъ образомъ имѣетъ много случаевъ къ близкому ознакомле-

нію съ самыми разнообразными сторонами ихъ жизни, нравовъ и обычаевъ. Это разнообразіе и разнохарактерность свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Верещагинымъ, выдѣляетъ его работы изъ ряда большинства остальныхъ трудовъ по этнографіи вотяковъ, давая имъ въ то же время несомнѣнное право на занятіе одного изъ первыхъ мѣстъ среди матеріаловъ, собранныхъ изслѣдователями названнаго племени. Но если свѣдѣнія автора, добытыя имъ непосредственнымъ наблюдениемъ, и отличаются большимъ интересомъ, важностью и новизною, то нельзя того же сказать относительно его, правда, немногочисленныхъ, историческихъ свѣдѣній, а также относительно нѣкоторыхъ совершенно излишнихъ разсужденій, въ родѣ доказательства того, что видѣніе лѣшаго «есть обманъ зрѣнія, обусловливаемый особой силой, подобной въ нѣкоторомъ отношеніи месмеризму» (стр. 96). Г. Верещагинъ даетъ намъ въ обстоятельномъ описаніи яркую картину жизни вотяковъ. Онъ начинаетъ свой трудъ, приводя преданіе объ образованіи вотяцкаго населенія въ той мѣстности, гдѣ ему преимущественно пришлось дѣлать свои наблюдения (Завьяловская волость). Преданіе это представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что мы видимъ тутъ черты, общія всѣмъ разсказамъ о вотяцкихъ богатыряхъ (постоянная погибель ихъ вслѣдствіе подъема свай у мостовъ встрѣчающихся имъ на пути, вѣрность богатырямъ коней определенной масти, за исключеніемъ пѣрой, непогодливость ихъ женъ и наконецъ тожество предсмертныхъ проявлій). Затѣмъ авторъ подробно останавливается на характеристикѣ вотяка и, рисуя его внутренній и внѣшній бытъ, подробно останавливается на изученіи условий, регулирующихъ жизнь описываемаго имъ народа. Обращаясь къ разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній и вліяній русскихъ и вотяковъ, г. Верещагинъ отмѣчаетъ характерный фактъ значенія женщины. «Есть случаи женитьбы, говоритъ онъ, на русскихъ и наоборотъ—русскихъ на вотячкахъ. Женящіеся на русскихъ обыкновенно не исполняютъ обряда жертвоприношеній, предписываемыхъ культомъ предковъ вотякамъ. Здѣсь быстро стирается и типъ востскій, и въ русскихъ уже подмѣчаются черты другой расы, составившейся, какъ будто изъ двухъ племенъ: великорусскаго и финскаго».

Значительная часть книги «Вотяки Сарапульскаго уѣзда. Вят. губ.» посвящена описанію религиозныхъ вѣрованій, различныхъ обрядовъ, а также собранію нѣкоторыхъ видовъ народнаго духовнаго творчества. Тутъ мы встрѣчаемся и съ преданіями вотяковъ, слышанными ими отъ «стариковъ», о томъ, какъ появился въ божій міръ тотъ или иной изъ окружающихъ ихъ предметовъ, какая чародейственная сила заключается въ нихъ, гдѣ было начало вотяцкой вѣры... Много интересныхъ наблюденій и разспросовъ автора рисуютъ

намъ различіе одного вотяцкаго племени отъ другого и говорить о духовныхъ внутреннихъ свлахъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ изъ этихъ племенъ. Таинственный міръ чародѣевъ, шамановъ (туно), управляющихъ каждый шагъ въ жизни вотяка, чародѣевъ, которые спасаютъ его отъ преслѣдованія и злобы педерольныхъ духовъ и которые хранятъ стародавнюю религію вотяковъ, найдетъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ изслѣдованіяхъ г. Верещагина. При описаніи религіозныхъ воззрѣній авторъ пользуется разспросами и путника, преслѣдуемаго дикимъ хохотомъ лѣшаго, и мельника, величаго дружбу съ водянымъ; онъ наблюдаетъ также за разсказами вотяка о духахъ, окружающихъ его въ родной избѣ, съ порога которой видно, какъ изъ семейнаго святилища, мѣста почитанія предковъ, выходятъ «воршуды», хранители семейнаго счастья: выходятъ они въ видѣ юноши, зрѣлаго мужа и женщины, въ бѣлыхъ одеждахъ, при чемъ «лютая болѣзнь» постигаетъ того, кто нарушитъ благочіе ихъ шествія. Прекрасное знаніе вотяцкаго языка даетъ автору возможность сохранить массу цѣнныхъ выраженій и данныхъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ этнографіи вотяковъ.

Но, не смотря на обиліе и полноту сообщенныхъ г. Верещагиннымъ свѣдѣній, еще много работы предстоитъ изслѣдователямъ быта вотяковъ, прежде чѣмъ окончательно будутъ выяснены вопросы быта и религіи этого племени. Подробное и тщательное изученіе положенія и значенія вотяцкихъ туно, изслѣдованія о высшихъ божествахъ вотяцкаго олимпса, объ отношеніи почитанія керемета къ культу предковъ, выясненіе чисто національныхъ чертъ вотяцкой демонологіи, сложившейся въ значительной степени подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ, наконецъ обширная область юридическаго быта вотяковъ, — вотъ вопросы, требующіе накопленія большихъ матеріаловъ.

Надо надѣяться, что г. Верещагинъ не остановится въ своихъ столь плодотворныхъ работахъ и, продолжая свои наблюденія надъ племенемъ, столь близко знакомымъ ему, пойдетъ на встрѣчу работѣ вышеуказанныхъ вопросовъ.

П. Б.

Извѣстія Общества Археологовъ, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. VII, изд. подъ ред. секр. общества П. В. Траутенберга.

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ нѣсколько небольшихъ статей по мѣстной археологіи и одно болѣе обширное изслѣдованіе по этнографіи черемисъ. Не касаясь археологическихъ статей, мы остановимся только на ист. рико этнографическомъ очеркѣ И. Н. Смирнова: «Ч е р м и с ы», которому посвящена большая часть книги.

Исслѣдованіе г. Смирнова основано какъ на непосредственныхъ наблюденіяхъ автора, такъ равно и на изученіи печатныхъ матеріаловъ. Авторъ въ началѣ своего труда разсматриваетъ исторію черемисской народности, вліяніе на нее сосѣдей; затѣмъ, изучивъ природу страны, занимаемой названнымъ племенемъ, его физическія свойства, внутренней и внѣшней бытъ, авторъ разсматриваетъ постепенное созданіе современной семьи черемисъ, а также ихъ общественную организацію и, наконецъ, даетъ прекрасную картину ихъ духовной и религіозной жизни. Последняя глава (VII) труда г. Смирнова посвящена обзору литературы о черемисахъ, въ которомъ авторъ даетъ краткія рецензіи извѣстныхъ ему печатныхъ трудовъ относительно описываемой имъ народности. Несомнѣнно, что трудъ И. Н. Смирнова, являясь цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу, въ значительной степени подвигаетъ впередъ изученіе быта черемисъ, такъ какъ подведеніемъ итоговъ всему сдѣланному до сихъ поръ по этому вопросу весьма облегчаются дальнѣйшія работы. Мы не сомнѣваемся, что послѣдующія изслѣдованія вполнѣ подтвердятъ мысль автора о связи почитанія керемета съ почитаніемъ умершихъ, основываемую имъ на человеческомъ происхожденіи кереметей въ преданіяхъ, на разсмотрѣніи представлений черемисами названнаго божества, а также на разсмотрѣніи видовъ жертвъ, приносимыхъ керемету. Некоторые изъ собранныхъ нами данныхъ среди вотяковъ, имѣющихъ бытъ напечатанными въ слѣдующей книжкѣ «Этнограф. Обзоренія», не только подтверждаютъ мысль г. Смирнова, но и даютъ возможность сопоставить происхожденіе почитанія керемета съ почитаніемъ не просто всякаго умершаго, но предковъ.

И. Б.

Лопари и ихъ преданія. Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общества, т. XXV. вып. IV. Сообщеніе *Д. Н. Осиповскаго*:

Авторъ въ своемъ сообщеніи, указавъ въ общихъ чертахъ на бытъ русскихъ лопарей, останавливается главнымъ образомъ на ихъ преданіяхъ. Этыхъ преданій ходитъ много среди лопарей, причемъ большая часть ихъ посвящена разсказамъ о нашествіяхъ чуди, подъ которыми вѣроятно слѣдуетъ видѣть сосѣдей лопарей, не разъ тревожившихъ ихъ своими разорительными набѣгами. Воспоминанія объ этой борьбѣ, сложившіяся въ форму небольшихъ разсказовъ, составляютъ собой цѣлый циклъ преданій, въ которыхъ историческая основа затмѣняется, подчасъ, до неузнаваемости сказочными прикрасами. Подобныхъ преданій о чуди у автора приведено восемь. Далѣе авторъ приводитъ и свѣдѣнія о Сталло — сказочныхъ богатыряхъ, съ которыми лопарямъ нерѣдко приходится вступать въ единоборство. Сталло вмѣстѣ съ тѣмъ и колдунъ. Если вѣрить гипотезѣ г. Фриса,

спеціально изучавшаго преданія лопарей, подъ Сталло слѣдуетъ видѣть искаженнаго Stahlmann'a, «стального человѣка», т. е. человѣка, закованнаго въ латы: подъ нимъ лопари разумѣли своихъ Скандинавскихъ сосѣдей. Интересны также преданія, передающія намъ представленія лопарей о личности и жизни пр. Трифона, просвѣтителя лопарей, и нѣсколько рассказовъ, рисующихъ намъ суевѣрія современныхъ русскихъ лопарей (напр. объ оборотняхъ). Говоря о сказкахъ, авторъ отбѣняетъ, что многое въ нихъ является заимствованіемъ отъ сосѣдей и въ подтвержденіе своего положенія приводитъ рассказъ, напоминающій собой нашу былинку о Настасьѣ Микулишнѣ. Этотъ рассказъ является особенно интереснымъ тѣмъ, что женщина-богатырь считается основательницей лопарскаго рода «Силиныхъ», по норвежски «Staerk», живущаго въ Сѣв. и Юж. Варангерѣ. Н. Х.

Извѣстія Кавказскаго отдѣла И. Р. Географическаго Общества. т. IX, № 2. 1887 г.

1887 годъ изданія вводитъ въ заблужденіе читателя, между тѣмъ какъ въ этомъ томѣ помѣщены сообщенія, сдѣланныя въ текущемъ году. Такъ, 3 февраля 1889 г., д. ч. г. Жуковъ читалъ докладъ: «Разыскываніе англійскихъ альпинистовъ Донкина и Фокса, погибшихъ при восхожденіи на Конгтанъ-тау». Кромѣ отдѣльныхъ рефератовъ, нанечатанныхъ въ этой книгѣ, заслуживаетъ особаго вниманія приложение «Кавказскіе алфавиты» г. Загурскаго и приложение—«Статистическія таблицы вилайетовъ турецкой имперіи, ближайшихъ къ Закавказью».

Г. Загурскій въ своей статьѣ разсматриваетъ алфавиты месроновскій, грузинскій, арабскій, шегренговскую русскую азбуку, примѣненную къ осетинскому языку, кавказско-горскіе алфавиты, составленные бар. Усларомъ, извѣстнымъ кавказскимъ лингвистомъ, латино—горскія азбуки акад. Шифнера, азбуку осетинскаго языка проф. В. Ѳ. Миллера и азбуку мингрельскаго языка проф. А. А. Цагарели.

Статья представляетъ большой интересъ въ виду возникшаго вопроса, какой алфавитъ долженъ послужить основаніемъ для составленія азбукъ кавказскихъ горскихъ языковъ. А. Хак—овъ.

Булишеръ. Очерки сравнительной этнографіи и культуры. СПб. 1887. XV+287.

Нельзя сказать, чтобы г. Булишеръ отличался особенной скромностью: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, помнится, въ статьѣ о Кавелинѣ, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» онъ заявилъ, что знаменитый англійскій ученый Тэйлоръ „усвоилъ“ нѣкоторые его, г. Булишера, взгляды; это „усвоеніе“ онъ усмотрѣлъ въ простой ссылкѣ. Въ предисловіи къ настоящей книгѣ, предупреждая судъ критики и

читающей публики, авторъ распространяется о томъ, что въ этой книгѣ собраны статьи, „проникнутыя единствомъ плана и мысли“, что эти статьи „заранѣе предназначались въ видѣ кирпичей для цѣлаго зданія“. „Многое изъ того, говоритъ авторъ, что было уже сдѣлано мною въ области этнографіи и сравнительной исторіи культуры, дѣлалось предметомъ изслѣдованій другихъ лицъ, и они вновь доказывали то, что доказательствъ уже не требовало и на что можно было бы прямо сослаться“. Это и заставило его „приступить возможно скорѣе къ собранію и изданію своихъ статей“ и т. д. Такая высокая оцѣнка, дѣлаемая г. Кулишеромъ своимъ произведеніямъ, заставляетъ критику внимательнѣе отнестись къ его труду и подвести болѣе объективные итоги.

Сравнительная исторія культуры—наука еще очень молодая: подлежащій матеріалъ далеко еще не охваченъ, слишкомъ мало провѣренъ критически; очень мало выработано общихъ положеній, которыя можно было бы считать незыблемо установленными. Нужно очень критически относиться къ фактамъ, очень осторожно пользоваться до сихъ поръ еще мало выработаннымъ сравнительнымъ методомъ, чтобы не запутаться въ массѣ слабо обоснованныхъ и противорѣчивыхъ гипотезъ, которыхъ такъ много развилось въ послѣдніе года, и чтобы придти къ мало-мальски устойчивымъ и основательнымъ выводамъ. Эта наука переживаетъ теперь то, что давно уже пережило сравнительное языкознаніе и отъ чего мало по-малу освобождается сравнительная исторія литературы: я говорю объ увлеченіи сравненіемъ ради сравненія, которое не приводитъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, не сдерживается никакими опредѣленными нормами и законами и, схватывая на лету только внѣшніе и второстепенные признаки сходства, вращается въ кругу многочисленныхъ, но одностороннихъ и часто невѣрно понятыхъ и оцѣненныхъ фактовъ. Само собою разумѣется, что такое сравненіе не можетъ имѣть дѣйствительнаго научнаго значенія, и только загромаждаетъ и безъ того далеко не расчищенную почву.

Въ 12 главахъ своей книги г. Кулишеръ затрогиваетъ цѣлый рядъ самыхъ разнородныхъ и очень интересныхъ вопросовъ сравнительной этнологіи: онъ толкуетъ о „сравнительномъ методѣ и общности законовъ развитія“, „первобытной нравственности“, „трудомъ принципъ и борьбѣ съ природой“; довольно долго останавливается на вопросахъ объ „оставленіи на произволъ судьбы и убійствѣ стариковъ“, „дѣтубійствѣ“, „истязаніи и воспитаніи дѣтей“ и „обращеніи съ женщинами“; распространяется о „символикѣ въ жизни, исторіи и правѣ“, „торговлѣ и торговомъ классѣ“, „ростовщицахъ и ростовщичествѣ“.

Для того, чтобы познакомить читателей съ работой г. Кулишера,

мы остановимся для примѣра на IV главѣ: «Оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ». Авторъ выставляетъ подъяръ безъ всякой системы и критики факты изъ разныхъ книжекъ, бывшихъ у него подъ руками и, довольствуясь однимъ только перечнемъ и указаніями на то, что въ разные времена и у разныхъ народовъ стариковъ выбрасывали или убивали, совершенно не заботясь вопросомъ о томъ, къ какой стадіи семейной эволюціи можно приурочить этотъ обычай, въ какомъ отношеніи находится другъ къ другу оставленіе на произволъ судьбы и убійство стариковъ, каковы генезисъ этого обычая, причины его возникновенія и упадка, каковы его переживанія въ современномъ быту и т. д. При этомъ надо сказать, что авторъ пользуется почти исключительно источниками второй и третьей руки и относится къ нимъ съ очень наивнымъ и легкомысленнымъ довѣріемъ, зачастую повторяя за ними грубыя ошибки. На стр. 39, напр., онъ выписываетъ изъ Гримма латинскою цитату, въ которой окончаніе совершенно противорѣчитъ началу. Принявъ на вѣру выписку Гримма, изъ Феста, авторъ повторилъ ея грубую ошибку и не замѣтилъ безсмыслицы. Но мало того; г. Кулишеръ не только ужьветъ повторять чужія ошибки, но и усугубляетъ ихъ. Гриммъ, говоря объ убійствѣ стариковъ, на ряду съ другими матеріалами, цитируетъ и средневѣковую нѣмецкую передѣлку известной странствующей легенды объ Аполлоніи Тирскомъ (D. R. 489), называя ее *das Gedicht «Arbionius von Tyroland»*. Г. Кулишеръ, на основаніи этого пишетъ: «въ стихотвореніи Аполлонія изъ Тирланды (*Arbionius von Tyroland*) мы читаемъ слѣдующее» (стр. 39). Нельзя не подивиться этому курьезному историко-литературному и географическому открытію г. Кулишера. Героя очень распространенной легенды онъ превращаетъ въ новооткрытаго поэта, а всякому извѣстному изъ библіи, исторіи, географіи Тиръ представляется ему невѣдомой, страной—*Tyroland* или *Tyrolant*. Г. Кулишеру слѣдовало бы быть осторожнѣе, хотя бы потому, что Тейлоръ или какой нибудь другой ученый можетъ «усвоить» такія его открытія и составить ему за границей не особенно желательную и завидную ученую репутацію.

Покончивъ съ группировкой матеріала, г. Кулишеръ дѣлаетъ выговоръ теперь покойному, но въ 1887 г. еще жившему Мэну: «если бы Генри Мэнь имѣлъ въ виду сгруппированныя здѣсь данныя, онъ едва ли пришелъ бы къ тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ онъ проходитъ (приходитъ?) въ своемъ «Древнемъ правѣ» и т. д. (стр. 43). Но, говоря это, авторъ упустилъ изъ виду слѣдующее обстоятельство: «Древнее право» принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ Мэна, написаннымъ тогда, когда то, что извѣстно теперь даже г. Кулишеру, было неизвѣстно самымъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ

ученымъ; отъ многихъ выводовъ, сдѣланныхъ въ «Древнемъ правѣ», Мэнъ отказывался въ своихъ позднѣйшихъ проповѣдніяхъ, дѣлалъ къ нимъ очень существенныя поправки, что можно видѣть хотя бы изъ болѣе поздняго сочиненія Мэна: «Древній законъ и обычай» (Москва, 1884, стр. 14—19), гдѣ говорится и объ убійствѣ стариковъ.

Такое пользованіе источниками и методовъ только и могло привести г. Кулишера къ слѣдующимъ скороспѣлымъ и непродуманнымъ выводамъ: «между самостоятельнымъ развитіемъ и усвоеніемъ чужаго, но существу дѣла, нѣтъ разницы» (стр. XIII; если это такъ, г. Кулишеръ былъ очень несправедливъ и неослѣдователенъ, обличая на стр. X г. Шокровскаго въ платіяхъ, и, наоборотъ, очень послѣдователенъ, толкуя во II-й главѣ о «первобытной нравственности», въ выраженіяхъ, очень папознающихъ и неуказанную имъ статью Тейлора: «Aus der Entwicklungsgeschichte der Gesellschaft» въ «Ausland», 1874 г.); «общая схема движенія (прогресса?) одна и та же для всѣхъ народовъ» (стр. XV); «слабыя явленія современной жизни могутъ быть сведены къ болѣе простымъ явленіямъ прошлаго» (стр. 1); «существуетъ общій законъ развитія для всѣхъ народовъ безъ различія, къ какой бы расѣ эти народы не принадлежали» (стр. 3); «что бытовые учрежденія и социальная жизнь народовъ измѣняются въ теченіе исторической жизни ихъ, и притомъ сходнымъ образомъ у разныхъ народовъ, это не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію» (стр. 6) и т. д. Тѣ «основныя положенія», которыя «внимательный читатель» долженъ найти въ книгѣ г. Кулишера (стр. XI) и которыя авторъ предупредительно формулируетъ, представляютъ собою или общія мѣста, или плодъ легкомысленнаго обращенія съ областію сравнительной этнографіи. Вездѣ, во всѣхъ главахъ, г. Кулишеръ механически нанизываетъ факты, набранные почти исключительно изъ вторыхъ рукъ, не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки разобратъ въ нихъ, отнестись къ нимъ критически, подобрать ихъ съ возможной полнотою, проходить незамѣченными очень интересныя и существенныя стороны вопроса, распыляется въ пустякахъ и мелочахъ и дѣлаетъ, на ряду съ этимъ, самыя широкіе общіе выводы, ничѣмъ не оправдываемые и основанные главнымъ образомъ на недоразумѣніяхъ и невѣжествѣ. Въ стилистическомъ отношеніи такія выраженія, какъ: «міровоззрѣніе объ исконнй предопредѣленной, изъ вѣка установленной національной исключительности» (стр. 2), «это объясненіе не хуже много другихъ, объясняющихъ» и т. д. (стр. 4), «что уродилось благодаря культурѣ» (стр. 7), «очень много добрыхъ знаковъ, до того добрыхъ, что» и т. д. — также не принадлежать къ достоинствамъ книги. Шатко «зданіе», выстроенное г. Кулишеромъ, непрочно и это «кирпичи», «проникнутое единствомъ плана и мысли»; грустные итоги должны мы подвести тому, что «сдѣлано» г. Кулишеромъ

«въ области этнографіи и сравнительной исторіи культуры», «что доказательствъ уже не требовало и на что можно было бы прямо сослаться»... В. К—ъ.

Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ. Пособіе при изученіи зырянскіи русскаго языка. Составилъ Г. С. Лыткинъ, преподаватель С.-Петербургской шестой гимназіи. СПб. 1889 г. VIII+232+60+31 in 4°.

Эта объемистая книга, предназначенная для зырянъ, учащихся русскому языку, снабжена предисловіемъ и распадается на двѣ части: историческую (по исторіи Зырянскаго края) и филологическую (грамматика и словарь). Въ предисловіи авторъ предается воспоминаніямъ своихъ дѣтскихъ размышленій по поводу незнанія зырянскіи русскаго языка и послѣдствій, отсюда происходящихъ. Затѣмъ приводится перечень переводовъ автора съ русскаго на зырянскій и описывается судьба ихъ до напечатанія. И, наконецъ, завершается предисловіе нѣкоторыми педагогическими указаніями. Въ этомъ-то отдѣлѣ, между прочимъ, рекомендуется чтеніе «произведеній народнаго творчества зырянъ» (IV); самыя же произведенія находятся во 2-й части книги.

Въ виду очень распространеннаго въ литературѣ мнѣнія, что зыряне не имѣютъ произведеній собственнаго творчества, что почти всѣ ходящія въ народѣ сказки, пѣсни и т. д. русскаго или иного, но не зырянскаго происхожденія, приведенные г. Лыткинымъ образчики зырянскаго творчества являются несомнѣнно интересными данными въ пользу существованія національной зырянской поэзіи. Жаль только, что авторъ изъ 12 сказокъ привелъ всего 5 еще не бывшихъ въ печати (остальныя перепечатаны изъ сочиненій гг. Саввантова, Рогова и др.). Жаль также и то, что въ отдѣлѣ поговорокъ попадаютъ несомнѣнно русскія, вошедшія позднѣе въ зырянскій языкъ (какъ „мягко стелеть, жестко спится“, „если тихо идешь, дальше уйдешь“ и др.), что естественно подрываетъ довѣріе ко всему отдѣлу и заставляетъ желать большей тщательности въ провѣркѣ. Наконецъ, мы находимъ еще „плачь при выходѣ дѣвицы замужъ“, но также частью перепечатанный у г. Саввантова. Несомнѣнно также, что этотъ плачь болѣе поздняго происхожденія и съ значительнымъ отпечаткомъ русскаго вліянія.

Во 2-й же части помѣщены, кромѣ зырянской грамматики, и словари: 1) зырянско-русскій съ приложеніемъ мордовскихъ словъ (до 370) и 2) вотско-русскій. Въ прибавленіи къ этой части данъ русско-вотско-зырянскій словарь. Всѣ эти словари, представляя интересъ, какъ составленные зыряниномъ по происхожденію, отчасти

списаны у г. Савваитова (въ чемъ сознается и авторъ) и кромѣ того страдаютъ нѣкоторой неточностью и неполнотой, происходящими отъ желанія искусственно вырвать зырянскій языкъ изъ подъ русскаго вліянія. Такъ, слово „верста“ переведено словомъ „чѣмкѣст“; чѣмкѣстъ же означаетъ непостоянное разстояніе около 5 верстъ, а иногда значительно больше или меньше. Версту же зыряне обозначаютъ словомъ „верст“. Слово „женихъ“ переведено „верѣспу“, „вајѣмні“, между тѣмъ зыряне употребляютъ взятое изъ русскаго „жѣнік“, а „верѣс“ (мужъ), соединенное съ „пу“ (дерево), не встрѣчается въ другихъ словаряхъ, да и въ пародѣ, насколько извѣстно, не въ ходу.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ 1-й части, обращаетъ на себя вниманіе „Пятисотлѣтіе Зырянскаго края“ главнымъ образомъ разсужденіемъ о значеніи и происхожденіи слова „Зыряне“. Этотъ спорный вопросъ, вызвавшій догадки акад. Шёгрена, г. Савваитова, г. Кл. Попова и др., получаетъ нѣкоторое освѣщеніе приведенными г. Лыткинымъ цитатами изъ Исторіи Гос. Рос. Карамзина и Исторіи Россіи Соловьёва и сближеніемъ слова зыряне съ „сырьяне“, „серьяне“, „серень“ и „осерепить“, съ зырянскими „сылны“ и „сыкалны“ (таять, растаять); „отсюда, говоритъ г. Лыткинъ, Сытыль ва (тадая рѣка), зырянское названіе р. Сысолы. И такъ, заключаетъ авторъ, серьяне есть сысолыцы, сысоляне или просто сысола. Епископъ Стефанъ, хорошо знавшій зырянскій и русскій языки, слово сытыль тас буквально перевелъ русскимъ словомъ серьяне, сырьяне, сириане. Когда епископская кафедра изъ Іемдына или Устьыма была перенесена въ Вологду, при Іоаниѣ IV, въ 1570-хъ годахъ, слово серьяне, т. е. сысоляне, измѣненное въ зыряне (по созвучію съ словомъ зырны, тереть, тѣснить), замѣняетъ прежнее слово пермяне“ (стр. 19 и 20). Этому совершенно новому предположенію нельзя отказать въ оригинальности и остроуміи. Приводятъ въ смущеніе лишь два обстоятельства: во 1-хъ переходъ серьяне въ зыряне „по созвучію“ съ зырпы. Зырпы зырянами употребляется рѣдко и въ другомъ значеніи. Самъ г. Лыткинъ приводитъ его въ своемъ словарѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ еще зырксыны — зыксыны вздорить, кидаться и зыркнітны — шумѣть. У г. Савваитова есть близкое къ нимъ зырніјосіны — вздорить, вздорничать (см. его зыр.-рус. словарь, стр. 66). Кромѣ этихъ словъ у зырянь есть еще близкое по значенію къ нимъ слово зыртысны — спихнуть, столкнуть. Во всякомъ случаѣ, если искать созвучія, то съ однимъ изъ этихъ словъ, а не съ зырпы, имѣющимъ совершенно другое значеніе. Во 2-хъ, если предположить, что серьяне введено Стефаномъ, то невольно возникаетъ вопросъ: отчего не удержалъ онъ извѣстнаго ему зырянскаго названія *коми*? Предположеніе является совершенно

произвольнымъ и похожимъ на то „внутреннее убѣжденіе“, къ которому въ сомнительныхъ вопросахъ прибѣгаетъ г. Лыткинъ. Крайне зыбкая почва, представляемая этимъ „внутреннимъ убѣжденіемъ“, принимается иногда г. Лыткинымъ за твердое основаніе. Скрошно высказавъ свое „убѣжденіе“ гдѣ-нибудь въ примѣчаніи, этотъ авторъ черезъ 2—3 страницы такъ убѣждается, что говорить о немъ ужъ какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію. Для примѣра случая прим. 3 на стр. 5 и текстъ стр. 7. Къ примѣчанію говорится: „за и внутренне убѣжденіе въ томъ, что Стефанъ по мужской и женской линіи зырянинъ, какъ брата Карла и Мсодій — славяне. Въ характеръ Стефана много зырянскаго: добросердечіе, правдивость, трудолюбіе, твердость, пылкость и трезвость ума (слово это черта, прислаивающій лишь зырянамъ!); его переводы на зырянскій языкъ обнаруживаютъ, что онъ и думать по зырянски, а не по русски, какъ доказано новѣе переводовки — зыряне“ (умъ самаа бѣднотъ зырянскаго языка противорѣчить этому, да какое-либо рода доказательствъ принятъ называть логическимъ терминомъ с *ut graditio in loco* 4). На стр. 7 говорится: „образованный зырянинъ Стефанъ не отказался и отъ пріобщенія необразованнаго зырянина Пана“ и т. д. внутреннее убѣжденіе получило силу факта.

Примѣчаніе къ карте этнографическая карта составлена, какъ говорить и самъ авторъ, по картамъ гг. Стрѣльбицкаго и Риттиха. *B. K—ia.*

Шеншинъ. 1) Дохристианское воззрѣніе человека на смерть и загробную жизнь. Москва. 1889, 28 стр. 2) Наши языческие источники о языческихъ богахъ русской мифологіи. Воронежъ, 1889, 31 стр.

Нужно обладать большою смѣлостью, чтобы браться за рѣшеніе такихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, какъ вопросы о примитивныхъ воззрѣніяхъ на смерть и загробную жизнь, о русскихъ языческихъ богахъ, и рѣшать ихъ на несколькихъ страницахъ, какъ это дѣлаетъ г. Шеншинъ. Въ первой своей брошюрѣ г. Шеншинъ высказываетъ нѣкоторыя общія мысли, какъ напр., «въ теченіи послѣднихъ лѣтъ наука шагнула впередъ и кругозоръ ея расширился — не столько пріобрѣтеніемъ и открытіемъ новыхъ матеріаловъ, сколько болѣе строгою оцѣнкой существующихъ»; «многое, что казалось доказаннымъ и рѣшеннымъ лѣтъ 20 тому назадъ тогдашними авторитетами науки, представляется нынѣ основаннымъ на нескѣ предвзятыхъ теоріяхъ и чуждыхъ славянамъ представленій»; «единственный путь въ нашихъ глазахъ для достиженія такой цѣли (сопредѣленія дохристианскихъ понятій о безсмертіи души и т. д.) представляютъ намъ повѣрья и обычаи народа въ ихъ прямомъ, беззатѣйливомъ

(sic) смыслѣ, не отыскивая (sic) въ нихъ множескихъ иносказаній (порокъ, отъ котораго далеко не свободенъ г. Шеппингъ), нужныхъ для подтвержденія превзятой мысли издателя» и т. д.

Переходя зятѣмъ къ болѣе спеціальнымъ вопросамъ авторъ такъ же неясно излагаетъ свои мысли, погрѣшая на каждомъ шагѣ противъ здраваго смысла и противъ грамматики. «Духъ... иногда поселяется съ тѣломъ въ могилѣ, иногда же, хотя и временно, поселяется въ людскія жилища, въ горное ущелье или дуло стараго дерева» (стр. 10). «Почти положительно сказать можно, что по крайней мѣрѣ большая часть множескихъ коллективовъ, оживляющихъ по суевѣрнымъ представленіямъ челоѣчества нашу земную природу, не иное что, какъ именно духи кельтскаго живущихъ людей» (ib.). «Что онѣ (русалки) не исключительно водяныя существа, по съ теплыми весенними днями выходятъ изъ нѣдры земли, указываютъ любовь ихъ къ рощамъ, гдѣ, подобно лѣшнымъ, онѣ качаются на вѣткахъ и лазятъ по деревьямъ, что, какъ увидимъ дальше также признакъ ихъ загробнаго характера» (стр. 12)

Не мудрено найти у автора, такія несообразности, какъ «эвгемерическое обоготвореніе» умершихъ предковъ (стр. 10), прѣ полномъ непониманіи культа предковъ (стр. 11), и нѣмалый рядъ выводовъ и фразъ въ рѣдѣ слѣдующихъ: «по филологическимъ изслѣдованіямъ древнѣйшаго языка Арійцевъ Никте встрѣчаетъ два особыя понятія души: физиологическое, т. е. дыханіе жизни (*le souffle de la vie*) и духовное, двигающее мысленія и нравственныя ощущенія челоѣка, *Spiritus, Geist* — нашъ «русскій духъ» (стр. 9); «духъ въ своихъ проявленіяхъ представляетъ постоянно личность умершаго, тогда какъ душа, чтобы остаться здѣсь на землѣ, нуждается догмата переселенія душъ изъ одного живаго существа въ другое» (стр. 10); «наблюденіе за осеннимъ полетомъ птицъ въ южныя страны и возвращеніе ихъ весной натолкнуло челоѣка на мысль, что не только души умершихъ летаютъ въ страну свѣта и блаженства, по что и оттуда являются къ намъ все птицы и сѣмена; здѣсь, по самому сближенію птицъ съ сѣменами, едва ли не слѣдуетъ въ первыхъ видѣть души неворождающихся, «семену подивуемы», читаемъ въ Духовной Мономахѣ, какъ птицы небесныя изъ Прія вутуть, да наполнятся лѣса и поля (тр. 18); «по греческимъ мифамъ, у Гомера и Гезіода встрѣчаются одновременно два описанія жилища тѣней» (стр. 19) и т. д. Трудно представить себѣ болѣе яркій примѣръ самой невозможной путаницы въ понятіяхъ, безграмотности и научной несостоятельности.

Такого же свойства и вторая брошюра. «Пора бы отказаться пока и отъ общеславянскихъ языческихъ возрѣній, причиняющихъ у насъ верѣдью много путаницы» (стр. 1), говоритъ авторъ, не замѣчая,

что онъ именно въ свой огородъ и мѣтитъ. Далѣе начинаются сопоставленія: «въ нашей книгѣ, «Русская Народность», мы высказали свой взглядъ на Хорса, какъ на солнце въ его зловредномъ зимнемъ полугодіи, что и подтверждается его сближеніемъ съ чешскимъ Сатурпомъ Krt. В. С. (Θ?) Миллеръ видитъ въ орографической разницѣ Лаврентіевскаго Хорса и Дажьбога съ Хръсомъ и Дажьбогомъ «Слова о полку Игоревѣ» вліяніе на него (Хръса, Дажьбога или «Слова») юго-славянскихъ литературныхъ источниковъ. Замѣчательно, что Хорсъ названъ жидовиномъ въ Бесѣдѣ трехъ святителей Погодинскаго списка: „два ангела кроющіе суть—олимпійскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ». Въ нашихъ былинахъ богатырь-жидовинъ считается Безсоновымъ за Хозарина или волжскаго болгара (слѣдуетъ выдержка изъ былинъ). Такъ какъ оба эти племена въ VIII вѣкѣ приняли еврейство раньше, чѣмъ перешли въ магометанство, къ юго-славянскому происхожденію этого мнѣнія (мнѣнія г. Безсонова или В. Θ. Миллера?) склоняется и Ягичъ, въ виду приведенной имъ сербской сказки о Дабогѣ» (стр. 7—8) и т. д., все въ томъ же родѣ.

В. К—ъ.

Сборникъ пшавскихъ пѣсень, собран. *Давидомъ Хикашвили*. Тифлисъ, 1887.

«Сборникъ пшавскихъ пѣсень» представляетъ прекрасный матеріалъ для характеристики грузинскаго народа. По этимъ пѣснямъ можно составить понятіе о возрѣвнѣхъ пшавовъ на нравственность, право, религію, загробную жизнь, на обязанности по отношенію къ супругу, дѣтямъ, собрату, общинѣ и родинѣ,—однимъ словомъ все народное міросозерцаніе. Въ стихахъ пшавовъ изливается еще нетронутая житейской ржавчиной чистота благороднаго сердца: „да караетъ Богъ нечестнаго измѣнника родины и собрата! да сотретъ съ лица земли осквернителя чести жены и очага!»—вотъ что слышится въ заунывныхъ пѣсняхъ пшава! Онъ несетъ непосильную тяжесть судьбы, изнемогаетъ подъ бременемъ борьбы и бѣдности; онъ поетъ не потому, что жизнь для него рай, усѣянный розами, —нѣтъ, «я хочу,—говорить онъ,—разсѣять подъ этотъ печальный звукъ «пандури» свою сердечную скорбь». Онъ воплощаетъ и одухотворяетъ неодушевленные предметы; онъ говоритъ съ пѣнистыми волнами горной рѣчки; онъ проситъ ихъ остановиться на минуту и повѣдать, кто отеръ горячія слезы ея холодной водой, что прислала сказать любимая сестра брату, отправившемуся на поле брани для защиты свободы родины. Онъ обращается къ передлетающему ворону и умоляетъ отнести къ матери его черные волосы, чтобы она повѣсила ихъ у дверей «дарбази» (избы), и «пусть каждый проходящій предъ ними помянетъ его добрымъ словомъ». Онъ не боится смерти, онъ

гордъ и высокоумѣренъ, какъ дикая коза предъ пулей охотника. «Мужъ долженъ обладать,—говоритъ онъ, желѣзнымъ сердцемъ, орлинымъ вѣніемъ и быстротой сокола». Его упорное и «желѣзное» сердце только при видѣ красавицы-пшавки можетъ быть тронуту и смягчено; онъ таетъ при ней какъ «восковая свѣча». Онъ скрываетъ свою страсть въ глубинѣ сердца, какъ «краденую лошадь». Въ другомъ мѣстѣ *) о поэзіи пшавовъ я говорилъ подробно, потому я ограничусь теперь еще указаніемъ на слѣды поэмы „Амираніани“ и „Ростоміани“. Содержаніе послѣдней поэмы я уже передавалъ, а о второй придется сказать сравнительно съ тѣмъ вариантомъ, который теперь печатается въ „Иверіи“ (см. ниже). *А. Ха—ховъ.*

Сборникъ грузинскихъ народныхъ пѣсень. Тифлисъ. 1886 г. стр. 67, 16°.

Въ дополненіе къ тому, что сказано о грузинской поэзіи въ статьѣ о тушинахъ (Этногр. Обзор. II, стр. 55), указываемъ на эту книжечку, составляющую цѣнное пріобрѣтеніе для грузинской народной литературы. Пѣсни проникнуты дѣйствительно народнымъ духомъ, и потому передать ихъ точно по русски, не нарушивъ оригинальной прелести, невозможно. Вотъ, напримѣръ, содержаніе одного прекраснаго четверостишія: „жизнь челоуѣка, какъ бурное море, имѣетъ свои приливы и отливы; не разъ онъ встрѣтитъ мрачные дни: тогда-то онъ долженъ постоять мужественно въ борьбѣ съ житейскими невзгодами“. Въ одной пѣснѣ фигурально проводится мысль о равноправности женщинъ съ мужчинами: „Порожденіе льва считается львомъ все равно, какого бы пола оно ни было“. Значительная часть пѣсень посвящена воспѣванію гордой красавицы моховки. Идеаль ея подсказанъ условіями окружающей поэтической природы. Красавица должна быть высокаго, стройнаго роста, какъ чинаръ, съ румяными, какъ алое вино, ланитами, съ черными въ девять локонъ волосами, съ черными сверкающими, какъ молнія, глазами; походка должна быть спокойная и мѣрная. Сверхъ физической красоты народъ предъявляетъ и нравственныя требованія къ горской женщинѣ: она должна быть строго-воздержанной отъ соблазновъ, вѣрной женой, должна уклоняться отъ сплетенъ и излишней развязности; застѣнчивость и скромность, внимательность и любезность довершаютъ идеаль красавицы. Читая эту книжку величиной не больше карманнаго календаря, приходится удивляться игривости и легкости стиха, богатству рѣчмы, остроумнымъ, находчивымъ антитезамъ и сравненіямъ. Здѣсь сказывается врожденная способность грузинскаго

*) О пшаввахъ. Сбор. матер. по этнографіи подъ ред. В. О. Миллера, вып. III.

народа, воспитаннаго подъ обаяніемъ величественной чарующей природы Грузіи, создавъ тѣ непоказанные, полные, художественные образцы, цѣлныя поэтическия картины.

А. Хил—ъ.

Павелъ Чугуевецъ. 1) Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціального захолустья. 2) О русской народной культурѣ. Этнографическіе рассказы и замѣтки. Харьковъ. 1889.

Г. Чугуевецъ далъ своимъ бронзорцамъ эти заманчивыя и туманныя заглавія кажется только для того, чтобы заинтриговать читателя и затѣмъ поражать его на каждой страницѣ сюрризмами, не имѣющими ничего общаго ни съ русской народной культурой, ни этнографіей вообще, ни съ малорусскими бытовыми пѣснями въ частности. Раскройте вы, напр. „Мал. быт. пѣсни“. Прежде всего вамъ бросается въ глаза эниграфъ изъ „Истории Заговора Катилины“ „Салюстія“ (Салюстія?): затѣмъ авторъ говоритъ о фонарныхъ столбахъ съ его „богоспасаемомъ городкѣ, на всѣхъ парахъ бѣгушемъ по лѣтницѣ „культуры“, „цивилизаци“ и „прогресса“: далѣе о концертахъ г. Карагеоргиевича, о Такинѣ-Лякинѣ, о „дамахъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“, о барышникахъ, „тявкающихъ на разбитыхъ клавинордахъ“, о ретозѣхъ, которые, „сковыривъ въ носу, вопреки правиламъ грамматики, утверждали, что...“ и т. д., и т. д., и договаривается наконецъ до „народа въ его, съ позволенія сказать, простонародномъ смыслѣ слова“.

Но г. Чугуевецъ—ученый человѣкъ; каждая страница его бронюрокъ доказываетъ всю необязательность его научныхъ интересовъ и свѣдѣній; г. Чугуевецъ выписываетъ изъ Тютчева и Зенди овесты, Шевченка и Салюстія, Гиббона и Пушкина, Шидлера и Тацита, Шекспира и г. Лесевича и т. д. и безпрестанно „выражается въ терминахъ“ всевозможныхъ ученыхъ, поэтовъ, мыслителей.

Насавъ говорить подробнѣе о народныхъ пѣсняхъ, или („выражаясь, съ позволенія сказать, въ терминахъ г. Чугуевца“) о „вполнѣ живой нерукотворной поэзіи „святыхъ скотовъ“, сирѣчь нашего народа“, авторъ пишетъ: „въ глубокую старину, когда слагался нашъ (малорусскій) типичный патріархальный складъ народной жизни, въ самое ея первобытное время (sic), власть надъ чувствомъ и умомъ народа вдохновленныхъ эмбодитныхъ пѣсень, вырвавшихся изъ сердца свѣточей народной жизни, была существенна,—какъ указываютъ намъ нѣкоторыя историческія данныя. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, по свидѣтельству Тацита, что въ первобытной Германіи народныя барды оказывали влияние даже на форму правленія германскихъ племенъ (слѣдуютъ выписки изъ Гиббона). При этомъ не лишено будетъ интереса напомнить то удивленіе, которое высказы-

вааетъ Гиббонъ, стоя на точкѣ арміи поклонника блестящаго періода цивилизаціи Римской Имперіи, предъ тѣмъ фактомъ, что у варваровъ придавали черезчуръ серьезное значеніе „любви къ поэзіи“ и т. д. (ib. 6—7). Какое отношеніе имѣютъ къ „самому первобытному времени“ малорусской народной жизни германскіе барды и пр.? Далѣе, какъ могъ дерзнуть г. Чугуевецъ, „выражаясь въ терминахъ Гиббона“, двусмысленно и скверно говорить о народномъ образованіи (97—8), отстаивать „ту форму суевѣрія, которая освящена временемъ и опытомъ“ (стр. 89)? Какъ можно было характеризовать бытовыя условія положенія женщины въ крестьянской семьѣ словами завѣдомо искусственныхъ и бродячихъ пѣсень (Мал. быт. пѣсни, стр. 22, 28—29, 33, 39, 45—7)? и т. д. Толкуя вкривъ и вкось о порокахъ и недостаткахъ современной интеллигенціи, г. Чугуевецъ не замѣчаетъ того, что сами его не въ мѣру пошлыя, грязныя и развязно-невѣжественныя брошюры, приправленныя негѣпой и мишурной ученостью, самая возможность ихъ появленія въ свѣтъ—показатель очень грустный для нашего времени, и если мы сочли нужнымъ говорить здѣсь о брошюрахъ г. Чугуевца, то только потому, что этотъ авторъ вздумалъ сводить очень скверные личные и общественные счеты подъ прикрытіемъ этнографическихъ заглавій, чему, конечно, нужно было дать своевременный, мотивированный и возможно болѣе рѣзкій отпоръ.

В. В. К.—.

II. Журналы.

Араксъ (2 раза въ годъ, изд. въ СПБ.).—№ 1. Въ этомъ номерѣ помѣщенъ рядъ любопытныхъ этнографическихъ очерковъ, посвященныхъ описанію быта и нравовъ армянъ, населяющихъ различные города Малой Азіи (въ особенности же Виликію). Тутъ же приведены образцы областныхъ нарѣчій и говоровъ нѣкоторыхъ мѣстностей и народныя пѣсни.

Агменія (изд. на венгерск. яз. въ Венгріи, въ г. Самоушварѣ, иначе Армнополисѣ).—Февраль, мартъ. *Чилимарянъ*. Свадебные обычаи у армянъ.—Мартъ, апрѣль, іюнь. *Г*. Армяне въ Голландіи.—Апрѣль, май, іюнь. *Молмаріанъ*. Право лембергскихъ (львовскихъ) армянъ.—Апрѣль. *Копчянъ*. Армянская свадьба въ Трансильваніи. *Пасмаджіанъ*. О цыганахъ.—Августъ. *Редакція*. Описаніе армянскихъ монастырей. Народныя суевѣрія у армянъ.—Октябрь. *Молмаріанъ*. Армяне въ Испании. *Редакція*. Армянскіе музыканты въ Тегеранѣ.—Ноябрь. *Редакція*. Армянскія пословицы. *Х. С.* Армянская женщина.

Вѣстникъ Европы.—Сентябрь. *Реутскій*. Изувѣры («божьи люди»), окон.—*Пыпинъ*. Русское славяновѣдѣніе въ XIX ст. III. окон.

Рецензія на кн. „О географ. распредѣленіи роста“, Д. Анучина. Реценз. на „Султаны Бенисара и Садыкъ“ Ахмета Бенисарина.—Н о я б р ь. Реценз. на „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, изд. гр. Толстого и Кондакова, вын. 2. Древности скиео-сарматскія.—Д е к а б р ь. Реценз. на „Этнограф. Обзорніе“, кн. 1 и 2. Реценз. на „Das arme Russland“ Hermann Roskoschay (Kin Beitrag zur Kenntniss der wirtschaftlichen Lage des Russischen Reiches), очерки положенія рабочаго городского и сельскаго класса, кустар. промышленности, женскаго и дѣтскаго труда и т. д.

Ежемѣсячное Обзорніе.—1, 3, 4. Г. Армянское право (переводъ ст. prof. Kohler'a: Das Recht der Armenier).—2 Г. Армянская колонія въ Триестѣ.—10, 11 *Тюрямъ*. Бассейнъ рѣки Чороха.

Иверія. Ію л ь. Продолженіе статьи: „Вотъ исторія!“ написанной въ отвѣтъ на „Письма о Грузин“, помѣщенные въ „Сѣверномъ Вѣстн.“ въ 2 и 3 кн. 1889 г. Авторъ статьи „Вотъ исторія!“ видно, хорошій знатокъ грузинскаго быта, отличается большою эрудиціей и критическимъ тактомъ. Пунктуально слѣдуя за содержаніемъ „писемъ о Грузин“, почтенный авторъ не оставилъ безъ вѣскаго возраженія, подкрѣпленнаго историческими фактами, ни одной фразы путающагося въ противорѣчіяхъ своего противника. Намъ могутъ интересовать, помимо критическаго разбора „писемъ о Грузин“, солидные соображенія рецензента о первоначальной религіи грузинъ и современныхъ ее переживаніяхъ. Основываясь на разборѣ ванскихъ надписей, онъ склоненъ думать, что грузины почитали Тριάду-Армази, Гаца и Гайма, какъ это засвидѣтельствовано и относительно, напр., вавилонянъ (ихъ тріада—Ану, Эа и Бэль). Въ виду того, что авторъ, какъ слышно, самъ предполагаетъ перевести свои статьи на русскій языкъ, мы не излагаемъ ихъ, тѣмъ болѣе, что положительно нѣтъ возможности вырывать отдѣльные факты изъ этой ученой статьи, строго-логически написанной и основанной на цѣломъ рядѣ данныхъ изъ грузинской жизни въ связи съ исторіей.—А в г у с т ь. Археологическое и историческое описаніе Квирильскаго ущелья (Шаранск. уѣз., Кутаис. губ.), К. Θ. Хускавадзе. Авторъ описываетъ храмъ въ архитектурномъ отношеніи, приводитъ сохранившіеся надписи и толкуетъ ихъ въ связи съ историческими данными. Религіозныя вѣрованія пшавовъ и ихъ праздники, *Давида Хизанашвили*. Авторъ подробно останавливается на разборѣ культа Тамаръ-Мене, Копала, Адгилисъ—Деда и Лаша, приводитъ свѣдѣнія о способѣ предсказыванія и жреческихъ обязанностяхъ. Въ краткомъ обзорніи трудно передать всѣ интересныя данныя, какія собралъ Давидъ Хизанашвили. Скажу, что, по его мнѣнію, Копала—покровитель стада, Тамаръ-Мене—богиня, дарующая исцѣленіе больнымъ, Адгилисъ-Деда—это Церера, а Лаша богъ войны—Марсъ. Жрецы и предсказатели должны воздер-

живаться отъ прикосновенія къ женщинѣ во время родовъ, не ѣсть свинины, куриныхъ яицъ. Всѣ пшавскіе боги представляютъ собой обоготворенныхъ извѣстныхъ народной традиціи смертныхъ; такова: Бопала, Яхсартъ, Пвркуши и др. Отмѣчены слѣды родовой организаціи, выражающейся въ дробленіи пшавовъ на 12 общинъ, изъ которыхъ каждая населена членами одного рода. На общихъ пшавскихъ праздникахъ родовая единица сохраняется за собою особый участокъ (саджаре), на которомъ лишь она располагается. Всѣ вти свѣдѣнія подкрѣплены народными пѣснями. Вообще—статья г. Хизанашвили имѣетъ значительную научную цѣнность. С е н т я б р ь. Народное сказаніе о первомъ строителѣ мельницы Сайнгило (страна ингилойцевъ). Этнографическія письма *М. Джанашивили*. Г. Джанашивили, природный ингилоецъ, хорошо знакомъ съ нравами, обычаями и языкомъ своего народа. Ему принадлежатъ этнографическія статьи въ газ. „Дрозба“. Въ „Иверіи“ онъ описываетъ подробно обряды, связанные съ рожденіемъ ребенка, съ бракомъ и похоронами. Послѣ рожденія ребенка въ отдѣльной хатѣ, специально отведенной женѣ, какъ нечистой, на время раврѣшенія отъ бремени, родильницу караулятъ въ теченіе 40 дней женщины отъ наводеній злыхъ духовъ („али“). Во время трудныхъ родовъ мужъ стрѣляетъ изъ ружья. Если ребенка сглазили и онъ долго не засыпаетъ, продолжая плакать, то берутъ соли, обносятъ вокругъ головы и потомъ сыплютъ въ огонь. Бракъ совершается чрезъ посредство женщины—„мадчанкали“, которая за свой трудъ получаетъ денежное или натуральное вознагражденіе. Браку предшествуетъ обрученіе и поднесеніе залога (нишани) со стороны жениха въ видѣ подарковъ вещами и деньгами. Чрезъ три мѣсяца послѣ брака тещъ зоветъ къ себѣ зятя съ женой на торжественный пиръ. Когда родится первый ребенокъ, мать должна поднести подарокъ дочери. Въ гробъ умершему кладутъ въ лѣвую руку 10 коп., въ правую свѣчку. Вынося покойника въ ворота, ингилоецъ, имѣющій родителей въ живыхъ, становится спиной къ покойнику, бросаетъ въ его сторону камень и приговариваетъ: «не имѣй больше участія здѣсь». На другой день женщины опять собираются плакать надъ его платьемъ. Поминки (таблоба) устраиваются на третій, на седьмой день, Успенскимъ постомъ. Авторъ приводитъ въ заключеніе своей весьма любопытной статьи нѣсколько характерныхъ суевѣрій ингилойцевъ. О к т я б р ь. Грузинская легенда о происхожденіи шелковичнаго червя, *Ахакія Церетели*. Происхожденіе шелковичнаго червя грузинское сказаніе связываетъ съ проказой многостраднаго ветхозавѣтнаго Іова. «Іовъ имѣлъ семь сыновей и трехъ дочерей солищу подобныхъ. Въ одинъ день всѣ дѣти у него умерли. Но онъ все же не возропталъ на Бога. «Согрѣшилъ я, вѣрно, передъ Богомъ»,—говорилъ онъ со слезами на глазахъ женѣ: «Богъ далъ, Богъ и взялъ, да будетъ

благословенно Его има!» Авторъ замѣтки привелъ это мѣсто въ стихахъ, а продолженіе только излагаетъ, такъ какъ онъ не помнитъ точно давно слышанной имъ легенды. Въ легендѣ описываются мученія Іова, какъ онъ сгнилъ и слѣдая жертвой насѣкомыхъ и червей. Богъ, считая его испытаніе достаточнымъ, отпразднвалъ ангела къ нему съ тарелкой воды, которую онъ долженъ былъ вылить на страдальца. Ангелъ исполнилъ волю Бога: Іовъ исцѣлился, раны его зажили. Вода же, исцѣлившая его, была впитана облакомъ, чтобы во время засухи ея капли присоединялись къ дождю для оплодотворенія земли; гдѣ упадетъ капля этой «живой» воды, тамъ образуется целебный источникъ. Великодушный Іовъ молилъ Бога не истреблять его мучителей—насѣкомыхъ, но даровать имъ благотворную для человѣка способность. Услышавъ Богъ его моленіе, и послѣ того по міру распространились полезныя твари: пчелы, пьивки и др. Тѣ черви, которые ползали по всему тѣлу Іова, превратились въ шелко-вичныхъ. Съ тѣхъ поръ они выпускаютъ изъ желудка нити, которыми желяють опоясать человѣка. Въ этомъ же № продолженіе статьи о религияхъ шпавовъ; повыхъ давныхъ нѣтъ.

Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. т. XIX. Г. Вейсбахъ даетъ свѣдѣнія о физическомъ типѣ цыганъ, основанныя на измѣреніяхъ 52 субъектовъ. Хотя измѣренные г. Вейсбахомъ цыгане родомъ изъ Венгріи (39 субъектовъ) и Трансильваніи, тѣмъ не менѣе описаніе ихъ физическаго типа имѣетъ значеніе и для Россіи, какъ дополненіе къ немногимъ свѣдѣніямъ о внѣшности цыганъ, основаннымъ не на простомъ впечатлѣніи наблюдателя, а на точныхъ измѣреніяхъ большаго или меньшаго количества субъектовъ.

Мурчъ (Молотъ, изд. въ Тифлисѣ).—Апрѣль, май, іюль, сентябрь. Л. Сарисянъ. Поѣздка въ Турецкую Арменію. Это—пространное и весьма талантливое описаніе путешествія, предпринятаго авторомъ въ концѣ 1888 г. въ Эрзерумъ, Гаюмюшхане, Трапезондѣ.—Іюнь, іюль, августъ. С. Атрамянъ «Шальной Карапетъ»—изъ нравовъ армянъ-католиковъ.

Revue d'Anthropologie. № 2. Lapons du Jardin d'acclimatation—сообщаются свѣдѣнія о физическомъ типѣ лопарей (на основаніи измѣренія 20 субъектовъ).—№ 3. Les Lapons actuels.—Краткія свѣдѣнія изъ сообщений о лопаряхъ Г. Стормса (въ Шведскомъ Общ. Антропологіи) и г. Островскаго (въ И. Р. Географ. Общ.). Свѣдѣнія касаются численности лопарей, ихъ расселенія, занятій и т. п.—№ 5. Weisbach. Les Tsigales, изъ Mittheilungen d. anthropolog. Gesell. in Wien. т. XIX.

Reveu d'Ethnographie. VIII. № 2. Ch. Rabot: Les Ostiaques, les Samoyèdes et les Ziriens d'après les travaux de M. Sommier.

Статья заключаетъ въ себѣ изложеніе двухъ трудовъ Соммѣ [Un estate in Siberia (1885 г.) и Sirieni, Ostiacchi e Samoiedi dell Ob (187 г.)], касающихся остяковъ, самоѣдовъ и зырянъ. Послѣ краткаго очерка исторіи остяковъ приводятся свѣдѣнія о жилищахъ, одеждѣ, вѣрованіяхъ, свадьбѣ, похоронахъ остяковъ, а также о ихъ занятіяхъ (рыболовствѣ, охотѣ) и объ орудіяхъ, употребляемыхъ ими при рыбной ловлѣ и охотѣ. О самоѣдахъ и зырянахъ даются лишь краткія свѣдѣнія объ ихъ исторіи и бытѣ. Статья иллюстрирована девятнадцатью рисунками предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ быту данныхъ народностей.

Русская Мысль.—Сентябрь: Рецен. на «Жизнь европейскихъ народовъ» Водовозовой. Рецен. на «Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи» в. I. Подъ редак. Н. Н. Харузина, изъ Изв. И. О. Л. Е., А. и Э.—Рецен. на «Księga przysłów, przurówieści i wygzeń przysłowiowych polskich» Adalberga. Odbitka próbna. Warsz.—Октябрь: Рецен. на «Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазов. у.» (Вятской губ.) Первухина. Вып. II и III. Рецен. на «Rekiese. Obraz etnograficzny» O. Kolberg'a. Т. III.—Ноябрь: Рецен. на «Русскія древности въ памятникахъ искусства», изд. гр. Толстаго и Кондакова. Вып. I и II.

Сѣверный Вѣстникъ.—Октябрь. *Н. Д.* Письма изъ Грузіи. Продолж. *М. Г*—а: Миускіе холмы на границѣ Китая. — Рец. на «Rekiese, obraz etnograficzny» O. Kolberga (Краковъ), т. 3.—Ноябрь. *Андреевъ:* Областные замѣтки—III. Народное мышленіе *Паа:* Очерки сибирской жизни. Женское царство. Рецен. на Изв. Им. Об. Люб. Естеств. Ант. и Этногр. Труды антр. отд. т. X. Киргизы Букеевской Орды, А. Харузина.—Декабрь. *Ө. Ө.* Куряне. Дорожная замѣтка. Авторъ описываетъ свою поѣздку по нѣкотор. деревнямъ Курской губ., во время которой онъ успѣлъ познакомиться съ формою владѣнія землей.

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, сентябрь. *П. Светловъ.* Манна небесная (по *Wigotom*).

Юридическій Вѣстникъ: Октябрь *И. Рева:* Курьезъ волостнаго суда. Замѣтка *И. Рева* посвящена изложенію рѣшенія л -- скаго волостнаго суда, по которому опредѣляется фактический разводъ супруговъ. Мужа, по опредѣленію и на счетъ общества, за воровство отправляютъ въ Сибирь. Жена указываетъ на дурное обращеніе съ ней мужа, его пьянство, нерадѣніе къ хозяйству и т. д. и проситъ судъ въ виду этого дозволить ей не слѣдовать за мужемъ въ Сибирь, и присудить ей часть изъ имущества мужа на содержаніе трехъ ея малолѣтнихъ дѣтей. Судъ приговариваетъ: истицу «оставить на своемъ иждивѣнствѣ», а для содержанія ея съ дѣтьми опредѣлено ей имущество мужа».

III: Г а в е т ы.

Акмолдинскія Обл. В.—35. Какъ выросъ табакъ (вародн. сказаніе въ Моршан. уѣздѣ). Табакъ, по этому сказанію, найденъ былъ впервые на бугрѣ, наваленномъ на могилѣ одной блудницы. Отецъ, узнавъ объ ея безнравственной жизни, закопалъ ее живою въ землю; изъ чрева ея и выросъ табакъ.—Отзывъ о кн. «Султаны Бенгсары и Садыкъ».—Замѣтка о докладахъ А. А. Ивановскаго въ ученыхъ обществахъ Москвы.—40. Путешествіе по Китаю А. А. Ивановскаго.—43. *М. Розенмартъ*. Взглядъ народа на медицину (по его пословицамъ и поговоркамъ).—См. ниже прибавленіе къ Ам. Обл. В.: «Киргизская газета».

Архангельскія Г. В.—67. Некрологъ Г. О. Минейко, — 71 ст. *Н. Пруцвина* «Памяти Г. О. Минейко»—некрологъ мѣстнаго труженика Г. О. Минейко, 25 лѣтъ состоявшаго товарищемъ Предсѣдателя Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Главные труды его: «Сельская поземельная община въ Архангельской губерніи», и «Статистическое описаніе сельскаго населенія и его промышленности въ Архангельской губерніи».—78, 79, 80 и 81 «Съ Кандалакскаго залива» содержитъ описаніе деревень этого земства, быта его обывателей, ихъ хозяйства, промысловъ, наружнаго вида жителей, ихъ одежды и характера.

Арцаганскъ (Эхо, изд. еженед. въ Тифлисѣ),—5, 6 *П. Прошіанъ* Правы турецкихъ гаремовъ. 35, 36, 39, 40 *Н. Караміанъ*. Путевые очерки (Батумъ, Транезондъ, Константинополь)—37, 38, 39 *П. Бепурианъ* «Недѣля въ одномъ монастырѣ»—описаніе древ. армян. храма XI в., Хцконкъ, называемаго теперь Бешъ—Билісе, т. е. пять церквей.—41 *Свяц. Аханіанъ*. Положеніе индійскихъ армянъ.—Отчетъ о рефератѣ д-ра *Пантюхова* въ засѣд. Кавк. Медич. Общ.: «О ростѣ у нѣкот. народовъ въ закавказскомъ краѣ».

Бессарабскія Г. В.—99. Бучумово городище близъ Тобольска (изъ М. В.).—106. Самосудъ надъ растратившимъ мірскія деньги «кассерщикомъ» въ Михайловской волости, Александрійскаго уѣзда. (изъ Мин.)—110. Сообщение о магометанской сектѣ «аллаховъ», признающей Али богомъ и не соблюдающей никакихъ магометанскихъ религиозныхъ обрядовъ (Джебранльскій у.) (изъ Мин.)—113. Замѣтка о брошюрѣ Л. Б. Вейнберга «Распространеніе христіанства на Украйнѣ» (изъ Пр. В.)—115 Древность стронительнаго искусства у Витайцевъ (изъ Пр. В.)—122. Расправа съ конокрадомъ въ Грайворонскомъ у. Сначала конокрада по обыкновенію били, но такъ какъ онъ не сознавался, то крестьяне порѣшили отрубить ему обѣ руки и отпустить. Принесли топоръ, но въ это время нѣкоторые передумали и посовѣтовали другое средство, взяли подосокъ (же-

лѣзная полоса, прикрѣпляющаяся къ низу ося, чтобы послѣдняя не
нѣ стиралась), раскалили его докрасна на огнѣ и начали мечь вору
лодошвы ногъ. пытка продолжалась, пока несчастный едва живой,
не назвалъ своего сообщника (изъ Мин.).

Виленскій Вѣстникъ.—121. «Археол. изслѣдованія о могиль-
ныхъ древностяхъ Сѣв.-зап. края». Братія свѣдѣнія объ исторіи
образованія Имп. Археол. Комиссін (въ 1859), работы Н. П. Аве-
наріуса въ Гродн. и Ломжин. губ. 1888 г., Э. А. Вольтера въ Ви-
лен. и Ковенской, проф. Завитневича—въ Минской губ.—«Этнографія
сѣв.-зап. Россіи». Перечень новыхъ этногр. матеріаловъ, поступив-
шихъ въ послѣднее время въ распоряженіе И. Р. Геогр. Общества
за 1888 г. (см. ниже «Извѣстія»).—122. «Изученіе семейнаго быта
жемайто-литовскаго народа». Отзывъ о статьѣ г. Вольтера, напеч.
подъ этимъ заглавіемъ въ Пам. кн. Ковенск. губ. Статья содержитъ
данныя по этому вопросу, явленныя изъ рукописныхъ матеріаловъ
Геогр. Общества, и программу для собранія дополнительныхъ свѣ-
дѣній. Э. Вольтеръ. «Виленскій музей древностей». Указывая на
важность этого музея, авторъ говоритъ о необходимости его изуче-
нія и научнаго описанія.—123. Обзоръ дѣятельности губ. статистич.
комитетовъ с.-зап. края «въ пользу» мѣстной археологіи.—123.
Замѣтка о статьѣ Э. Вольтера: «Предварит. отчетъ объ этногр. по-
ѣздкахъ по Литвѣ и Жмуди въ 1884—86 гг. напеч. въ XXIV т.
«Извѣстій» И. Р. Географ. Общ.—157, 163 М. З. «Новости бѣлорусской
науки». По поводу изслѣд. акад. А. Н. Веселовскаго: «Изъ исторіи
романа и повѣсти», вып. II, 1888, въ которомъ указаны бѣлорусскія
редакціи нѣкоторыхъ старинныхъ повѣстей (Тристанъ, Вова, Аттила).
—159 А Сементовскій. Группа древнихъ (Руднянскихъ) кургановъ
на берегу р. Ушача въ Полоцк. уѣз., открытая авторомъ. Въ концѣ
статьи г. Сементовскій сообщаетъ о приготовляемомъ имъ къ VIII
археологическому съезду (въ Москвѣ 8—24 янв.) своемъ изслѣдо-
ваніи «Бѣлорусскія древности».—160. М. З. «Новости бѣлор.
науки». Разборъ Сборника бѣлор. пѣсень г-жи Радченко, о которомъ
отзывъ помѣщенъ нами во II кн. «Этн. Обзоръ».—«Прусскіе Литов-
цы». Огнѣмеченіе ихъ (по статьѣ, помѣщ. въ прусской «Газетѣ Прус-
скихъ Учителей») и усилія общества «Бирута» и «Товарищества ли-
товской интеллигенціи» (издающаго газ. Ваграс, Звонъ) поддержать
неприкосновенность литовской національности и расширить ее объе-
диненіемъ силъ прусскихъ и русскихъ литовцевъ.—165 Замѣтка о «Про-
граммѣ для собранія народн. юридич. обычаевъ», изд. Геогр. Обще-
ствомъ. Приведено предисловіе, при чемъ редакція добавляетъ отъ
себя: 1) что по изслѣдованію с.-зап. края слѣдуетъ руководствоваться
пріемами, примененными секретаремъ Ковенск. стат. комитета К. О.
Гуковскимъ и специальными программами г. Вольтера «какъ по семейному

быту, такъ и по юридическимъ понятіямъ жемайтско-литовск. народа (см. Пам. Книжки Ковенс. губ. послѣднихъ годовъ); 2) что «прѣ изученіи правовыхъ воззрѣній, обыновеній и вообще обычнаго права с.-з. Россіи необходимо обращать особое вниманіе а) на вліаніе на крестьянъ шляхетской среды, б) на соотношеніе крестьянскаго судопроизводства къ еврейскому населенію, т. к. еврей-кабатчики и еврей-стойкодержатели безъ сомнѣнія на волостные суды имѣютъ громадное вліаніе».—168. „Раскопки Э. А. Вольтера“ (въ Лядск. и Трокск. у. Вил. г.). Въ заключеніи описанія раскопокъ и найденныхъ вещей сообщено, что г. Вольтеръ занятъ приготовленіемъ къ изданію Инфлянтскаго сборника и литовско-русскаго словаря, а также обработкою матеріаловъ по статистикѣ и археологій Литвы.—171. Въ статьѣ „Вишня и Минскъ“ дается краткая сравнительная характеристика мѣстнаго общества, сословныхъ и национальныхъ отношеній.—177. Замѣтка о печатающейся при министерствѣ внутр. дѣлъ книгѣ „Бѣлоруссія и Литва“, подъ ред. П. Н. Батюшкова, издавшаго уже „Волинъ“ и „Холмскую Русь“.—183. „Капля любви“, волинск. легенда.—194. Перепеч. изъ „Одес. Листка“ бесѣда херсонск. архіеп. Никанора: „Въ защиту Библии“, по поводу статьи въ одной изъ одес. газетъ (года два назадъ), обвинившей законъ Моисея въ крайней жестокости къ не-евреямъ и исключительности въ пользу ихъ. Здѣсь говорится между прочимъ о воспитаніи дѣтей у евреевъ и о ихъ современныхъ учителяхъ—меламедахъ, о чемъ см. статью въ № 187 Вил. В.—„Для чего Богъ посылаетъ громъ?“ (перепеч. изъ „Одес. Л.“). Разскавъ старика о томъ, какъ на его глазахъ убило громомъ чорта, пріютившагося близъ него въ видѣ вѣтряка. По мнѣнію разскащика Богъ призываетъ къ себѣ тѣхъ чертей, которые слишкомъ много надѣлали зла, посылаетъ ихъ на землю и велитъ въ нихъ стрѣлять громомъ, а для того, чтобы виднѣе было, гдѣ они прячутся, освѣщаетъ молніею. Душа человѣка, случайно убитаго при этомъ громомъ, идетъ прямо въ рай; однако лучше перекреститься, чтобы отогнать отъ себя нечистаго и спастись отъ удара грома, потому что, по мнѣнію старика, хоть въ рай и хорошо, однако никому не охота идти туда раньше времени.—197. „Изъ міра народныхъ преданій и обычаевъ“. Извлеч. изъ статей Генр. Гедоза, издателя „Melusine“, о самоубійцахъ.—206. „Поѣздка турійскаго цадика“. Рѣчь идетъ вообще о значеніи цадиковъ въ еврейскомъ быту и дается характеристика одного изъ нихъ, проживавшаго въ м. Туринѣ Волинск. г.—„На смертной казни въ Китаѣ“, перепечатка статьи г. А. Ивановскаго изъ „Рус. Вѣд.“—207. „Семейные участки“, по статьѣ Б. П. Побѣдоносцева въ Рус. Вѣстн. (сент.).—222. М. З. Виблюгр. статья объ „Актахъ, относящъ къ исторіи южн. и зап. Россіи, собран. и изд. Археографич. Коммиссіей“, т. XIV, доп. къ т. III.

СПБ. 1889 г.—223. *Θ. Покровскій*, Археологич. находки (при раскопкѣ кургановъ), пожертвованныя А. С. Пріѣзжевою въ Вилен. музей древностей изъ Динаб. уѣз., им. Людвиново (Ступонинск. кладбище) и изъ имѣнія Румоны.—230. „Историческій архивъ виленской р.-католич. консисторіи“. Громадный матеріалъ этого архива поступилъ въ вѣдѣніе вилен. археогр. комиссіи и уже систематизированъ.—232, 234. *М. З.* Библиогр.: „Помѣстное право въ эпоху Литовско-рус. государства“, М. Владимірскаго - Буданова, Кіевъ 1889.

Виленскія Г. В.—78. Результаты раскопокъ, произведенныхъ лѣтомъ 1889 г. Э. А. Вольтеромъ въ Лидскомъ и Трокскомъ уѣз. Вилен. губ. (Привит. Вѣстн.).

Владивостокъ, —1—10. *В. К—з* Поѣздка въ Хунчунъ (о китайцахъ).—23—25. *М. Я.* Къ вопросу о палахъ и корейцахъ въ Посыетскомъ участіи.—29. Въ корресп. изъ поста св. Ольги сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ охотѣ крестьянъ на оленей, изюбровъ, тигровъ, медвѣдей и кабановъ.—32 *Ироновъ*. Библ. замѣтка о кн. «Бругосвѣтныиъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири», дѣйств. члена и корресп. учен. обществъ А. И. Розова.—37. *М. Ироновъ*. Слово объ экономическомъ состояніи ссыльно поселенцевъ.

Владимірскія Г. В.—36. Описание храма св. Спаса въ Шуѣ *Н. Миловскаго* (оконч.).—38—44. *Н. Добрынкинъ*, Отхожіе промыслы въ Муромскомъ у. (окон.).

Восточное Обзоріе, —28. Судьбы киргизскаго народа.—29. Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ «Этнограф. Обзоріи». Замѣтка о докладахъ А. А. Ивановскаго въ Общ. Люб. Ест. Антроп. и Эти., Моск. Археол. Общ. и Общ. Аккл. Жив. и Раст. Здѣсь-же сообщено, что *И. Е. Шавровымъ* составленъ «Библиографическій указатель къ этнографіи сибирскихъ инородцевъ», который будетъ напечатанъ въ «Зап. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.»—33. Изученіе быта бурятовъ.—35. *Н. Я.* Путевыя картины Монголіи.—36. Въ ст. «Покровители животныхъ» сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ общественныхъ и частныхъ жертвоприношеніяхъ бурятовъ.—*Н. Я.* Сибиряки на границѣ Монголіи (изъ путевыхъ писемъ).—40. *П. Г.* Джорджъ Беннанъ на Гусиномъ озерѣ (изъ «The Century Illustrated Monthly Magazine, March 1889»): посѣщеніе Беннаномъ хаба-ламы, кумирня, богослуженіе, «танецъ бурхановъ» и пр.—Библиограф. замѣтка о I томѣ «Записокъ Общества наученія Амурскаго края».—41. *П. Г—въ*. Библиограф. замѣтка о трудѣ *П. Буцинскаго* «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ», Харьковъ, 1889 г.—42. Одна изъ задачъ Вост.-Сибир. Отд. Географ. Общ.—изгльдованіе Амурскаго побережья. *М. З.* Деревенскія письма (нѣчто о народныхъ суевѣріяхъ).—42—43. Кустарные промыслы Томской губерніи.—43. *Н. Я.*

Искусство въ Сибири. *А. Буйвидъ. Манза.—44. Даурскій.* Ангарщина, замѣтка о байкальскихъ рыбопромышленникахъ. Отчетъ о засѣданіи Вост. Сиб. Отд. Рус. Геогр. Общ., 19 окт., на которомъ были сдѣланы доклады: 1) г. Волошиновымъ—о результатахъ произведенной имъ развѣдки сѣвер. направления сибир. желѣз.-дорожной линіи, 2) отчетъ правителя дѣлъ Г. Н. Потанина о лѣтней дѣятельности отдѣла и 3) Предварительный отчетъ Н. М. Ядринцева объ экспедиціи въ Монголію.—45. Забытое племя,—выдержки изъ статьи С. Швецова „Очерки Сургутскаго края“, помѣщенной въ X кн. Записокъ Зап.-Сиб. Отд. Географ. Общ.

Вятскія Г. В. — 71, 73, 75, 76, 77, 79. *Н. Первухинъ.* Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго у. Эскизы У. Слѣды языческой древности въ суевѣрныхъ обрядахъ обыденной жизни вотяковъ отъ колыбели до могилы (прод.)—Авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, касающихся вступленія въ бракъ и свадебныхъ обрядовъ. Указывая качества, желательныя вотяку въ невѣстѣ, вводимой въ семью, г. Первухинъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что «въ настоящее время взгляды на дѣвственность дѣлаются съ каждымъ годомъ строже, да и самыя понятія о красотѣ у вотяковъ замѣтно развиваются», чего не было въ прежнее время. Вопросъ о внѣшности жениха, несмотря на то, что у вотяковъ существуетъ определенный типъ мужской красоты, не принимается во вниманіе. Обыкновенно предпочитаютъ отдавать невѣстъ въ семьи, управляемыя стариками, такъ какъ раздѣлъ этихъ семей считается менѣе возможнымъ. Рассказывая о пригатовленіи приданого, авторъ даетъ нѣсколько свѣдѣній объ имущественныхъ отношеніяхъ членовъ вотяцкой семьи. Обзоръ предметовъ, входящихъ въ составъ приданого, сообщаетъ данныя о вкусахъ и искусствахъ Глазовскихъ вотяковъ.—75. Приготовленіе арьяна у вотяковъ Глазовскаго у. Арьянь—напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока (изъ „Прав. Вѣст.“ № 100).—77. Нѣсколько старинныхъ и новыхъ грамотъ.—78. Отчетъ о рефератѣ д. чл. Базан. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи И. Н. Смирнова: Очеркъ исторіи Вотяковъ.—85—88. Мѣстности Глазовскаго у., замѣчательныя въ археологич. отношеніи.—80. Библиограф. замѣтки о соч. проф. Смирнова „Черемисы“, г. Вескѣ „Нарѣчія Черемисскаго языка“, г. Богаевскаго „Замѣтки о юридич. бытѣ Сарapulскихъ крестьянъ“.

Екатеринобургская Недѣля.—25. Сообщеніе о поѣздкѣ г. *Петри* въ киргизскія степи, гдѣ ему было поручено произвести научныя изслѣдованія и ознакомиться съ условіями жизни киргизовъ.—Близъ с. Воскресенскаго (выше Саратова по Волгѣ), найденъ мѣстными жителями (старообрядцами) кладъ, заключающійся въ громадномъ сундукѣ съ какою-то надписью славянскими буквами; въ сундукѣ было множе-

ство золотыхъ и серебряныхъ монетъ и разныхъ цѣнныхъ украшеній, вѣсомъ всего около 800 пуд.—26. Образование комитета помощи кустарному дѣлу въ Верхотурскомъ уѣздѣ.—Въ корреспонденціи изъ Язестровскаго завода Красноуфимскаго у. описывается въ общихъ чертахъ бытъ башкиръ и взаимныя ихъ отношенія съ крестьянами.—„Сборникъ Пермскаго земства“ № 4, 1889. Въ сборникѣ между прочимъ, помѣщены отчетъ г. Колосова о продажѣ на Ирбитской ярмаркѣ 1889 г. кустарныхъ издѣлій, статья г. Астафьева „Народно-образовательное дѣло въ Камышловскомъ у. за послѣднее пятилѣтіе“.—„Двадцать пять лѣтъ назадъ“ (воспоминанія изъ жизни въ одномя въ приуральскихъ заводяхъ) *А. К—ва* (начало). „Воспоминанія“, по замѣчанію редакціи, служатъ продолженіемъ сочиненія „Недавнее прошлое“, печатавшагося въ Отечественныхъ Запискахъ въ 76 и 77 гг.—28. Открытіе въ Петербургѣ склада издѣлій уральскихъ кустарей. Изъ практики волостного суда Нижнетурьинской волости Верхотурскаго уѣзда.—29. Исторія народнаго образованія въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ (I) *М. Б—ова*.—30. Изъ недавняго прошлаго Башкиріи (по поводу книги Н. В. Ремезова „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи“). Авторъ г. *Д. Н.*, пользуясь вторымъ изданіемъ книги г. Ремезова, знакомитъ читателей съ исторіей расхищенія башкирскихъ земель.—*М. Б—ова*. Исторія народнаго образованія въ Екатеринбургскомъ у.—Помѣщены „Записки уральскаго Общества Любителей Естествознанія“ (стр. 57—60). Особенно интересны отдѣлы: первый, гдѣ помѣщена таблица съ краткимъ описаніемъ башкирскихъ череповъ, найденныхъ при раскопкахъ могилъ Екатеринбургскаго уѣзда (24 черепа), и третій, гдѣ помѣщены слова, пословицы, поговорки, примѣты, записанныя въ Пермскомъ у. дѣств. чл. *Θ. Н. Панаевымъ*.—31. *Мис. Б—ва*. Положеніе переселенцевъ въ Сибирь. Авторъ группируетъ газетныя сообщенія за это лѣто о безпомощномъ положеніи переселенцевъ въ Томскѣ. Къ изученію Пермской губерніи. Журналы Чердынскаго у. земскаго собранія XIX очереднаго сессіи; доклады управы и комиссіи и т. п. за 1888 г. Пермь 1889. Журналы XIX очереднаго Ирбитскаго у. земскаго собранія съ отчетомъ и докладами управы и другими приложеніями за 1888 г. Ирбитъ 1889 г. *Д. Сибирякъ*. Старая Пермь (В. Евр. 1889 г. № 7). (Авторъ замѣтки на первыхъ двухъ трудахъ не останавливается).—32. Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія (стр. 61—64). Матеріалы, собранныя г. *Панаевымъ* въ Пермской губ. Примѣта: пока черныя пятнышки съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не суживать (о старшинствѣ въ семействахъ). Интересны также пѣсни, распадающіяся на чисто народныя и занесенныя изъ городовъ и фабричныхъ центровъ.—35. Библиографическая замѣтка. Записки Уральскаго Общ. Любителей Естествознанія т.

Х вып. 3-й, т. XI вып. 1-й и 2-й. Между прочимъ помѣщены въ этихъ выпускахъ матеріалы о Сибирско-Уральской выставкѣ 1887 г. и слѣд. статьи: *М. В. Малахова*. „О доисторическихъ эпохахъ на Уралѣ (съ 2-мя черт.)“ и „Замѣтка о Башкирскомъ чудскомъ городищѣ“. — *Ю. Ѡ. Гебацера*. Сообщение о вышедшей во Флоренціи книгѣ извѣстнаго по Уралу путешественника Ст. Сомье: „Note di viaggio“; въ ней авторъ излагаетъ свои антропологическіи и этнографическіи наблюденія надъ инородцами, видѣнными имъ при путешествіи на Сибирско-Уральскую выставку 1887 г. въ Екатеринбургъ и по Волгѣ. Книга снабжена рисунками и фототипіями типовъ черемисъ, мордвы, калмыковъ и предметовъ ихъ обихода и одежды. — 36. Сообщение о засѣданіи Уральского Общества Любителей Естествознанія 2 сент. дѣйств. чл. общества *Шешинъ* составленъ словарь вогульского языка, который по постановленію собранія, будетъ изданъ на счетъ Общества. — „За лѣтніе мѣсяцы поступило въ музей множество коллекцій, дающихъ въ общей сложности около 1400 предметовъ. Между прочимъ около 600 предметовъ, добытыхъ путемъ специальныхъ раскопокъ разныхъ лицъ въ Екатеринбургскомъ, Камышловскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ (кости, кремневые орудія, глиняные черепки, металлическія вещи); коллекція предметовъ китайскаго быта 64 экз.“. Библиографическая замѣтка о сельскомъ календарѣ на 1890 г., *Я. Абрамова*. — 37. Сообщение о принесеніи въ даръ *И. Г. Гадаловымъ* археологической коллекціи, собранной въ Енисейскѣ г. *Бойменгомъ*, Томскому Университету. — 39. Библиографическая замѣтка о „Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества“. Кн. X, Омскъ, 1889 г. Изъ перечисляемыхъ статей отмѣтимъ слѣд.: *фонъ-Герна* „Поѣздка на рѣку Чу“, *Закржевскаю* „Краткій очеркъ Барлыкской горной страны“, *Шецова* о Сургутскомъ краѣ (топографія г. Сургута Тобольской губ., занятія, экономическое положеніе послѣдняго, культурное развитіе и нравы сургутянъ). Авторъ замѣтки г. *Л. Ж.* весьма сочувственно отзывается объ этомъ изданіи, какъ относительно полноты помѣщенныхъ свѣдѣній, такъ и внѣшности и тщательности его, — 41. Въ засѣданіи Уральского Общ. Любит. Естествознанія 7-го окт. дѣйств. чл. *И. Г. Отроумовъ* сдѣлалъ сообщеніе о курганахъ восточной части Ирбитскаго у., осмотрѣнныхъ имъ лѣтомъ текущаго года, при чемъ одинъ курганъ докладчикомъ раскопанъ. — г. *О.* сообщаетъ о VII выпускѣ „Трудовъ финско-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ“. Въ выпускѣ помѣщена работа *Dr. Arvid Ceneus'a* о восточно-черемисскомъ нарѣчіи, — результатомъ поѣздки автора въ 1887 г. на Сибирско-Уральскую выставку и въ Красноуфимскій уѣздъ, гдѣ въ черемисскомъ поселеніи Нижнемъ Потамѣ онъ прожилъ съ товарищемъ по путешествію, студентомъ *A. F. Ringvall*, три мѣсяца.

Въ запискахъ Уральскаго Общ. Любит. Естествознанія, приложенныхъ къ № 41—45 газеты, помѣщено начало статьи *А. А. Дмитриева* „Народное творчество въ Билимбаевскомъ заводѣ Екатеринбургскаго у. Пермской губерніи“ (стр. 1—4). Сдѣлавъ краткій обзоръ трудовъ мѣстныхъ уральскихъ собирателей народнаго слова, авторъ, подробно останавливается на вновь издаваемыхъ пѣсняхъ и стихахъ, записанныхъ въ Билимбаевскомъ заводѣ крестьяниномъ грамотѣемъ *Петромъ Андр. Шиловымъ*. Шилковъ въ 1880 г. сдѣлалъ первое сообщеніе въ редакцію Пермскихъ Губ. Вѣдомостей 1) о суевѣріяхъ и заговорахъ (№ 85 1880 г.), 2) «Въ области суевѣрій и предразсудковъ» (ibid. № 92, 94, 96), 3) «О суевѣрій населенія Екатеринбургскаго уѣзда» (П. Г. В. 1883 № 23). Въ 1888 г. Шилковъ доставилъ въ Уральское общество рукописный сборникъ, который и поручено обществомъ г. Дмитриеву приготовить къ печати. Этнографическая часть сборника распадается на три отдѣла: а) преданія и легенды, б) духовные стихи и в) хороводныя пѣсни. Наибольшій интересъ, по словамъ г. Дмитриева представляютъ духовные стихи и хороводныя пѣсни Билимбаевского завода. Всѣ эти стихи и пѣсни либо совсѣмъ неизвѣстны въ печати, либо представляютъ любопытные варианты нанечатанныхъ раньше». Здѣсь помѣщены слѣд. духовные стихи Билимбаевского завода: 1) Прославленіе святаго имени (этотъ стихъ былъ помѣщенъ въ сборникѣ г. *Безсонова* «Калѣби переходіе» (т. 1. стр. 1—2) и въ «Матеріалахъ для Этнографіи Закамья» *Володина* (въ Перм. Губ. Вѣд. 63 г. № 36—40; 42—44, 50—52; 1864 г. №№ 1—3, 46, 48, 50—52) подъ заглавіемъ «Вознесеніе», («Ив. Богословъ»). Время, говоритъ г. Дмитриевъ, оказало въ данномъ случаѣ неблагоприятное вліяніе, и билимбаевцы позабыли нѣкоторыя подробности, особенно конецъ этого духовнаго стиха; но зато тутъ есть дополненія, отсутствующія въ прежней редакціи. 2) а, «Хожденіе Святой Дѣвы», б, «Слава Царю Небесному». Авторъ подробно останавливается на сравненіи записанныхъ Шилковымъ вариантовъ этихъ духовныхъ стиховъ съ прежними редакціями ихъ, помѣщенными у *Безсонова*.—Кавказская легенда (изъ Нов. Обзор.).

Екатеринославскія Г. В.—44. *Г. Я.* Къ вопросу о земледѣльческой метеорологіи (о народныхъ примѣтахъ).—45. *П. Сивковъ*. Горная пещера близъ Кунгура. Краткое резюме реферата о вогулахъ, читаннаго въ засѣд. Урал. Общ. Люб. Вст. И. Г. Остроумовымъ. — 66, 69 и 70 Нѣсколько чертъ быта Днѣпровскихъ лодчановъ (изъ «В. Ст.») и сообщеніе о лекціяхъ г. *Эварнтинскаго*: «Развитіе археологіи въ Россіи и результаты раскопокъ кургановъ въ Новороссіи и преимущ. въ Екатерин. губ.»—70. Вариантъ пѣсни о Кармелюкѣ, записанный въ Новомосков. у. г. *Мансурой*.

Этотъ вариантъ въ немногихъ, но достаточно мѣткихъ, чертахъ рисуется Кармелюна или иначе Карманюку, какъ героя—ловеласа.—74 и 80. В. Т. *Скрыльничковъ* Очеркъ подгородней мѣстности.—76 Д. И. *Эварницкій* «О каменныхъ бабахъ» (изъ «Од. Л.»)—77 Указаніе, что эта статья есть отрывокъ вышеупомянутыхъ лекцій г. Эварницкаго.—81. Корресп. изъ с. Конскіе-Раздоры, Александр. у., объ отношеніи жены къ мужу въ крестьянской средѣ.—87. *Левко* «Погона за землей» (изъ «Ед. В.»)—89. Корреспонд. изъ Ново-москов. у. о смертной казни за кражу пчелъ (преданіе).

Забайкальскія Обл. В.—34. Въ прибавленіи къ неоф. части помѣщена ст. «Двухсотлѣтіе Нерчанскаго трактата».

Кавказъ—213, 214, 219, 221. «Сироновіани» на грузин. языкѣ *Исеришвили*. Содержаніе этой поэмы заключается въ разсказѣ о царѣ Ардапѣ или Арчаспѣ. Авторъ доавылываетъ, что поэма переведена съ персидскаго и относится къ циклу сказаній Шах-Наме.

Каванскія Г. В.—78, 86, 98, 120, 128. Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губ. съ краткимъ ихъ описаніемъ (начало этихъ статей въ 88 г., 99, 105, 126, 129 и 132).—121. О кольцахъ монетахъ найденныхъ въ Морганомѣ въ Арменіи, бывшихъ мѣрами вѣса въ Ассиріи (изъ «Прав. В.», 210).—126. Антропология. Измѣренія 2 тысячъ дѣтей великорусскаго племени. Отчетъ объ этихъ измѣреніяхъ былъ прочтанъ г. Бензенгроми въ засѣданіи Н. О. Л. Е., А. и Э.—127. Приготовление арьяна у вотяковъ Глазовскаго уѣзда (Вят. г.) (изъ «П. В.», 119).

Калужскія Г. В.—68—71. С. *Рачинскій*. Изъ записокъ сельскаго учителя, (перепеч. изъ Русск. Вѣст. 1889 г.).

Карсъ.—37. „Ашура“ у мусульманъ-шіитовъ. Праздникъ этотъ установленъ въ память умерщвленія почитаемыхъ у мусульманъ-шіитовъ святыхъ. Нѣсколько сотъ лицъ рабочихъ и торговцевъ одѣлись въ этотъ день (25 августа) въ траурныя платья и, ударяя себя въ грудь подъ тактъ громко читаемыхъ муллами стиховъ «сне-вень», направились въ мечеть. Процессія, изображавшая богатый княжескій ноѣздъ-караванъ, рядомъ съ плѣнными осиротѣвшими женщинами и дѣтьми, состояла изъ лошадей, одѣтыхъ въ богатые уборы съ пристегнутыми къ сѣдламъ двумя саблями. На коняхъ сидѣли дѣти съ непокрытой головою, которую они посыпали пепломъ и саманомъ въ знакъ горя и отчаяніи. Процессія замыкалась шеренгою одѣтыхъ въ бѣлыя, дянные рубашки-саваны, лицъ, которые саблями наносили себѣ въ голову раны, чтобы пролить свою кровь за мученически убиенныхъ сподвижниковъ вѣры. Передается исторія этого дня.

Киргизская газета (приб. къ Акмол. Обл. Вѣд.). Съ 95-го №

печатается переводъ съ нѣм. ст. Герм. Вамберг «Тюрки» (въ этнологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ).—36. Библиограф. замѣтка объ «Объяснительномъ словарѣ татарскихъ, грузинскихъ и армянскихъ словъ, вошедшихъ въ матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края», С. П. Земинскаю.—38. Юсуфъ Копеевъ. Обученіе грамотѣ въ степи (корр. изъ Баянъ-аула).—Библиогр. замѣтка объ «Исторія первыхъ временъ Ислама», составленной муллою Магометъ Кяфи Эль-Стерлитамаки.—Въ литератур. прилож. къ газетѣ (листь 4 и 5) помѣщены народ. преданія о бинъ Избасты (рода Кыпчакъ), о Сатемыръ-ханѣ, т. е. Тамерланѣ, о Лукманѣ-Акимѣ, древнемъ знаменитомъ мудрецѣ и лѣкарѣ, и о Шикъ-Бирмесѣ Шгайбаѣ и Алдаръ-Косе.—39. Корр. изъ Зайсана о путешествіи по Китаю А. А. Ивановскаго (перепеч. изъ № 239 «Новостей»).—Объ обычаяхъ праздновать въ іюлѣ мѣсяцъ «зень».—39—41. Савакасъ Чорманогъ. О скачкахъ въ степи (байга)—40. Тамазлукъ (искаженное татар. слоно «дана-азлыкъ» — «телятъ мало») — обычай взаимнаго вспомошествованія домашнимъ скотомъ.—41. Гарибъ Газмаровъ. Корр. изъ Акмолинска объ обычаяхъ дароваго угощенія странниковъ-гостей. Въ литератур. приложеніи (листь 6, 7 и 8) — сказаніе о человекѣ и его вѣжѣ, воронѣ и соколѣ (киргиз. басня), Бакса-знахарь (изъ жизни оренбургскихъ киргизовъ)—41—42. А. Н. О земледѣліи въ Торкаунской, Котанъ-Буланской и Западно-Балхашской волостяхъ Барнаралинскаго уѣзда.—43. Наказанное честолюбіе (китайская славя).—Значеніе русскаго языка (изъ татар. газ. «Переводчикъ», № 34).—О торговлѣ въ Туркестанѣ индусовъ.—Промышленныя растенія Туркестанскаго края (рама или китайская крапива и кендырь или турка). Въ литер. прил. (листь 9) «народныя примѣты, записанныя въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи».—44. Скотоводство въ степи. Положеніе переселенческаго дѣла въ степныхъ областяхъ. Народныя примѣты.—45. А. Н. Дѣятельный управитель.—45—46. Юсуфъ Копеевъ. О скотоводствѣ и джетаклахъ (въ стихотвор. формѣ).

Костромскія Г. В. — 36. Членомъ мѣстной ученой архивной комиссіи И. В. Миловидовымъ окончено, по порученію Моск. арх. общ., составленіе археологической карты Костромской губ. съ нанесеніемъ городищъ, кургановъ, валовъ, мѣстъ находокъ древнихъ монетъ и т. п. — «Рукописное житіе преп. Варнавы Ветлужскаго», статья И. К. Херсонскаю, члена костромской ученой арх. комиссіи.—42. Проводы отхожихъ промышленниковъ, такъ наз. „питерчиковъ“ изъ Солигаличскаго у.

Кубанскія Обл. В. 23, 37, 39, 40 и 44. Богословскій. Интересъ изученія древней русской литературы. Публичная лекція, посвященная памяти проф. О. Θ. Миллера.—45. Англійскіе и польскіе

агенты у запад.-кавказ. горцевъ въ 1834 — 40 гг. (матеріалы для исторіи зап.-кавк. горцевъ, собр. *Е. Д. Фелицынымъ*).

Курляндскіи Г. В.—20, Содержаніе рѣчи проф. В. О. Миллера о покойномъ М. Н. Харувицѣ.—24. Сообщение объ изданіи въ Ревелѣ книги, посвященной памяти М. Н. Харувица.—48. Народная медицина. Лѣченіе болотныхъ лихорадокъ подсолнечникомъ. Способъ употребленія его по рецепту жителей Кавказа и Поволжья (изъ ст. д-ра Кузнецикова въ „Медицинѣ“, 21).—56. Г. В. Форстенъ. „По балтійскимъ дѣламъ“ объ „актахъ и письмахъ къ исторіи балтійскаго вопроса“. Сборникъ этотъ составленъ изъ ряда документовъ, найденныхъ составителемъ въ архивахъ нѣкотор. зап.-европ. городовъ.

Кутаисскіи Г. В.—34. Мартвильскій монастырь г. Цхакал. Этотъ монастырь, построенный при грузин. царѣ, Георгіи II (921—955), по утвержденію Дюбуа, возникъ на мѣстѣ языч. капища. Преданіе прибавляетъ, что на мѣстѣ храма стоялъ большой дубъ—святыня мингрельцевъ; подъ нимъ они приносили въ жертву богамъ какъ животныхъ, такъ и людей. Андрей Первозванный срубилъ этотъ дубъ. Церковь же строилъ Давидъ Агматенебели.—37. Цаленджикскій участокъ (въ Мингреліи) *К. Мачавариани*. Въ Сенакскомъ у. на вершину Табионскихъ горъ собираются всѣ мингрельскіи вѣдьмы.—38. Описаніе цаленджикскаго монастыря (продолж.).—39. Книгиня, покрывая голову преступника (преслѣдуемаго изъ мести или вора), дѣлаетъ его ненаказуемымъ.

Мишакъ (3 раза въ нед., Тифлисъ).—13, 14. С. Положеніе армянъ католиковъ въ Арвинѣ (очеркъ мѣстныхъ нравовъ).—42—45, 57—58. *Ходжамирианъ* «Ходжа-Тевосъ» и «Кешипъ-Баба»—очеркъ изъ жизни и нравовъ Персидскихъ армянъ.—47—49. *А. Саруханіанъ*. Армяне въ Австро-Венгріи и ихъ журналъ «Агменіа». 61, 65. С. *Карманіанъ*. Письма изъ провинціи, бытовые очерки.—86, 87. *Ею-же* «Кехіа» (дерев. старшина), очеркъ изъ быта турецкихъ армянъ.—101, 103. *И. Ф.* «Янычары», очеркъ изъ быта турецкихъ армянъ.—109—111, 113—115, 122, 125, 127, 130, 131, 134, 135. *Апро*. «Письма изъ турецкой Арменіи» (пока изъ Эрзерума и Вана). Авторъ рисуетъ картину жизни Армянъ и въ этнограф. отношеніи: бытъ, нравы, обычаи, семейную жизнь, суевѣрія, литературу.—121, 123, 124. *А. Аракелянъ*. «Изъ Джульфы въ Тавризъ»—путевые очерки армян. и персидск. жизни.—133. *Саруханіанъ*. Турскіи племена на Кавказѣ и ихъ отчужденность отъ европейской культуры.

Нижегородскіи Г. В.—32, 38. Пѣсни, записанныя въ Танаиловской волости Княгининск. у. *Коптевымъ*.—37, 38, 40. *Савельевъ*. Браки по благословенію родителей и волостные суды въ Семеновскомъ у. Нижегород. г.

Новгородскія Г. В.—37. Ст. «Новгородскій музей и закладка новаго аданія» заключаетъ въ себѣ интересныя историческія данныя, иллюстрирующія положеніе такого рода учреждений въ провинціи. Ст. «Въ Рагушенскомъ приходѣ» содержитъ данныя, касающіяся Рагушенскаго погоста, бывшаго нѣкогда монастыремъ.

Новое Время. — 4920. Н. О. Сумцовъ. «Этнографическое Обзорѣніе» — рец. на 1-ю и 2-ю кн. «Этн. Обзор.».

Новое Обзорѣніе.—1934, 1937, 1948. 1951. Васильевъ. Роды. Похороны. Прод. «Горскіе евреи» (рецензію на эту статью см. во 2-й кн. «Этногр. Обзор.»).—1936, 1942, 1950, 1955, 1956, 1958. Имеретія въ 1650 г. (оконч.) (см. объ этомъ 2-ю кн. «Этногр. Обзор.»).—1967. Меликъ Каракозовъ. «Мохаррежъ» — мусульманскій праздникъ. Это мусульманская религиозная мистерія, разыгрываемая ежегодно мусульм. шайтанами между 1—10 числомъ мѣсяца „мохаррежъ“. —1968. «Легенда о гандегили» (отшельникъ), воспѣтан уже на грузин. яз. Кн. И. Чавчавадзе и извѣстная въ русскомъ переводѣ г. Тхоржевскаго. —1977 и 1984 Г. Церетели о грузин. храмовыхъ праздникахъ. Авторъ отличаетъ рядъ праздниковъ въ большинствѣ языческаго происхожденія, но приуроченные къ христ. святымъ. На праздникахъ устраиваются пляски, пѣніе, джигитовка, игра въ мячъ, стрѣльба въ цѣль (khabashi). Здѣсь-же рѣшались судебныя дѣла, умиротворялись распри между родами.—2014. Библиографія, о 2 кн. «Этнографія. Обзорѣнія», А. Хах—ова.

Одесскій Вѣстникъ.—154. Замятка г. П. о книгѣ Мочульскаго „О мнимомъ дуализмѣ въ миеологии Славянъ“.—„Щедринъ въ деревнѣ“ (изъ Нед.) Лубочныя изданія сочиненій Щедрина.—156. Двадцати-семишллонный кладъ. Резюме свѣдѣній, сообщенныхъ г. Эвармицкимъ въ Новостяхъ о кладахъ.—157. Сообщение о кладѣ, найденномъ въ Защельской деревнѣ Мценскаго уѣзда и переданномъ для просмотра въ археологическую комиссію. Кладъ состоитъ изъ монетъ времени царей: Ивана IV, Федора, Бориса, Дмитрія и Василя.—„Переселенцы въ Одессѣ“. Н. Л.—159. „Малороссійскія пѣсни“, замѣтка г. М. П. по поводу статьи Кубы, помѣщенной въ чешскомъ журналѣ „Sbornik Musea Kralevstvi ceskaho“. Г. Куба, давно уже занимающийся изслѣдованіемъ народныхъ произведеній, даетъ въ общихъ чертахъ описаніе музыкальнаго построенія малороссійской пѣсни и предлагаетъ ноты пѣсенъ, записанныхъ съ голоса въ Полтавской, Черниговской и Кіевской губ.—161. Свѣдѣнія о штундистахъ Тарашанскаго уѣзда Кіевской губерніи. Замятка г. Ст. о книгѣ англичанина Уиндта (From Pekin to Calais by Land), совершившаго путешествіе по Гоби и Сибири.—163. Рецензія Д—ко на очерки г. Цевнаго „Малюнки справжняго життя“. Петерб. 89 г. (Переводъ одного изъ очерковъ „Сидоръ Макаровичъ Притыка“ помѣщенъ въ

фельетонъ № 163). Авторъ рецензіи относительно второго очерка „На вулицѣ“ замѣчаетъ, что „онъ вовсе не поддается переводу, благодаря тому, что написанъ чисто народнымъ языкомъ, пересыпаннымъ присловьями, поговорками и непереводными оборотами рѣчи“. Очеркъ этотъ, рисующій общество сельскихъ бабъ, имѣющихъ свои собранія „на вулицѣ“ представляетъ интересную этнографическую картинку.—165. Сообщение о принесеніи въ даръ музею антропологии и этнографіи академіи наукъ докторомъ Стюрмеромъ нѣсколькихъ статуй, найденныхъ на островѣ Явъ, явображающихъ индусскія божества.—170. Передѣлы крестьянскихъ земель.—173. Свѣдѣнія объ артели „стивадоровъ“ (тримовыхъ грушовщиковъ).—181. Рецензія М. П. на книгу Науменка: „Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи“.—183. Описаніе обычаевъ „рачьей свадьбы“ въ Алешкахъ. „Свадьба рачья“—порожденіе южно-русскаго юмора. Въ праздникъ Петра и Павла, послѣ дѣлежа денегъ, вырученныхъ отъ продажи раковъ, ловлею которыхъ занимаются преимущественно женщины, ежегодно устраивается рачья свадьба, на которую приглашается обыкновенная, простая музыка съ бубенщикомъ въ главѣ. Гулянье продолжается три дня и три ночи напролетъ и сопровождается общою попойкой, пѣніемъ и пляской. Въ продолженіе этихъ трехъ дней по столу ползаютъ крупные, отборные ракъ и рачица, одѣтые:—ракъ въ рубашку и брюки, а рачица съ цвѣтами на головѣ—въ юбку, при чемъ гуляющіе перевязываются разноцвѣтными лентами, которыми перевязываютъ и виновниковъ торжества—раковъ.—195. Сообщение объ открытомъ около Взда (въ Персіи) подъ землей древнемъ городѣ съ оригинальными постройками.—198. О чумацествѣ въ южныхъ губерніяхъ.—201. Бездождіе, стоявшее во многихъ мѣстностяхъ Россіи этимъ лѣтомъ, вызвало въ народѣ много забытыхъ суевѣрій. Такъ, напр., въ с. Свинокривцѣ (уѣздъ не названъ) бездождіе приписали смерти старика, слышавшаго въ народѣ за „упыра“ (колдуна) съ хвостомъ. Старикъ умеръ весной: съ тѣхъ поръ и бездождіе началось. Для прекращенія послѣдняго, по народному повѣрью, необходимо вырыть изъ земли трупъ „упыра“, облить его водой и зарыть обратно. Засуха послѣ этой процедуры прекратится. Съ трупомъ умершаго старика такъ и поступили.

Олонецкія Г. В.—76, 77. В. И. „Благосостояніе Ряговцевъ“ содержитъ свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ и промыслахъ жителей Ряговской волости, Каргопольскаго уѣзда.—79. «Къ Олонецкой библиографіи» библиограф. замѣтка о статьяхъ, касающихся Олонецкаго края, помѣщенныхъ въ Трудахъ Обществъ и періодическихъ изданіяхъ.—87. Ст. *Благовѣщенская* «Издѣлія изъ соломы» содержитъ 1) описаніе кустарнаго промысла обывателей Неккульской волости Олонецкаго уѣзда, состоящаго въ плетеніи изъ соломы шляпъ, фура-

жекъ и пр. издѣлій, и 2) исторію промысла.—84, 85, 86, 88, 89. Ст. «Свадебные обычаи въ Ряговскомъ приходѣ» содержитъ описаніе двухъ видовъ Олонецкой свадьбы, сосуществующихъ перѣдно въ одной и той же волости, приходѣ, деревнѣ: свадьбы убѣгомъ (причины убѣговъ, положеніе дѣвушки въ семьѣ и свадебный церемоніаль) и свадьбы со сватовствомъ.

Оренбургскія Г. В.—40. Сообщение объ экспедиціи проф. Х. Ѳ. Лессина въ Киргизъ-Кайсацкую степь съ цѣлью изслѣдовать вершины Кара-Адыръ-тау.—Сообщеніе редакціи объ изслѣдованіи: «Рускіе плѣнники въ Средне-Азіатскихъ ханствахъ XVIII и XIX стол.»—44. Отчетъ о занятіяхъ Оренбургской ученой Архивной комиссіи со времени открытія ея дѣйствій 12 янв. 1888 г. по 20 окт. 1889 г.

Иензенскія Г. В.—187. Возстановленіе древ. грузинскихъ храмовъ (изъ «Моск. В.»)—201. О доставленныхъ въ музей одесскаго Общества Ист. и Древн. трехъ обломковъ плитъ изъ с. Тарутина. Обломки эти являются памятниками греческихъ волоній. Въ этотъ же музей доставленъ бронзовый кувшинъ съ рисунками и славян. надписью.—205. О готовящейся въ Соляномъ Городѣ выставкѣ игрушекъ. Б. Вессель, г. Вороницкій и др. педагоги прочтутъ рядъ очерковъ педагогич. и этнографич. характера («Сын. Отеч.»)—213. О новой раскольничьей сектѣ въ Вольскомъ уѣздѣ, происшедшей отъ раскольниковъ «нѣтовщины». Сущность ученія: погибающій міръ можетъ спастись лишь посредствомъ символическаго перерожденія.—224. Сообщение объ открытіи древ. могилы въ Кіевѣ у Софійскаго собора. Найдены скелеты человѣка и лошади.—227. О возвращеніи Ѳ. М. Истомина, совершившаго путешествіе съ этнограф. цѣлью по Пермской, Архангельской и вост. части Вологодской губ.—228, 231 и сл. А. Ѳ. Селивановъ «Матеріалы для исторіи Буртасовъ.»—233. Найденная въ Закасіейской области (близъ Мерва) древняя надгробная плита, помѣщавшаяся на могилѣ принца Шахъ Кумъ Каджирскаго, умершаго въ 1161 г.—235. Сообщение о быстромъ распространеніи православія между калмыками-язычниками и о перемѣнѣ ихъ образа жизни.—239. Найденныя вр. дер. Длутова (близъ Ласка) польскія монеты 1500 г.—244. Развѣтіе иконописи въ слоб. Борисовкѣ Гриворон. у., Курскій губ.

Пержскія Г. В.—73, 75, 77. Положеніе о Казанской научно-промышленной выставкѣ 1890 г. произведеній Волжско-Камскаго края и Востока Россіи, утвержденное г. министромъ финансовъ 30 мая 89 г.—По § 2 Положенія въ научный отдѣлъ выставки между прочимъ войдутъ отдѣленія историко-этнографическое и антрополого-археологическое. Выставка будетъ открыта 1 мая и закрыта 15 сент. 90 г.—78 Отзывъ о I томѣ труда проф. П. Н. Буцинскаго «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ» (изъ «Гражд.»).—

81 Приготовление арьяна у Вотяковъ Глазов. у. (Вят. губ.). Арьянь — самый распространенный напиток у вотяковъ (изъ «Пр. В.»).—
82 Засѣданіе Уральского Общества Любит. Естествознанія 7 окт. 89 г. *И. А.—скаю.*

Исковскія Г. В.—**33, 34.** Продолженіе «Библиографическаго указателя книгъ и статей, относящихся къ Псковской губерніи», начатаго еще въ 1888 году въ №№ 20, 22, 24, 41 и продолженнаго въ 1889 г. въ №№ 12, 13.

Рязанскія Г. В.—**72, 74** и сл. «Древніе акты Воронежскаго дѣвичьяго Покровскаго монастыря».—**73.** *И. Токмаковъ.* «Материалы по археографіи Рязанскаго края, хранившіеся въ Моск. глав. архивѣ Мин. Ин. Д. и его библиотекѣ».

Рязанскія Еп. В.—**15.** Описаніе свящ. с. Ильицына (Зар. у.), *Купрессовымъ*, нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ. Особенно интересны обычаи при сватаньи и поминаньи. Во время свадьбы у невѣсты на столѣ ставится украшенная лентами елка; по угламъ стола вѣшаются полотенца; дѣвушки сидятъ и вышиваютъ ихъ. Пріѣзжаетъ женихъ и обыкновенно даритъ невѣстѣ 2 круглыхъ пирога, два куска говядины, два пшонника, штофъ водки, башмаки, чулки, шаль, поясъ, зеркало, серьги и мыло. Женихова родня обращается къ сидящимъ за столомъ дѣвушкамъ съ вопросомъ: «что это сидитъ за родня?»—«Подружки», отвѣчаютъ дѣвушки, «вышиваютъ полотенца, всё онѣ съ краснымъ товаромъ», и на вопросъ, продается ли ихъ товаръ, отвѣчаютъ: «Положите намъ на 4 угла 4 рубля, а серединку осеребрите». Женихова родня кладетъ по угламъ 4 мѣдныхъ монеты, а на середину стола серебряную, а женихъ выкладываетъ свои подарки невѣстѣ. Невѣста беретъ жениха за руку и ведетъ въ другую комнату, гдѣ даритъ ему рубашку, шаровары, шарфъ, платокъ, перчатки и полотенце; дѣвушки съ пѣснями сопровождаютъ ихъ. Въ день свадьбы пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты женихъ и дружка. Дружка торгуетъ невѣсту у ея крестнаго отца, брата и сестры и угощаетъ ихъ. Во время торго женщины поютъ: «торгуйся, братецъ, торгуйся, не отдавай меня дешево, проси за меня 100 руб., за мою косыньку 1000, за мою красу смѣту нѣтъ. Братецъ поломайся, братецъ постарайся!» Когда же братъ уступаетъ, поютъ: «Брату мила сестра, а золото еще милѣе. Ой, братику татаринъ, продалъ сестру за талеръ, русу косу за полтину, бѣло личико отдалъ такъ». Затѣмъ, послѣ угощенія, ѣдутъ въ церковь.—Въ 40-й день по смерти покойника выходятъ на дворъ и тамъ оплакиваютъ его, думая, что въ этотъ день покойникъ стоитъ на дворѣ, не смѣя войти въ избу. Сообщается также слѣдующее суевѣрье: если во время крестнаго хода за пасхальной утреней прійти на могилу родныхъ, взять яйцо и покатить по могилѣ со словами: «Христось воскресе», то изъ мо-

гилы послышится: «Вѣстину воскресе», или если во время пасх. за утр. прійти въ хлѣвъ, то можно увидѣть домового.—19. Перепечатано изъ журн. «Вѣра и разумъ» сообщеніе о новой сектѣ, появившейся въ сл. Ясиной, Богодуховск. уѣзда, которая по сущности своего ученія представляетъ подобіе древнихъ гностическихъ сектъ.—21. Сообщеніе о распространеніи въ ревелскомъ уѣздѣ новой секты «читающихихъ».—С. Апоничици (Зар. у.). Послѣ вѣнчанія новобрачныхъ встрѣчаютъ въ домѣ жениха съ хлѣбомъ, заранѣе надрѣзаннымъ и переламываютъ его надъ ихъ головами.—22. Описаніе с. Курова (Зар. у.). Сообщ. нѣкоторые мѣстн. обычаи.

Сибирскій Вѣстникъ. 111—112. *Акрытыкъ*. Чашевито (о киргизахъ).—113. Н. М. Пржевальскій (извлеченіе изъ рѣчи преподавателя гимназіи В. П. Щепетова, читанной имъ на годич. актѣ муж. гимназіи). Библиограф. замѣтка о «Художественно-этнографическихъ рисункахъ Сибири», издаваемыхъ въ Томскѣ П. Кошаровымъ.—115. О путешествіи Н. Ѳ. Катанова (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ самимъ путешественникомъ).—118. *Всеволодъ С.* Библиограф. замѣтка объ антрополого-этнологическомъ очеркѣ Алексѣя Харузина—«Киргизы Букеевской орды».—120. Иноходець. Положеніе инородческаго населенія въ с. Усть-Абаганскомъ, Минусинскаго округа.—122. *Акрытыкъ*. Копкэрэ (о киргизахъ).—123. Библ. замѣтка объ изслѣдованіи проф. харьк. универс. Буцинскаго: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“.

Сжоленскія Еп. В.—16, 17 и 18. Свящ. *Яблонскій*. Историко-стат. опис. с. Ларина Вяз. у.

Сѣверный Кавказъ—75, 77 и 85. *Гр. П—въ*. Въ горахъ и ущельяхъ близъ Кисловодска. Статьи представляютъ путевыя впечатлѣнія.

Тамбовскія Г. В.—66. Содержаніе документа, видѣннаго Д. И. Эварницкимъ въ Екатеринослав. губ. и представляющаго собой какъ бы завѣщаніе 40 казаковъ, зарывшихъ 27 милліоновъ въ 80 вер. отъ Херсона, близъ д. Одаренкова! Завѣщаніе относится къ 1724 г.—67. «Цыгану не грѣхъ божиться», народ. сказаніе Моршанскаго у. Это интересное сказаніе возводитъ право цыганъ божиться ко времени распятія Христа, когда утаивъ изъ жалости 5-й гвоздь, предназначенный для груди Христа, цыганъ сталъ божиться, что уже отдалъ гвоздь и онъ уже вбитъ. Случайно съвшая на грудь Христа муха была принята воинами за гвоздь и цыганъ съ потомками искупилъ грѣхъ родичей въ обманѣ и божбѣ.—73. „Застольные обычаи“ (изъ Харьк. Г. В.).—С. О. «Св. Ильи Надѣлищій». Авторъ говоритъ о значеніи, придаваемомъ рус. народомъ этому святому и обрядахъ, сопровождающихъ его праздникъ.—93. Содержаніе сообщенія *И. И. Дубасова* о „Тамбовскихъ перелетахъ“, т. е. бѣглыхъ лю-

дяхъ XVII и нач. XVIII в. Сообщеніе это напечатано въ „Историч. Вѣст.“, августъ 89 г.—125. II. *Падучевъ* „Новыя деревенскія пѣсни“. Авторъ жадуется на новыя вѣянія въ народн. поэзіи Козловскаго у. Тамб. г. Пѣсни принимаютъ характеръ забубеннаго разгула и франтовства. „Прибаски“, или плясовые пѣсни сопровождаются ухарскими „ихъ! ахъ! трахъ, тарарахъ!“ Приведено нѣск. пѣсенъ. (Интересующіеся могутъ сравнить ст. Глѣба Успенскаго. „Новыя народныя пѣсни“—въ Рус. Вѣд.“; рецен. и краткое содержаніе во 2-й кн. „Этнограф. Обзор.“ 215.).

Тобольскія Г. В. 38. К. Г. Объ увозѣ киргизами въ плѣнъ русскихъ людей и объ угонѣ ими скота.

Томскія Г. В.—2—13. А. Оксеновъ. Сибирь до эпохи Ермака, по свѣдѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ (1245—1578 гг.). Въ очеркѣ этомъ приводятся извѣстія о сѣверной Азій слѣдующихъ западно-европейскихъ путешественниковъ и писателей: *Илано-Карпини* (путешествовалъ въ 1245 г.), *Марко Поло* (съ 1254 или 1255 до 1295 г.), *Шилтбергера* (1394—1427), *Матѣя Мѣховскаго* (сочиненіе его появилось въ 1517 г.), *Альберта Кампензе* (сочиненіе его относится къ 1523 или 24 г.), *Павла Ювія* (свѣдѣнія о Сибири получены имъ въ 1525 г.), *Сизимунда Герберштейна* (былъ въ Московіи въ 1517 и 1526 гг.), *Рафаэля Барберини* (путешествовалъ въ Московію въ 1565 г.) и *Александра Гваньини* (сочиненіе его появилось въ 1578 г.). Г. Оксеновъ ограничивается въ своемъ очеркѣ почти только однимъ извлеченіемъ свѣдѣній изъ сочиненій названныхъ писателей, дѣлая при этомъ комментаріи только общаго характера. Изъ сдѣланнаго авторомъ обзора свѣдѣній зап.-европейскихъ писателей и путешественниковъ о сѣв. Азій видно, что русскіе и зап. Европа до послѣдней четверти XVI стол. знали очень немногое о сѣвер. Азій и ея обитателяхъ. При этомъ свѣдѣнія ихъ не только не отличались точностью, но въ большинствѣ случаевъ оказывались даже совершенно баснословными. Только со времени Ермака, начавшаго эпоху русскихъ завоеваній на сѣверо-западъ Азій, эти страны стали выходить изъ мрака и дѣлаться извѣстными любознательному міру.

Томскія Еп. В.—17. Н. Горюшковъ. Сибирское общество прежняго времени въ религіозно-правственномъ отношеніи (фактическія данныя заимствованы авторомъ изъ ст. С. Серафимовича «Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири»).—18—19. М. М. Пчеловодство, какъ занятіе для духовенства Томской епархіи.—20—21. *Гордый Черкасовъ*. Бесѣда въ дер. Запльвиной, Барн. окр., съ защитникомъ ученія о перекрещиваніи И. С. Макаровымъ.— *Протоиерей В. Вербицкій*. Обзорніе становъ Алтайской дух. миссіи въ 1889 г.

Туркестанскія Вѣд.—11. А. Проневскій. Покрывала мусуль-

манскихъ женщинъ (пер. изъ *Revue Scientifique* ст. Генриха д'Эстре «*Le voile des musulmanes*»).—32. В. *Наумкинъ*. Школа у туземцевъ Средней Азій.—33. О. III. Отъ Орска до Казалинска (о киргизахъ).—33—33. Z. Женщина въ кочевомъ быту.—38—40. Н. *Аристовъ*. Западный Туркестанъ въ VII столѣтїи, по описанію китайскаго путешественника Авторъ пользуется для своихъ замѣтокъ двумя сочиненіями Сюань-Цзана, совершившаго въ 629—646 гг. путешествіе по зап. Туркестану: «Датханъ-си-ай-цаи» (записки о зап. странахъ времени Тханской династіи) и «Сюань-Цзанъ-Чуань»—біографія (автобіографія?) Сюань-Цзана. Оба сочиненія переведены на франц. яз. извѣстнымъ синологомъ Ст. Жюльеномъ, первое подъ заглавіемъ: «*Memoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-Thsang. Paris, 1857—58*», второе—«*Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde. Paris, 1853*». Значительный этнографическій интересъ въ этихъ замѣткахъ представляютъ собою свѣдѣнія о религіи въ западномъ Туркестанѣ и о тугюсцахъ, древнихъ властителей Туркестана.—42—43. О. III. Отъ Орска до Казалинска (окончаніе этнографическихъ набросковъ о киргизахъ).

Уфимскія Г. В.—1, 2, 3, 6, 7, 10, 14, 21, 22, 25, 29, 31, 32, 34, 36.—Этнограф. очерки русскаго населенія Уфимской губ. въ его народномъ быту, обрядахъ, обычаяхъ и проч. М. *Колесникова*. Эти очерки начались печатаніемъ еще въ 1888 г. и еще не кончены. Содержаніе помѣщенныхъ въ этомъ году: крест. свадьбы, родины, крестины, хороводы, игры, пѣсни, праздники (семигъ, Тройпинъ день, проводы весны, кузьминки (1 ноября), дѣтскія игры, лѣчебникъ крестьянъ, святочные гаданія. «Очерки», отличаясь почти полнымъ отсутствіемъ мѣстнаго колорита, могутъ имѣть значеніе только для опредѣленія, такъ сказать, территориальнаго распространенія извѣстныхъ великорусскихъ обычаевъ, обрядностей, пѣсенъ и т. п.—4, 5 и 6. Ф. *Нефедовъ* «Археологич. значеніе Оренбургскаго края».—23 и 24. А. Ф. *Комовъ* «Памятники старины въ среднѣй сѣверной половинѣ Бирскаго у.»—37—39, 41, 43. А. Ф. *Комовъ*. «Черемисы и Вотяки средины сѣверной половинѣ (второй станъ) Бирскаго у.» Имя своимъ содержаніемъ историч. замѣтку о расселеніи Черемисъ, описаніе жилищъ, одежды, характера, религіозныхъ моленій Черемисъ, краткій перечень боговъ, свадьбу, похороны, эта статья все же даетъ мало новаго послѣ трудовъ Веске и Смирнова.

Харьковскія Г. В.—151 Сообщение объ открытіи въ Спартѣ могилы царя, жившаго за 1600—1800 л. до Р. X.—Ст. «Донстори-ческие работники»; въ этой статьѣ описывается часть этнографическаго отдѣла на всеи. Парижской выставкѣ въ Palais des arts liberaux.—152 Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ I-й кн. журнала «Вѣра и Ра-

зумъ», гдѣ, между прочимъ, помѣщена ст. г. Корсунскаго „Судьба идеи о Богѣ въ исторіи религіозно философскаго міросозерцанія др. Греція“.—Сообщеніе объ открытіи въ Киевѣ фресокъ временъ Ярослава Мудр. (изъ «Киев.»).—155 Краткое описаніе вновь открытаго харьковскаго музея рѣдкостей и древностей, имѣющаго и довольно обширный этнограф. отдѣлъ.—158 Сообщеніе объ открытіи Гарлезомъ самаго древняго ритуала Китая.—160 «День Ивана Купала». Незвѣстный авторъ этой замѣтки, пользуясь отчасти статьей г. Дворжицкаго-Богдановича, передаетъ древнее и современное празднованіе этого дня и старается разяснить причины появленія приуроченныхъ къ нему вѣрованій.—162 «Застольные обычаи» — краткая замѣтка, посвященная нѣкоторымъ фактамъ изъ исторіи застольнаго этикета.—169 Сообщеніе о чтеніи въ засѣданіи Отдѣла Этнографіи Имп. О-ва Л. Е., А. и Э. доклада В. Н. Святъ «о черпичкахъ» (этотъ докладъ напечатанъ въ кн. 1 «Этнограф. Обзорнія»).—174 Краткія свѣдѣнія о найденной въ Динабургѣ коллекціи древнихъ монетъ съ Р. Х. до Наполеона III.—180 Въ корресп. изъ Симферополя сообщается о раскопкахъ г. Костюшко близъ Херсон. монастыря.—181 Извѣщеніе о выходѣ июльской кн. жур. „Вѣра и Разумъ“ съ перечисленіемъ входящихъ въ нее статей.—„Исторія жилища“, подъ этимъ заглавіемъ кратко описывается часть этнограф. отдѣла на всем. Париж. выставкѣ, извѣстная подъ названіемъ „Histoire des habitations“.—182 Сообщеніе о раскопкахъ бливъ Мухета.—186 Извѣстіе о полученіи харьков. музеемъ образцовъ гончарныхъ и гипсовыхъ кустарныхъ издѣлій.—190 Г. Базилевскій и его коллекція античныхъ вещей въ Парижѣ (изъ «Нови»).—193 Помѣщено объявленіе отъ Историко-филолог. Общества при харьк. унив., изъ котораго видно, что Общество задается цѣлямъ собиранія и этнограф. матеріала.—196 Краткая замѣтка о раскопкахъ археолога Эдуарда Навилля въ Египтѣ.—197 Сообщеніе содержанія второй июльской кн. Журн. „Вѣра и Разумъ“.—Выдержка изъ сообщенія проф. Вирхова о новыхъ раскопкахъ въ Закавказскомъ краѣ (Вѣнскаго антропологич. конгрессъ).—199 Найденныя подъ Киевомъ монеты XVII в.—202 Ворресп. изъ Бяхты о географ. экспедиціи Н. М. Ядринцева.—207 О выставленной въ Парижѣ серіи дощечекъ, недавно найденныхъ въ Некрополѣ (Средній Египетъ) и принадлежащихъ, по мнѣнію египтолога Маснеро, къ роду живописи, извѣстному подъ именемъ энкаустики.—211 Извѣстіе объ опредѣленіи клада, найденнаго близъ с. Горокъ Спасскаго у. и присланнаго въ Имп. археологич. комиссію; онъ состоитъ изъ золотыхъ ордынскихъ монетъ 700—764 гг. Всѣхъ монетъ 185.—Въ корресп. изъ Вани Кутаисской губ. сообщается о крупной археологич. находкѣ: найдено цѣлое зданіе на глубинѣ 1¹/₂ арш. „Полагають, что здѣсь была стоянка Грековъ еще до—христи-

анской эры".—212 Небольшая выписка изъ статьи г. Сорокина „Природа и человекъ въ средней Азіи“ (Истор. В., августъ).—219 Замѣтка о замѣщеніи кафедръ географіи, этнографіи и антропологіи въ нашихъ университетахъ.—220 Печальное положеніе кустарей, почти всегда попадающихъ подъ власть кулаковъ.—0 присланныхъ въ Имп. Археолог. Коммиссію монетахъ, найденныхъ близъ Ростова.—223 Обращеніе Имп. Моск. Археологич. Общ. къ другимъ археолог. обществамъ и статист. комитетамъ съ просьбой о присылкѣ матеріала для составленія археолог. карты Россіи.—225 Замѣтки о выходѣ 2-й августовской книжки журн. „Вѣра и Разумъ“, гдѣ между прочимъ помѣщена ст. А. Бѣльева „Характеристика археологіи“.—231 Сообщение о найденныхъ при раскопкахъ въ Херсонесѣ стѣнахъ явч. храма съ гробницей.—233 Замѣтка объ инструментахъ и музыкальности крестьянъ Смоленской губ. (изъ „Н. Вр.“).—235. Обь экспедиціи г. Ядринцева въ предѣлы Монголіи.—237 Рецен. на „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ проф. П. Н. Будинскаго.—204. О проѣздѣ черезъ Петербургъ франц. путешественника Жоржа де-Саверни, въ теченіе пяти лѣтъ изслѣдовавшаго Индію, Афганистанъ, Бухару, Туркеставъ, Амуръ и Сибирь вообще. Богатую собранную имъ этнограф. коллекцію онъ намѣренъ принести въ даръ Парижскому музею.—242. Изложеніе описанной г. Ивановскимъ смертной казни въ Китаѣ (изъ „Рус. В.“).—244. Результаты раскопокъ г. Завитневича въ Мозырскомъ у. (изъ „Вилен. Вѣст.“).—249. Перечисленіе сочиненій, удостоенныхъ Академіей Наукъ Уваровской преміи (г. Мочульскаго „Историко-литерат. анализъ стиха о Голубиной Книгѣ“ и г. Платонова, «Древ.-русскія сказанія XVII в., какъ историч. источникъ»).—251. Случай въ одномъ изъ селеній Кутаисской губ., гдѣ домашніе, во избѣжаніе зараженія, вынесли большую чахоткой въ поле и, по прошествіи нѣкотораго времени, привели ее въ безчувственное состояніе, предали землѣ.—250. Извѣщеніе де-Моргана о кольцахъ-монетахъ (найденныхъ при раскопкахъ въ Русской Арменіи), представляющій собой ассирійскія шѣры вѣса.—253. Сообщение о 2-й сентябр. кн. журн. «Вѣра и Разумъ» (прод. ст. А. Бѣльева «Характеристика археологіи»).—0 появившейся на Кавказѣ въ Джебраилскомъ у. магометанской сектѣ *аллахановъ*, признающей Али богомъ.—255. Проекты основанія въ болѣе вначит. городахъ историческихъ музеевъ.—256. Въ Аквида-дельи-Абруцци въ Италіи издается 2-хъ-недѣльный журналъ *Alaudae* (жаворонки), гдѣ между прочимъ помѣщаются описанія Апеннинскихъ странъ и людей.—Изъ Сердобскаго у. Саратов. губ. сообщаютъ о найденномъ въ Трескинской вол. кладѣ (старинная деревянная колесная ступица, заключавшая въ себѣ старинныя золотыя и серебр. монеты).—263. Отчетъ о засѣданіи Ист.-Филолог. Общества, въ которомъ г. Сави-

новымъ сдѣлано сообщеніе о нѣсколькихъ народ. этимологич. сказаніяхъ.—265. Сообщеніе объ избраніи проф. Сумцова дѣйств. членомъ И. О. Л. Е., А. и 9.—266. Извѣщеніе о выходѣ окт. кн. журн. „Вѣра и Разумъ“.—270. Замѣтка о доставленныхъ г. Зарѣпкинъ въ Моск. музей коллекціяхъ свяскихъ вещей.—Интересный разсказъ изъ крест. жизни о томъ, какъ сынъ, желая завоевать любовь отца, укралъ у него деньги, тайлъ ихъ, отказываясь вернуть, пока отецъ не полюбитъ его.—271. Случай самосуда надъ конокрадомъ.—Раскопки въ Вавилонѣ и открытіе др. г. Нипура съ храмомъ Ваала (изъ „Рус. В.“).—272. О передачѣ преміи Сибирякова за сочиненія по изслѣдованію Сибири.—274. Представленіе г. Сабо проекта музея съ входящими въ него отдѣлами кустарнымъ и этнографическимъ.—Вышедшія описанія коллекцій рукописей и монетъ, находящихся при Институтѣ Вост. языковъ Мин. Ин. Дѣлъ.—Поиски клада.—277. замѣтка о поѣздѣ г. Истомина въ сѣв. губерніи и привезенныхъ имъ образцахъ одежды и утвари зырянъ.—278. Народная медицина; замѣтки о дѣйствительности средства противъ якоты.—281. Письмо одного изъ мелкихъ деревен. торгашей Моск. губ. Въ этомъ письмѣ описывается, какъ жива въ народѣ потребность чтенія и какъ авторъ письма устроилъ у себя нѣчто въ родѣ библиотеки, давая книжки для прочтенія по 1 к. въ сутки.—Тульскіе кустари стали готовить фортепіанныя принадлежности, привозившіяся прежде изъ заграницы.—282. Замѣтка о выходѣ 2 й окт. книжки журн. „Вѣра и Разумъ“ съ перечисленіемъ помѣщенныхъ въ ней статей.—О выходѣ отд. изданіемъ книги проф. Д. И. Богалъя «Колонизація Новорос. края и первые его шаги по пути культуры».—284. Объ открытои въ м. Больганѣ Подольск. г., Ольгопольск. у. „до-историческомъ кладбищѣ“ и подобномъ ему кладбищѣ въ м. Качаловцѣ Ямпольск. у.—284. Замѣтка о появившемся въ „Нов. Об.“ сообщеніи о нравахъ духоборовъ с. Башкигетъ Борчалин. у.—292. Отчетъ о читанномъ въ засѣданіи Ист.-Филол. Общ. рефератѣ А. Я. Ефименко „О дворичномъ землевладѣніи въ Южн. Россіи“ (преобладаніе у сябровъ договорнаго, а не кровнаго начала, отсутствіе общины). Рефератъ вызванъ ст. г. Лучицкаго „Сябры и сябр. землевладѣніе“.—293. Замѣтка о рѣчи пр. Корсакова „Объ историч. значеніи поступат. движенія великорус. племени на Востокъ“.

Якутскія Еп. В.—1—15. Путевыя записки, въ которыхъ кратко описываются: обстановка юрты якутовъ, костюмъ и пища ихъ, ѣзда на оленяхъ, домашній бытъ, нравственность якутовъ, отношеніе ихъ къ рус. администраціи, „варварское обращеніе“ съ животными, суевѣрія и пр.—6—7. Ч—о. Трагическая смерть чукчей-фанатиковъ. Обрядовая сторона этого страшнаго обычая, —пишетъ авторъ,—одинакова у чукчей шелагскихъ, чаунскихъ, носовыхъ и та-

бунныхъ. Побужденіемъ къ самоубійству служитъ вѣра въ загробную жизнь, доходящая до фанатизма, и желаніе носкорѣе повидаться съ умершими родными. Души умершихъ чукчей почитаются покровителями семейства. Различныя несчастія, скорби и болѣзни приписываются вліянію умершихъ, вмѣстѣ съ злыми духами. Въ угоду умершихъ родственниковъ и злыхъ духовъ чукчи жертвуютъ собственною жизнью, особенно во время эпидемій и тяжкихъ несчастій. Чукча, рѣшившій покончить всѣ земныя связи и расчеты, заявляетъ о томъ ближайшимъ родственникамъ, и эта вѣсть скоро сообщается его сосѣдямъ-чукчамъ, юкагирамъ, ламутамъ и русскимъ. Сосѣди и особенно родственники начинаютъ уговаривать фанатика, рѣшившагося окончить жизнь преждевременно, отложить задуманное дѣло, не огорчать ихъ. Но всѣ подобныя увѣщанія бесполезны,—фанатикъ, по его убѣжденію, имѣетъ важныя побужденія къ исполненію своего намѣренія: онъ ссылается на сновидѣнія, на жертвовцовъ, которые мучаютъ его, на дьяволовъ и родныхъ, которые являются ему во снѣ и зовутъ къ себѣ. Начинается приготовленіе фанатика къ смерти. Для него готовится новая одежда изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ (пыжиковъ), новыя санки и сбруя для оленей, на которыхъ предпринимается далекое путешествіе въ другой міръ. Все это дѣлается медленно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 10—15 дней. Наступаетъ день, назначенный для его смерти. Собираются родные и сосѣди. Въ присутствіи ихъ обреченный себя на смерть надѣваетъ новое платье и садится въ углу юрты. Орудіе для умерщвленія его находится въ рукахъ ближайшаго родственника. Орудіе въ этомъ случаѣ бываетъ трехъ родовъ: копье, ножъ и ремень. Если онъ желаетъ быть умерщвленъ ножемъ, то двое изъ родныхъ держатъ его за руки, а третій, поставивъ острый ножъ къ лѣвой сторонѣ горла, вонзаетъ его, направляя въ сердце. Если желаетъ быть заколотымъ, то сквозь отверстіе въ стѣнѣ подается ему копье; онъ, направивъ его въ сердце, подаетъ знакъ, чтобы его закололи. Если же фанатикъ желаетъ быть удушеннымъ, то двое родныхъ, обвивъ вокругъ шеи лассовый ремень, тянутъ его въ противоположныя стороны, пока не удушатъ свою жертву. Воля чукчи исполнена. Убитаго кладутъ на приготовленные сани, въ полусидячемъ положеніи, и увозятъ на назначенное мѣсто. Здѣсь провожавшіе мертвеца должны разстаться съ нимъ. Олени, на которыхъ онъ привезенъ, закалываются. Съ умершаго снимаютъ одежду, разрѣзываютъ ее на мелкіе куски и оставляютъ, а самого его, связавъ по рукамъ и ногамъ, кладутъ на костеръ и сожигаютъ. Участвовавшіе въ погребальной процессіи, намазавъ лицо и руки кровью умершаго *), обращаются къ нему во время сожи-

*) Всегда ли это? Откуда тогда берется кровь, если чукча былъ задушенъ?
А. И.

ганія съ мольбою и просить не забывать ихъ. Затѣмъ, дождавшись сожженія трупа, когда останется отъ него одинъ пепелъ, развѣзжаются по домамъ... „Этотъ ужасный обычай, унаслѣдованный издревле, погубившій тысячи душъ, соблюдается,—замѣчаетъ авторъ,—до настоящаго времени съ такою же точностью, съ которой соблюдался и до христіанской проповѣди“.

Ярославскія Г. В. 69—71, 73. С. Я. Деруновъ: Село Козьмодемьянское, Щетинской волости, Пошехонскаго у. (продолженіе).—Бракъ и брачные союзы. Обряды при заключеніи брака. Разводъ, расходъ. Вторичный бракъ. Отношенія между супругами. Статья г. Дерунова содержитъ болѣе или менѣе полная свѣдѣнія по указанному отдѣламъ. Изъ явленій мѣстной жизни оказывается интереснымъ между прочимъ, что, по словамъ автора, въ настоящее время замѣчается стремленіе женщины выйти изъ подчиненнаго положенія и стать наравнѣ съ мужчиной. Далѣе интересенъ взглядъ крестьянъ на силу родительскаго проклятія; поэтому поводу авторъ приводитъ преданіе, передающее, какъ непокорный сынъ, проклятый родителями, былъ обращенъ на 7 лѣтъ въ оборотня. Въ общемъ до послѣдняго времени родительская власть была еще очень крѣпка, но за послѣднее время она стала слабѣть, и „мные молодые крестьяне, вмѣсто почитанія родителей, оказываютъ противное, говоря. „стариковъ выгодыи мѣнять на быковъ“.—74, 75 Н. Он—на: Семейные раздѣлы, бобыльство и нищенство въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Какъ на главную причину раздѣловъ авторъ указываетъ на посѣщеніе молодежи Петербурга для отхожихъ промысловъ. Возвращаясь изъ Петербурга, сынъ считаетъ себя выше отца и отказывается его слушаться. Семейные раздѣлы являются главной причиной бобыльства и нищенства. Бобыли—безземельные крестьяне. Нищенство усиливается и переходитъ подчасъ, благодаря выгодамъ, которыя оно представляетъ, въ профессію. Отецъ перѣдко пьянствуетъ, а жена и дѣти собираютъ милостыню, которой и кормится вся семья. 76. А. Г—скаю. Изъ двадцатидвухлѣтней практики волостнаго суда въ Болобановской волости, Рыбинскаго у. Въ этой замѣткѣ авторъ указываетъ на увеличивающееся число дѣлъ разбираемыхъ въ волостномъ судѣ: такъ въ срокъ отъ 1862—1866 разбиралось всего 84 дѣла, отъ 1877—1881 г.—226. Наибольшее число дѣлъ касалось долговыхъ взиманій (243), затѣмъ семейныхъ раздѣловъ и сем. споровъ—184. Дѣлъ о пьянствѣ разбиралось—83, и объ оскорбленіяхъ 72. Всѣхъ дѣлъ за 23 года разбиралось 752, слѣдовательно сличкомъ 64%, касалось упомянутыхъ дѣлъ. Авторъ въ своей замѣткѣ старается объяснить и причины этого явленія.—С. Я. Деруновъ: Село Козьмодемьянское. Отношенія родителей и дѣтей (имущественныя).—79, 80 и 84. Того же: Семья, сем. дѣлежи при жизни отца, распоряженія на

случай смерти. 80, 81 82, 84 в 85. *В. Колесниковъ*: Послѣдствія крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Указывается на вредное вліяніе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ на экономическій бытъ крестьянина.—85. *А. Архангельскій*: Пѣсни и причеты Дмитровскаго прихода, Пошехонскаго у. №—23—27. Предыдущіе №№ пѣсенъ и причетовъ печатались въ Яросл. Г. В. за 1888 г. №№ 46—49, 52, 56 и 66 и въ 1889 въ №№ 9, 10, 18, 30, 51 и 68. *С. Я. Деруновъ*. Село Козьмодемьянское: Семейные дѣлежи по смерти отца или матери.

Примѣч. Окончаніе библиографіи за этотъ годъ будетъ помѣщено въ будущемъ году.

С М Ъ С Ъ.

Къ вопросу о народной медицинѣ.

Нѣкто А. С. обратился письменно въ Этнографическій Отдѣлъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи съ предложеніемъ, не найдетъ ли Отдѣлъ возможнымъ поставить на серьезную почву изученіе народной медицины. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этого письма: „Этнографическій Отдѣлъ давно уже дѣлаетъ доброе и полезное дѣло изслѣдованіемъ мѣстныхъ обычаевъ и условій народнаго быта... Но есть цѣлая область, еще почти нетронутая, но которая могла бы дать для науки очень многое, это—народная медицина. Въ селахъ и деревняхъ существуетъ цѣлое привилегированное сословіе знахарей и знахарокъ, наследственно передающихъ свои знанія; нѣкоторые изъ нихъ настолько выдѣляются, что становятся извѣстны чуть не по всей Россіи. Лѣчатъ они мѣстными травами, заговорами, растираніемъ и т. п. Наши врачи относятся скептически къ этого рода средствамъ и называютъ ихъ шарлатанскими, но сплошь шарлатанствомъ назвать этого нельзя... Народная медицина идетъ тѣмъ же путемъ, что и научная: какъ та, такъ и другая руководится главнымъ образомъ опытомъ, и какъ въ той, такъ и въ другой могутъ быть заблужденія... Правда въ послѣднее время медицинскія средства изучаются и примѣняются на болѣе точномъ основаніи знанія химіи и физиологій; но давно ли это? Замѣчательно, что научная медицина открываетъ новыя средства, которыя точно какимъ-то инстинктомъ угадывалъ народъ. Массажъ сталъ примѣняться врачами недавно, между тѣмъ какъ въ народной медицинѣ онъ употреблялся давно, напр. при вывихахъ, ломотѣ и проч... Изучить народныя сред-

ства съ научной точки зрѣнія, изучить характеръ дѣятельности знахарей и знахарокъ, хотя бы даже въ явно шарлатанскихъ приемахъ, каковы, напр., заговоры; изучить тѣ причины, по которымъ эти люди пользуются вліяніемъ, ихъ быть, отношенія къ пациентамъ,—вотъ главная, хотя и нелегкая задача...“

Вопросъ, затронутый авторомъ записки, безъ сомнѣнія, одинъ изъ весьма важныхъ и интересныхъ вопросовъ народнаго быта, и Этнографическій Отдѣлъ не исключаетъ его изъ области своихъ занятій. Въ изданную Отдѣломъ „Программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній“ 1887 и 1889 гг. внесены нѣкоторые вопросы и по народной медицинѣ (стр. 37 и слѣд.)

Въ I кв. „Этнографич. Обзорнія“ была помѣщена отдѣльная статейка по этому вопросу; въ библиографическомъ отдѣлѣ нашего изданія точно также отмѣчаются относящіяся къ этому факты, и въ программу изданія внесена рубрика по народной медицинѣ. Этого, конечно, недостаточно. Дѣло настолько серьезное, что требуетъ и серьезной постановки, но вмѣстѣ съ тѣмъ это дѣло такое, которое требуетъ и специальныхъ познаній, именно медицинскихъ, какими рѣдко кто изъ этнографовъ обладаетъ. „Здѣсь скорѣе дѣло врача“, совершенно справедливо замѣчаетъ г. А. С., и врачи, имѣющіе ближайшее соприкосновеніе съ простонародьемъ, дѣйствительно болѣе всего могли бы сдѣлать въ этомъ отношеніи безъ особеннаго затрудненія.

Въ газетахъ появилось было извѣстіе о томъ, что петербургскіе врачи подняли вопросъ о собираніи свѣдѣній черезъ сельскихъ учителей и фельдшеровъ о знахаряхъ и знахаркахъ и о народныхъ медицинскихъ средствахъ (см. „Этн. Обзор.“ II, 197), но такъ это извѣстіе и заглохло, и мы не знаемъ, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ въ настоящее время. Народные учителя, священники, фельдшера, фельдшерицы и т. д., не говоря ужъ о врачахъ, безъ сомнѣнія могутъ сообщить весьма цѣнные свѣдѣнія по этому вопросу. Но намъ кажется, что для руководства прежде всего необходима специальная программа. Въ виду этого редакція „Этн. Обзор.“ обращается съ просьбою ко всѣмъ, кто интересуется этимъ дѣломъ, помочь въ составленіи такой программы присылкою тѣхъ вопросныхъ пунктовъ, какіе, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ имѣть въ виду при изслѣдованіи народной медицины. Когда вопросъ будетъ болѣе или менѣе исчерпанъ, тогда можно будетъ приступить къ изданію программы, которая можетъ найти мѣсто на страницахъ „Этногр. Обзорнія“, а кромѣ того войдетъ въ общую этнографическую программу, или же будетъ издана отдѣльно.

Н. Я.

Мелкія этнологическія замѣтки.

1. Къ вопросу о прозваніи Ильи Муромца.

Новѣйшія изслѣдованія по былевому эпосу доказали, что прозваніе богатыря Ильи—„Муромецъ“—сравнительно поздняго происхожденія, что оно—дѣло поздняго приуроченія и осмысленія ничего не говорящей сѣверной Россіи старой формы, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ вариантахъ: *Morowin* (Ляссота), *Murawenin* (Кмита Чернобыльскій), *Муровецъ* (Панкѣвъ), *Муромлянь* (Муровлянъ?)¹⁾. Эту форму сближали съ Муровцемъ, Муровскимъ островомъ на Днѣпрѣ, но можно указать еще нѣсколько личныхъ и топографическихъ именъ²⁾, которыя приводятъ насъ къ этому прозванію Ильи: *Муравскій* шляхъ по водораздѣлу Днѣпра и Дона (Сборникъ лѣтоп., относящ. къ ист. Ю. и З. Руси, Киевъ, 1888, 91, 92; изслѣд. г. Руссова о шляхахъ), воспѣваемая въ одной волинской пѣснѣ рѣка *Муравецъ* (Житецкій, *op. cit.*, 346), львовскій монахъ XVII в. *Murawiec* (Сборникъ лѣт, 242), упоминаемый Длугошемъ *Nicolai Morawiec* (Ioannis Dlugossi Hist. Polon., Francofurti, 1711, т. I, XI, стр. 251 А и 270 В), и въ особенности *Моровскъ* (Черн. губ., Остер. у.)—древній Моривѣйскъ: Александровичъ („Остерскій уѣздъ“, Киевъ 1881, стр. 5, и Багалѣй, *op. cit.*, 145, срв. 52) нашелъ первое упоминаніе о немъ подъ 1139 г., но, несомнѣнно, онъ существовалъ и раньше, такъ какъ подъ этимъ годомъ упоминается не объ его основаніи, а о томъ, что возлѣ него Ярополкъ Владиміровичъ былъ встрѣченъ посольствомъ Всеволода Ольговича. Последнее сближеніе тѣмъ болѣе важно, что въ былинахъ и сказкахъ объ Ильѣ Черниговщина играетъ большую роль. Любопытное указаніе объ Ильѣ даетъ Котляревскій, замѣчательный знатокъ южно русскаго быта прошлаго вѣка, разъяснившій въ своей „Энеидѣ“ массу интересныхъ указаній для исторіи южно-русской культуры. Въ числѣ лубочныхъ картинъ онъ указываетъ и картину такого содержанія:

¹⁾ А. Н. Веселовскій, *Исполнѣн Ілья Муромецъ у Лупса де Бастильо*, Ж. М. Н. Пр. 1883, Юж. р. был., вып. I, 61—64; О. Милеръ, *И. Муромецъ*, 261, 800; Халанекій, *Былины*, 27; Гильердингъ, № 185 и т. д.

²⁾ Новицкій, *Указатель къ вид. врем. ком. для разб. древн. акт.*, т. I, Киевъ, 1878, имела лична, стр. 472—3: *Моравецъ*, *Моранскіе* (Муравскіе), *Морановскіе*, и стр. 479: *Муравецъ*, *Муравицкіе*; т. II, им. геогр., Киевъ, 1883, стр. 517: *островъ Моровинъ*, с. *Моровскъ* (Муравскъ); стр. 527: м. *Муравица*, *Муравскій*, *шляхъ*; стр. 528: *остр. Муравецъ*.

Якъ Муромецъ Илья гуляйе,
 Якъ бѣе половцивъ, проганяйе—
 Якъ Переясливъ боронывъ...

(Дешевая библиотекa, № 84, Энеида Котляревскаго, стр. 123).
 Нѣтъ никакихъ основаній заподозрѣвать достовѣрность этого показанія; желательно было бы, чтобъ южно-руссіе ученые освѣтили это указаніе, очень интересное, но сомнительное для многихъ вслѣдствіе того, что оно стоитъ совершенно одиноко.

2. Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Малорусскія легенды объ Ильѣ Муромцѣ ¹⁾ не всегда совпадаютъ съ великорусскими былинами и сказками объ этомъ богатырѣ въ своихъ подробностяхъ. Анализъ ихъ могъ бы внести, по нашему мнѣнію, много новаго въ разработку русскаго былевого эпоса, но для этого у насъ пока нѣтъ подъ руками надлежащихъ матеріаловъ. Изъ этихъ рассказовъ наиболѣе оригиналенъ рассказъ, напечатанный г. Сумцовымъ: во второй части его Ильѣ (называемый пророкомъ), выступаетъ въ роли разбойника, съ такими чертами, которыя приводятъ насъ къ легендамъ о кровосмѣситель-разбойникѣ; когда онъ послѣ 37-лѣтняго сидѣнія появился въ полѣ, отецъ и мать его умерли со страха. Насколько мы знаемъ, эти черты въ Великороссіи неизвѣстны; онѣ примыкаютъ къ западнымъ сказаніямъ объ Ильѣ пророкѣ, по которымъ онъ убилъ отца и мать и т. д. (А. Н. Веселовскій, Разыск., вып. IV, 264, 326; Schuller, Kolinda, Hermanstadt, 1860, 28; Schott, Wallach. Märchen, 281—2).

3. Къ былинамъ о Соловьѣ-Разбойникѣ.

Въ чудовищномъ образѣ былиннаго Соловьѣ-Разбойника слѣдуетъ, кажется, видѣть рядъ разнообразныхъ и разновременныхъ наслоеній. Имя его есть или искаженіе какого-нибудь непонятаго народомъ имени, или отзвукъ примитивныхъ названій людей именами животныхъ. Если считать былинную и сказочную локализацию мѣстопребыванія Соловьѣ и разбойни-

¹⁾ „Новости“, 1889, № 108; „Елисаветградскій Вѣстникъ“, 1889, № 92; Драгомановъ, Преданія, стр. 248—9; Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 48—57; Трусывичъ, „Киевлянинъ“, 1866, № 6; Trusiewicz, Kwiaty i owoce 247—8; Rplikowski, Zbiór, III, 1879, Dz. Etn., стр. 67—9; de Rochodon, Revue Internationale, 1888, 25 июня (К—И, Киев. Ст., 1888, XII, библ. 74); Петровъ, I. с., 373; Галаховъ, Ист. рус. лит., I (1880), 27; Сумцовъ, Апокрифы, Киев. Ст. 1887, XI, 419—420.

ковъ (не всегда послѣдовательно выдержанную) дѣломъ позднѣйшихъ измѣненій, то во враждебныхъ „залеганіяхъ дороги“ и столкновеніяхъ Соловья и разбойниковъ съ Ильей можно видѣть повѣстическіе отголоски вражды Полянъ и Сѣверянъ, христіанъ и язычниковъ (припомнимъ, что Соловей возмущаетъ Илью, хвастаясь существующимъ у него въ роду кровосмѣшеніемъ¹⁾; срв. лѣтописную характеристику язычниковъ—Сѣверянъ: *Балалый*, Ист. сѣв. земли, 95—98 и т. д.). Въ Соловьѣ можно подмѣтить отраженія типичнаго сказочнаго змѣя, бортничества, апокрифической птицы Ногой и т. д. По сообщенію С. Н. Маслова въ Орловской губ., *Карачевскомъ* у. есть село „Девять Дубовъ“ и „Соловьевъ Перевозъ“. Желательно было бы, чтобы мѣстные жители возможно полнѣе собрали орловскія преданія о Соловьѣ: только тогда можно будетъ рѣшить, составляютъ ли эти названія отложенія былинныхъ фактовъ, или наоборотъ.

4. Малорусскія пѣсни о Дунаѣ богатырь.

Дунай принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ древне-русскимъ богатырямъ, память о которыхъ до сихъ поръ сохранилась въ Малороссіи. По свидѣтельству Стецаго („Волинь“, Львовъ, 1864, стр. 119) въ одной пѣснѣ, извѣстной въ Украинѣ и на Волини, поется о томъ, „что Дунай Селивановичъ ходилъ въ „рудожелтомъ“ кафтанѣ, носилъ черную шапочку-мурмашку (норманку) и былъ большой мастеръ играть на звончатыхъ гусяхъ. Во время одного хоровода (на jednej zabawie) поправилась ему дочь вдовы; онъ заигралъ перелъ ней, уронилъ свою шапочку-мурмашку, дѣвица подняла ее—и Дунай былъ счастливъ“. Существованіе пѣсенъ о Дунаѣ въ Малороссіи подтверждается Миллеромъ („Малор. нар. думы я Кобзарь О. Вересай“, Древн. и Нов. Рос., 1875, IV, стр. 352), г. Драгомановымъ („Къ вопросу о слѣдахъ великор. богатыр. эпоса въ Малор.“, ib. IX, 96) и г. Петровымъ („Слѣды сѣв. рус. был. эпоса въ юж. рус. нар. лит.“, „Труды Кіев. Дух. Акад.“, 1878, V, стр. 381—381). Вѣроятно, Дунай этихъ пѣсенъ и „Дуньче-козаче“ пѣсни, помѣщенной у П. И. Жптецаго (Очеркъ звук. ист. малор. нарѣчія, стр. 310)—одно и то же, хотя, можетъ быть, „Дуньче-козаче“—искаженіе „донской козакъ“. Великорусская хороводная пѣсня о Дунаѣ помѣщена у г. Пальчикова („Крестьянскія пѣсни“, № 15) и у др.

1) Замѣчательное совпаденіе въ данномъ случаѣ представляютъ древне-греческія преданія объ Эолѣ: „tu (Aiolu) kai dōdeka paides eni megarois gegnasin, hex men thygateres, hex d'hyiees hēbōontes enth' hōge thygateras poren hyiasin einai akoitis“ (Odys X, 5—7).

5. *Тугаринъ.*

Въ литературѣ принято считать это имя искаженіемъ слова Тугорканъ. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ сближеніе его съ туганить=обижать, гнести, угнетать, придираяться, неволить, нудить, силовать, или съ тугурить=чутко, внимательно остерегаться, бдительно стеречь (толковый словарь Даля)—вообще съ общеславянскимъ корнемъ туг. Кромѣ Звѣя Тугарина (=насилъника?) или Тугарина Змѣевича, встрѣчается въ сказкахъ Федоръ Тугаринъ, врядъ ли имѣющій что-нибудь общее съ Тугорканомъ. Морошкинъ (Слав. именословъ, СПб, 1867, стр. 195) указываетъ нѣсколько славянскихъ именъ отъ корня туг (Туганинъ, Туганъ и т. д.); г. Новицкій (Указ., имена личныя, т. I, Кіевъ, 1878, стр. 719) упоминаетъ мурзу Тугай-бея. Въ виду этого сближеніе Тугарина съ Тугорканомъ кажется намъ очень сомнительнымъ; вѣроятнѣе всего, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нарицательнымъ именемъ, которое вслѣдствіе забвенія его первоначальнаго значенія сочтено было за имя собственное.

6. *Къ пѣснямъ и былинамъ о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ.*

Г. Кавдинскій въ своей статьѣ: „Матеріалы по этн. сысолевскихъ и вычегодскихъ Зырянъ“ приводитъ, со словъ одного старика, любопытное извѣстіе о томъ, что Чурило былъ древнимъ главнымъ богомъ чуди (Этн. Об. III, 105; отсюда—чурка, незаконнорожденный ребенокъ, выраженіе: чурки буди энъ во мзясь—не испортись). Это не единственный случай обоготворенія инородцами воспѣтыхъ въ былинахъ богатырей: чуваша знаютъ Илью—бога, о которомъ они рассказываютъ то же, что русскія былины и сказки объ Ильѣ Муромцѣ (А. Н. Веселовскій, Разыск. въ обл. р. дух. ст., вып IV, 351—2 со ссылкой на „Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры“ Магнитскаго 29, 251—3). Распространенность въ славянскихъ языкахъ корня чур., характеръ и исторія сказаній о Чурилѣ и т. д. врядъ-ли допускаютъ возможность заимствованія русскими Чурила отъ инородцевъ, хотя, быть можетъ, внимательный анализъ, для котораго пока очень мало матеріала, и откроетъ въ русскихъ сказаніяхъ о Чурилѣ нѣкоторыя инородческія черты, какъ и въ сказаніяхъ объ Ильѣ и т. д. Для выясненія генезиса сказаній о Чурилѣ имѣютъ громадное значеніе малорусскія пѣсни о Журилѣ-Чурилѣ-Цюрилѣ, до сихъ поръ еще очень мало изученныя (П. И. Житецкій, Очеркъ звук. ист., 317—8; Жегота Паули, гал. пѣсни, II, 149—150; Ант. и Драг., Ист.

пѣсни, I, 54—5; Чубинскій, IV, 539; Петровъ, I, с., 387; Дашкевичъ, Былины, Киев. Унив. Изв., 1883, май, 249—250; *Dzieła znakomitych pisarzy krajowych*, т. I. Lwów, 1857, przypis do str 39—pisma Дунина-Ворковскаго; Несецкій, *Korona Polska*, I, 388—9; Балинскій и Липинскій, *Starożytna Polska*, II, 1375; Костомаровъ, Ист. поэзія и нов. ея мат., Вѣст. Европы, 1874, XII, 593—4; Kolberg, *Pokucie*, I, 176; Соколовъ, Солнечные боги ¹⁾. Отгладывая подробный разборъ этихъ пѣсней до другого раза, отмѣчу нѣкоторыя ихъ любопытныя черты. Эти пѣсни привязываются то къ веснѣ и весеннимъ играмъ, то къ свадьбамъ: фактъ, вполне объясняемый исторіей брака, которая на каждомъ шагу констатируетъ постоянный обмѣнъ между весенними и свадебными пѣснями. Несомнѣнно, что первоначально эти пѣсни были только весеннія; это ясно видно изъ ихъ характера. Ксения (в. Дженджурыха?), которая въ большинствѣ этихъ пѣсней упоминается рядомъ съ Чуриломъ, по всей вѣроятности=księni галицкихъ весеннихъ игръ брачнаго характера (*Pauli, Pieśni ludu polskiego w Galicyi, Lwów, 1837*, стр. 13; *Szablewska, Wesele i krzywy taniec i ludu guskiego w okolicy Zbarażu, Zbiór, VII, 1883, Dz. etn., 132—3*), т. е. аббатисса, игуменья (срв. игуменья Чурилья въ былинахъ), настоятельница женскаго монастыря ²⁾. Во время этихъ игръ дѣвушки часто выбираютъ себѣ предводительницъ съ названіями: королева, царица, княжна, старостиха и т. д. (очень вѣроятно, отголосокъ примитивныхъ клеббергалей и дувній; см. ст. Чернышова, Киев. Ст., 1887, XI, 491—505; Зиберъ Еще о братствахъ, Слово, 1881, I и Очерки прим. экон. культ., 277—296, 311 слѣд.). Księni—одинъ изъ вариантовъ такихъ названій. Въ представленіяхъ о Księni, какъ и о Журилѣ—Чурилѣ, легко подмѣтитъ смѣшеніе историко-бытовыхъ и мифологическихъ элементовъ (брачный характеръ—и оплодотвореніе земли); изучать ихъ, конечно, только и можно въ связи съ весенними и свадебными обрядами.

Извѣстный эпизодъ о неудачномъ романѣ Чурилы съ Катериной и Ваньки ключника съ княгиней Волхонской, разобранный отчасти А. Н. Веселовскимъ (Юж. был., т. II, стр. 101 слѣд.) находитъ себѣ полную параллель въ малорусскихъ, польскихъ и белорусскихъ пѣсняхъ о Петрусь, львоскомъ кравчигѣ и т. д. ³⁾.

¹⁾ Указаніе П. Н. Милякова.

²⁾ Польское слово, употребляемое и галицкими русинами.

³⁾ *Zbiór, VIII, 1884, Dz. Etn. стр. 73, VII, 1883, стр. 171 и X, 194; срв. Sbornik и т. д., II, стр. 98—9; Kolberg, Pokucie II, стр. 47—50, срв.*

Длугошъ (Ioannis Dlugossi seu Longin. Hist. Polon. libri XII, Lipsiae, 1711, т. I, lib. X, стр. 50, подъ 1381 г.; срв. „Висла“. 1889, I, стр. 4) сообщаетъ подобный разсказъ о „Semovitus totius tunc Mazoviae p̄ncipis dux“. Конечно, такія исторіи могли часто случаться и обращаться на себя вниманіе народа; сопоставленіе пѣсенъ, воспѣвшихъ такія трагическія катастрофы, можетъ быть интересно съ той точки зрѣнія, что очень часто старыя, сложившіяся по другому поводу пѣсни приравниваются народомъ къ событіямъ болѣе позднимъ—и измѣняются въ такомъ случаѣ только имена и мелкія подробности.

7. Журъ.

Г. Сумцовъ въ своихъ статьяхъ: „Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ“ (Кіев. Ст. 1885, VII, 417 слѣд. и отд. отт., Кіевъ. 1885, 1—14) и „Культурныя переживанія“ (ib. 1889, VII, № 47, стр. 43—4) производятъ малорусскаго Журила (Чурило, Цюрило) отъ слова журъ-кисель, хлѣбное кушанье. Откладывая разборъ этой теории до другого, болѣе удобнаго раза, считаю нелишнимъ пополнить приведенныя г. Сумцовымъ данныя, которыя я объясняю себѣ въ совершенно иной связи и которыя имѣютъ интересъ сами по себѣ, безъ отношенія къ былинному Чурилу. По словамъ Новосельскаго (Lud ukr., I, 241) „еще недавно богомольцы разсказывали, что какой-то маляръ (соб. *parodowy artysta*)... нарисовалъ на стѣнѣ одного изъ кіевскихъ монастырей фигуры двухъ постыныхъ кушаній малорусскихъ—Жура и Кваши. Журъ, плотный казакъ, „*zagzucił wyloty, zamotał za ucho potężny ozeledec, pokręcał wosą i zdaje się, że zuch ten mruga brwiami na przechodzące tamtędy dziewczki i młodocę*“. Кваша же, старая, неопрятная, грязная баба, сморщилась, „*zasliniła się*“ такъ, что смотрѣть на нее гадко,—кажется, что „скибками“ даже не взялъ бы ее“. Г. Gloger (Skarbczyk, Zwyszczaje drogoczne, Warsz. 1882, стр. 7) приводитъ польскую пѣсню о Журѣ—панѣ Журавскомъ въ видѣ, отличномъ отъ пѣсенъ, напечатанныхъ Кольбергомъ (Lud, V, 270—1), которыми руководствовался г. Сумцовъ при своихъ сближеніяхъ. „Плѣнь“ (отъ польскаго

51—2; Lud, I, 84—114; XII, № 431; Вацлавъ въ Олеска, I, 514, срв. 483; Чтенія, 1863, III, 57—62; срв. 70; Житєцкіѣ. I. с. 311, 316. 320; Костомаровъ, Вол. пѣсни, 201; Чубинскій, Трудъ V, 64, 670—2, 1017; 1068, 1071; Головацкіѣ, I, 62—4; Шейнъ, Мат. 430—431; Дмитріевъ, Опытъ, 28—29; Карпенко, Василья. соловей. 158—9; Kolberg, Pieśni ludu polak, 1857, I, 84—115, 303—4; Lipiński, Pieśni, ludu wielkop., 179; Wójcicki, Pieśni, 69, 147; Рапли, польск. пѣс., 98; Wasilewski, Jagodne, стр. 194—6, и т. д.

рлоп, урожай, обиліе), съ которымъ г. Сумцовъ сближаетъ отчество Чурилъ—Пленковичъ, встрѣчается не только въ польской пѣснѣ, съ которой г. Сумцовъ познакомился по статьѣ Срезневскаго (Маякъ, 1843, XI, 53), но и во многихъ другихъ польскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ пѣсняхъ (см. „Висла“, 1889, стр. 518; Головацкій, Пѣсни, IV, стр. 191—2, 200—1; Козловскій, Lud, Warsz. 1867, стр. 204—5; Gloger, Zwycz, dorocz., стр. 31—8; Zbiór, VIII (1884), Dz. etn., стр. 72, № 18, Вацлавъ въ Олеска. Гал. пѣсни, стр. 56; Шейнъ, Матеріалы, стр. 266, 270; Pauli, малор. пѣсни, стр. 51 и т. д.). Сходно съ польскимъ сербское плен—множество, обиліе.

8. Къ Бѣлорусскому народному смотолокователю г. Романова.

„Бѣлорусскій народный смотолокователь“ г. Романова, напечатанный въ настоящей книгѣ „Этнографическаго Обозрѣнія“, представляетъ довольно цѣнный матеріалъ для народной символики и вообще для исторіи народныхъ повѣрій, легендъ и т. д. Не входя въ подробный разборъ его, отмѣтимъ нѣсколько небезынтересныхъ частности.

„Луну ясную (видѣть)...ничѣго, добро... Заходъ луны видѣть—смерть табѣ буда“ (стр. 57). Это толкованіе сна примыкаетъ, конечно, къ цѣлому ряду легендъ, трактующихъ о вліяніи луны на человѣческую жизнь. По словамъ латышской сказки (В. Э. Миллеръ, Сборникъ мат. по этн., II 11), однажды мѣсяць сказалъ солнышку: „что ты такъ чваниться, что согрѣваешь весь свѣтъ? Я вѣдь дѣлаю еще больше: я рождаю, выращиваю, содержу и умерщвляю. На меня всѣ смотрятъ; да примѣчаютъ: старикъ, идя ночью по дорогѣ, посмотритъ на меня, опершись на свою палку, и когда у меня голова кверху, а ноги и спина внизъ, то умираетъ“. По малорусскимъ повѣріямъ (Чубинскій, Труды, I, 7—9, 11) луна можетъ сильно вліять на людей, животныхъ, растеній, на человѣческую возрастъ, здоровье и т. д. Вѣчные жиды малорусской легенды ¹⁾ старѣютъ когда „мѣсяць старій“ („старыкъ“, ова луны), и молодѣютъ когда мѣсяць „молодой“ („молодыкъ“) Такиа преданія стоятъ далеко не одиноко и находятся въ непосредственной связи съ примитивными воззрѣніями на луну (см. Лосіевскій, Башкирское преданіе о лунѣ въ связи съ преданіями другихъ народовъ

¹⁾ См. мор ст.: „Палій и Мазела“, Э. О. II, 101 (отд. 22), прим. 3; Свмидляцкій, Великдень у Подоляцъ, Основа, 1861, отд. 52; Чубинскій, Труды, I, 10—11; А. Н. Веселовскій, Отчетъ о 22 присуденіи нагр. гр. Уварова, 177—8 и пр.

о солнцѣ и лунѣ, Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. XXVIII, 145—151). Въ связи съ ними, кажется, находится я слѣдующая словинская пословица „veg sa ten už na starom mesiaci narodie“ (знач.: starý je, nebuda tu síla).¹⁾

„Жемчугъ (видѣть)—слезы (будутъ)“. Это толкованіе (стр. 65) представляеть замѣчательную параллель въ „смутному сну“ Святослава въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ („сыпахуть ми тыщами тулы поганыхъ тѣлковинъ велиный женчюгъ на лоно“), что впрочемъ уже указано изслѣдователями, и, быть можетъ, находится въ связи съ малорусскими повѣртіями о фантастической „жемчужной травѣ“ (г. Сумцовъ, „Этногр. Зам.“, Эт. Об. III, 121—2=отд. отд., Москва, 1889, стр. 11—12)

„Поймать рыбу во снѣ—забеременѣть“ (стр. 70). Срв. распространенныя легенды о чудесной беременности отъ уловленной особымъ образомъ рыбы (моя статья о Палиѣ и Мазепѣ, Э. О. III, стр. 95, отд. отд. 15, прим. 1 и т. д.)

9. Превращеніе въ растенія и деревья.

Преданія объ этихъ превращеніяхъ принадлежать къ числу очень распространенныхъ, извѣстныхъ многимъ народамъ на протяженіи многихъ вѣковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ указаны въ настоящей книжкѣ Этн. Обзор. (стр. 50—3), но этими указаніями, конечно, вопросъ далеко не исчерпывается. По малорусскимъ преданіямъ (Nowosielski, Lud, II, 149—150) братъ и сестра, не зная о своемъ родствѣ, вступили въ бракъ; узнавши, они пришли въ отчаяніе; Богъ превратилъ ихъ въ цвѣтокъ—братки (Иванъ да Марья, *viola tricolor*). Срв. Костомаровъ, Волин. нар. пѣсни въ Мал. лит. сборн. Мордочева, Саратовъ, 1859, стр. 234 № 39 (братъ въ сестрою) и стр. 236—7, № 41 (тополя); Czeczot, Pieśni wieśniacze, кв. III, стр. 66 (братъ и сестра); Neumann, Mat ethnogr., Zbiór, VIII, Dz. etn., стр. 167, № 129 (тополя), стр. 292 и т. д.²⁾

10. Сонъ-трава.

Въ „Этнографическихъ замѣткахъ“ г. Сумцова, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ Этн. Обзор. (стр. 112—118, отд. отд. 2—8) разбираются довольно подробно малорусскія легенды о Сонъ-травѣ (*Anemone pratensis*). Считаемъ не лишнимъ попо-

¹⁾ Sbornik slovenskích narodních písní, pověstí, přísloví, porekadiel, hádek, hier, občazajov a povier, zväzok I, vo Viedni, 1870, стр. 102. № 594.

²⁾ Еще нѣкоторыя указанія даны въ моей „Малорусской свадьбѣ“ („Труды Этн. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.“, т. VII, прим. къ пѣснѣ 230). Н. Я.

нить собранный авторомъ матеріалъ слѣдующей малорусской легендой, напечатанной г-жей Е. С. (р. Stefanija Ulanowska, Symbolika wiosenna, Krakow, 1884, стр. 8—9). „Сонъ-трава появляется изъ земли первою и очень рано начинаетъ цвѣсти. Она—сиротка, которую злая мачеха выгоняетъ изъ земли раньше всѣхъ другихъ растений. „Выходи же, выходи!“ говоритъ она: „Не сиди въ хатѣ, тунейдсць (próźniak),—уже всѣ цвѣты расцвѣли, тебя только нѣтъ между ними“. Бѣдняжка должна повиноваться, появляется на Божій свѣтъ, но, увидѣвъ, что нѣтъ еще на землѣ ни одного изъ товарищей, печально склоняетъ голову и дремлетъ, какъ сирота“.

В. Каллашъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Имп. Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Моск. университетѣ. Этнографическій Отдѣлъ Общества имѣлъ еъ 15-го октября три засѣданія, въ которыхъ были доложены сообщенія гг. *В. В. Каллаша*: „Историческія лица и событія прошлаго вѣка въ народныхъ преданіяхъ“; *В. И. Ашмарина*: „О культѣ Керемета у чувашъ“; *В. В. Кандинскаго*: „Национальныя божества сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ“; *А. А. Казмина*: „Предварительный отчетъ объ этнографической повѣдкѣ на Донѣ“; *В. М. Михайловскаго*: „О шаманствѣ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ“; *А. С. Халанова*: „Культъ предковъ и огня у грузинъ“; *П. В. Иванова*: „Народныя легенды Харьк. губ.“. Кромѣ того, было сдѣлано нѣсколько мелкихъ сообщеній и отзывовъ о новостяхъ этнографической литературы.

Членъ Отдѣла *Н. Н. Харузинъ* окончилъ обширное изслѣдованіе о лопаряхъ русскихъ и отчасти скандинавскихъ, которое уже отпечатано и въ самомъ непродолжительномъ времени поступить въ продажу. Для личнаго знакомства съ современнымъ бытомъ лопарей, г. Харузинъ предпринималъ по командировкѣ отъ Отдѣла специальную повѣдку на сѣверъ вмѣстѣ съ своей сестрою *В. Н. Харузиною*, которая описала свои путевыя впечатлѣнія въ вышедшей на дняхъ книгѣ „На сѣверѣ“, не лишеной живого этнографическаго интереса.

Имп. Рус. Географическое Общество въ своемъ послѣднемъ отчетѣ (за 1888 г.) сообщаетъ между прочимъ перечень

этнографическихъ матеріаловъ, поступившихъ въ Общество за послѣднее время отъ слѣд. лицъ: *Д. Н. Островскаю*: „Лопари и ихъ предавія“ (см. выше библиогр.; авторъ доставилъ въ Общество также иллюстрацію изъ быта Лопарей); свящ. *К. Щеколдина*: „Лопарскія сказки“; *Зыкуса*: „Литовскіе напѣвы“ (возвращены автору для дополненія); *Гр. Верещанина*: „Вотьяки Сарапульскаго уѣзда“ (см. выше библи.); *М. А. Саковича*: „Крестьяне мѣстечка Мотоля (Гродн. г. Кобрин. у.) и ихъ пѣсни“; *Н. Симонова*: „Свѣдѣнія по этнографіи. Буляжъ (Грод. г.)“; *Е. Т. Соловьева*: „Договорное право по обычаямъ великорус. и инородческаго населенія Казанской г.; *А. Бурбы*: „Литовскіе напѣвы“ (Ковен. г.); *М. Дозойны-Сильвестровича*: „Литовскія легенды, басни и сказки собранныя въ окрестностяхъ г. Россіенъ“ (Ковен. г.; часть легендъ напечаталъ собиратель въ Тильзитѣ, 1889 г.); *Микуса* (Мицкевича): „Пѣсни и ораціи. собран. къ Шимбаницкой волости (Ков. г.)“; *Е. Р. Романова*: „Заговоры, апокрыфы, духовныя стихи“ (это составитъ 5-й выпускъ его „Бѣлорускаго сборника“, первые выпуски котораго изданы въ Кіевѣ; продолженіе будетъ печататься въ Могилевѣ); *И. Я. Спроиса*: „Похоронный обрядъ у латышей; въ 40-хъ годахъ“ и „Судьба стариковъ у древнихъ латышей“; *Р. Р. Шлюпаса*: „Мелодіи Литовскихъ пѣсенъ“; *С. О. Балторомайтиса* (въ другомъ мѣстѣ Блатеромайтисъ): „Библиографическій указатель литературы о Литвѣ“, *Дидзюля*: „Образецъ литовскихъ легендъ“; *Ө. Ильинскаю*: „Русская свадьба въ Бѣлгородскомъ уѣз.“ (Кур. г.) и „Русскія народныя пѣсни“, зап. тамъ же; *И. Н. Мамакина*: „Матеріалы по этнографіи Лукьяновск. у. (Нижегородской губ.)“; *Г. И. Куликовскаю*: „Загадки, пословицы и поговорки Обонежья“; *Ю. А. Сыропятова*: „Народная поэзія Периск. губ.“; *А. А. Ресина*: „Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана“ (нап. въ „Извѣстіяхъ“ Г. Общ.); *А. Н. Минха*: „Народныя суевѣрья, предразсудки и т. д.“ (Сарат. г.); *В. Н. Добровольскаю*: „Религіозныя народныя повѣрья и сказанія Калезинск. у.“ (Твер. г.); *Ельчанинова*: „Собраніе корельскихъ словъ въ Бѣжецкомъ у.“ (Твер. г.); *М. В. Миловзорова*: „Роды и семейственное право Алтайцевъ“; *К. Д. Мачавариани*: „Историч. очеркъ Сухума и Абхазіи“ (возвращенъ автору); *Евг. Ярошинской*: „Пѣсни Буковинско-русскаго народа изъ-надъ Днѣстра“; *С. С. Бобчева*: „Сборникъ на Бѣлгарскитъ юридически обычай.“

Въ томъ же отчетѣ сообщено, что общество занято составленіемъ программы для описанія русскихъ инородцевъ“.

Съ Высочайшаго разрѣшенія Геогр. Общество открыло по-

всемиѣстную подписку на премію и медаль имени покойнаго Н. М. Пржевальскаго для выдачи русскимъ путешественникамъ и изслѣдователямъ на погѣ географической науки. На могилѣ Пржевальскаго, на берегу оз. Иссыкуля сооруженъ памятникъ (опис. см. въ газ., нпр., въ „Варш. Дневн.“ 181).

Казанское Общ. Исторіи, Археологіи и Этнографіи образовало изъ своей среды комиссію по собиранію и изданію памятниковъ финсваго народнаго творчества, подъ руководствомъ г. М. Весне, лектора финскихъ языковъ при Казанскомъ университетѣ. Въ подобномъ предпріятіи чувствовалась необходимость въ виду оскуднѣнія и исчезновенія инородческой поэзіи на ряду съ общимъ паденіемъ національнаго быта инородцевъ.

Императорское Одесское Общ. Исторіи и Древностей 14 ноября текущаго года праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія. Поэтому случаю была выбита юбилейная медаль.

Въ Варшавскомъ музеѣ промышленности въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года открыта выставка произведеній древняго и новаго искусства и искусства въ примѣненіи въ промышленности. Въ январѣ будущ. года тамъ-же будетъ выставка сельскаго хозяйства и вспомогательныхъ промысловъ; съ 3-го февраля по 3 апрѣля—выставка мелкаго мѣстнаго промысла. Награды будутъ присуждаемы преимущественно экспонентамъ Привислинскаго края, а также внутреннихъ губерній.

По сообщенію столичныхъ газетъ, Императорская Публичная Библіотека приобрѣла бумаги Вука Степановича Караджича, знаменитаго собирателя памятниковъ сербскаго народнаго быта и словесности. (Варш. Г. В.).

Эстонскій народный эпосъ „Kalewipoeg“ (Калевичъ) появился въ русскомъ переводѣ. Онъ печатался по частямъ въ „Эстляндскихъ Губ. Вѣд.“ (Э. Г. В. 20).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТР. 73—90.

I. Пѣсни, записанныя Р. А. Пѣеннигомъ.

а) *Киргизскія.*

1. Подъ луною есть одна звѣзда красивѣе луны;
Искренно любящій другъ лучше богача.
Если дурной человѣкъ оскорбитъ тебя,
То и тогда лучше быть добрымъ, нежели гнѣваться.
2. Желтая земля лежитъ, какъ крышка «береговъ»... ¹⁾
Золото родится въ желтой землѣ такъ же, какъ и желѣзо.
3. Черноокая! Я былъ такъ далеко отъ тебя. Здравствуй!..
Теперь я, радостно улыбающійся, возлѣ тебя.
Горячо любимая! Когда я былъ далеко отъ тебя, я сильно
тосковалъ;
Теперь для меня насталъ день счастья: ты--моя...
4. У гнѣдой пятилѣтней лошади нѣтъ хорошаго бѣга...
Вблизи нѣтъ аула... Впереди нѣтъ большого озера съ птицами.
Я пріѣхалъ издалека на гнѣдой пятилѣтней лошади.
Изъ бѣлой кибитки не выходитъ тонкая талія.
5. На Азретѣ сидитъ аистъ...
На золотомъ самоварѣ серебряный чайникъ.
Ты, подобно кречету, три раза перемѣнившему перья,
Ставь бѣлой, увидишь-ли наше зеркальце, сидя въ своей кибиткѣ? ²⁾.
6. Конь Таралазбанъ, на которомъ я всегда ѣзжу,
По грязи и по растаявшимъ болотамъ не можетъ итти.

¹⁾ Береги—деревяныя рѣшетки, служащія основаніемъ юрты.

²⁾ Н. П. Остроумовъ перевелъ послѣдніе 2 стиха такъ:

Подобно кречету. и т. д.

Сдѣлавшись очень бѣлой, увидишь ли въ своей кибиткѣ наше зеркальце?

Бабушка моя не спить...

Тише, тише говори!

Намъ пѣсня—не работа.

Что другое и дорого, а пѣсня дешева.

Бабушка моя не спить и пр.

7. Конецъ міра прійдетъ,—не успѣеть глазъ моргнуть.
У дѣвушки талія тонка, какъ мѣдный кувшинчикъ.
Кыянтау, Макпалау! ¹⁾ Я не нашелъ своего аула.
Ирь залифя заланау! ²⁾ Только скажи разъ, и я буду.
Сдѣлаешь дѣвушкѣ добро и не увидишь его,
Все равно, какъ спрятанный въ песчаную землю кувшинъ.
Кыянтау, Макпалау! и пр.
8. Ауль мой откочевалъ на «Тогузъ-байга» ³⁾.
Бѣлая кибитка поставлена на зеленую траву.
Изъ всего народа я полюбилъ и выбралъ только тебя, дорогая.
Дай-же Богъ много лѣтъ Батимъ!

б) *Сартскія.*

9. Пускай будетъ постоянно ночь
И день обратится въ ночь.
Когда я увижусь съ возлюбленной,
Была бы такая ночь, которая бы не разсвѣтала!
О прости, мой Боже!
Между розъ, возлюбленная,
Тебя я увидѣлъ;
Ты сама знаешь, другъ мой,
Что я тобой очарованъ (горю).
Прости, о Боже!
Пускай мечеть обратится въ медресе (школа),
А посреди пролежала бы дорога...

¹⁾ Собств. имена.

²⁾ Фраза непонятна. Ирь—мужчина, остальныя слова татарскія (?) или сартскія (?). А. Н.

³⁾ Въ окрестностяхъ Оренбурга; въ бунивальн. переводѣ означаетъ „тридцать скачекъ“.

Если бы былъ справедливый царь,
 Всякій бралъ бы себѣ въ жены свою возлюбленную.
 Прости, о Боже!

10. ¹⁾ Устремляю я напрасно на дорогу взгляды.
 Сѣдла нѣтъ, лишь нагайка у меня осталась.
 Но не жалко, что оставилъ гдѣ-то я сѣдло;
 Жалко то, что въ томъ же мѣстѣ милая осталась.

II. Киргизскія пѣсни, записанныя А. А. Ивановскимъ.

11. Вѣлчаніе хозяйку (передъ началомъ тѣня).

(Мактагын).

Ты, Сарсенбай,—почетный человекъ, богатый, съ малыхъ лѣтъ богатырь, ты всегда щедрый, умный и разсудительный.

Хвалить буду тебя, буду богатымъ и я. Пѣсни нѣтъ тогда буду я день и ночь.

Сарсенбай у меня человекъ уважаемый. Денегъ у тебя полные мѣшки лежать. Я считаю тебя за прекраснѣйшаго человека.

„Лучше Сарсенбая никого нѣтъ“,—такъ всегда я буду хвалить тебя въ своихъ пѣсняхъ. У Сарсенбая богатства много. Во всемъ мирѣ не могъ найти такого щедрого, какъ Сарсенбай.

Сарсенбай, ты любишь ѣздить на иноходцѣ; сѣдло и сбруя—изъ серебра; одежда на тебѣ вся дорогая. Щедрость твоя велика.

Ты—человекъ большой справедливости; съ малыхъ лѣтъ ты

¹⁾ Перев. М. В. Косовицкаго, см. стр. 91. Переводчикъ, очевидно, старался, чтобы и русскій переводъ пришелся по ногамъ, оттого переводъ не вполне дословный. Поэтому мы правили въ другомъ переводѣ № 9, который случайно оказался записаннымъ и переведеннымъ также у г. Готовицкаго. У г. Певнига (перев. Косовицкаго) № 9 читался такъ:

1. „Жду я, не дожуся тѣмъ ночной, чтобъ свидѣла день собой. Съ ней когда наставеть встрѣчи часъ, пускай будетъ ночь всегда. Да проститъ мнѣ Богъ грѣхи!

2. Между розъ въ первый разъ тебя я встрѣтивъ, былъ плененъ тобой. Ты сама вѣдь знаешь, другъ мой, что свѣла моя любовь. Да проститъ и пр.

3. Если (бы?) государь правдивый зналъ про любовь и страсть мою, отдалъ бы приказъ онъ лично насъ соединить съ тобой. Да проститъ и пр.—

Который переводъ вѣрнѣе предоставляемъ судить специалистамъ. *Ред.*

имѣлъ большое богатство. Если я буду хвалить тебя въ пѣсняхъ, надѣюсь, ты сдѣлаешь мнѣ подарокъ.

Ты—дорогой, дороже золота, дороже крѣпикаго булата. Я тебя не сравняю съ другими людьми; я считаю тебя за родного брата.

Около тебя постоянно терлись (вертѣлись) красивыя дѣвушки. Много есть людей, завидующихъ твоей красотѣ.

Ты только одинъ родился такой дорогой. Счастье твое больше счастья всего народа. Соберись и пятьдесятъ юношей, ни одному изъ нихъ не сравнятся съ тобой.

Твои глаза остры и веселы; на красномъ умномъ лицѣ—черныя брови. Щедрость и счастье равны у тебя.

Руки у тебя, какъ золотыя. Все у тебя дѣлается съ умомъ. Если посадишь около себя красавицу, невольно она влюбится въ тебя.

Если отворишь ротъ, съ неба течетъ медь. Отъ лба твоего исходить блескъ, подобный солнечному. Твое тѣло сотворено изъ огня (такъ ты пылокъ!).

Изъ тысячи людей я не могъ найти лучше тебя. Если бы ты былъ птицей, то былъ бы лучше всѣхъ птицъ, былъ бы красивѣе даже попугая.

Во рту тридцать зубовъ, всѣ серебряные, брови золотыя. Лицо твое похоже на золото и серебро. Увижу тебя стоящимъ или сидящимъ, отъ красоты твоей пьянымъ дѣлаюсь.

12. Объясненіе въ любви.

Милая! Ты—бѣлый лобъ и я—бѣлый лобъ. Въ мірѣ не родилось еще такого человѣка, какъ ты, дорогая. Какъ съ неба орелъ, спустился я къ тебѣ. Дорогая, какой дашь мнѣ подарокъ?

Въ Москвѣ двѣ лошади ѣли соль. Одна изъ нихъ покачивалась (была иноходцемъ), потряхивая чолкой. Лошадь, прибѣжавъ издалека, стала сухая. Благополучна-ли ты, дорогая и милая моя.

Въ Москвѣ есть дѣвицы-красавицы, каждая стоитъ пять тысячъ рублей. Я привезъ тебѣ калоши, какихъ и онѣ не носили никогда.

Не я-ли стосковался по тебѣ, а ты—по мнѣ? Сильно любимая! Чѣмъ намъ даромъ шататься, лучше намъ сойтись обонимъ вмѣстѣ.

Я тебя искалъ пять лѣтъ, а ты, должно быть, обо мнѣ не ду-

мала? Я писалъ прошлаго года тебѣ письмо, — „прійдетъ“, думалъ. Теперь я пріѣхалъ сюда искать тебя.

Я давно женихъ твой, дорогая, милая моя! Не томи меня, не будемъ понапрасну тратить время, подумай да стели постель... Одна ты у меня, любезная!

Ты для меня съ малыхъ лѣтъ красавица. Я искалъ тебя и, по милости Бога, нашель. Дашъ, что только запросишь, дорогая, но утѣшь меня, дай хорошій (благопріятный) отвѣтъ.

Невѣста отвѣтила: Ты мена искалъ и пріѣхалъ издали, дорогой. Я, только что ты успѣлъ пріѣхать, тотчасъ же пищу поставила. Я тосковала по тебѣ съ малыхъ лѣтъ. Если вздумаю пойти къ тебѣ, спрошу отца.

13. Споръ Ирбая съ Батимой.

(Ибраймен Батимовынъ айтысканы).

Батима. Я тебя, Ибрай, люблю страстно и постоянно о тебѣ думаю. Пріѣзжай ко мнѣ скорѣе, поведемъ дѣло гласно.

Ибрай. Нѣтъ, я тебя любить не намѣренъ. Если хочешь вести дѣло гласно, то, видно, не любишь меня.

Б. Сдѣлаемъ на это условіе въ присутствіи родителей, соберемъ на пирь много каааовъ (жиргизовъ) и будемъ спорить. Кто оспорить, какой ему подарокъ?

И. Если ты переспоришь меня, буду служить работникомъ у тебя. А если жъ я переспорю тебя, то какая мнѣ будетъ награда?

Б. Я не думаю, чтобы ты переспорилъ меня; но если переспоришь, то я буду тебѣ законная жена.

И. Хорошо, я согласенъ на все. Будемъ гулять съ тобою вмѣстѣ. Знай, что къ веснѣ я пріѣду къ тебѣ.

Б. Нѣтъ, дружокъ, ты останешься у меня. Мнѣ будетъ случно безъ тебя. Не говори, чего не слѣдуетъ. Я ни за что не останусь безъ тебя.

И. Нѣтъ, останешься безъ меня. У тебя есть другой любовникъ, — объ этомъ я узналъ отъ постороннихъ людей.

Б. Ахъ, дружокъ мой безцѣнный! Ты лучше всѣхъ! У меня кровъ тебя нѣтъ никого, за это я ручаюсь головой.

И. Это увидимъ по окончаніи спора. Если я возьму тебя, то товарищи будутъ смѣяться надо мной.

Б. Надо мной нечего смѣяться. Дай Богъ, чтобы ты былъ наказанъ за то, что говоришь, не зная.

И. Зачѣмъ ты ругаешь меня, подлая? Пусть Богъ судить меня, если я говорю неправду; на это есть свидѣтели.

Б. Ахъ, душа моя, любимый мой, вкусъ твой сладкій, сахарный, медовый! Говори, Ибрайка, сколько душъ угодно, а я никогда не забуду тебя, удалый молодецъ!

И. Батима золотоволосая и чернобровая! Сквозь шеею видно, какъ ты глотаешь пищу. Въ мірѣ равной тебѣ я не считалъ никого.

Б. Голова у тебя, какъ у богатыря, безъ тебя мнѣ не весело. Теперь я и пѣть не могу; намъ нужно перестать и пирь начинать.

И. Я ранѣе зналъ, что такъ и должно быть. Хорошо, перестанемъ пѣть, если ты будешь моей женой и будешь любить меня.

Б. Ибрай, умная у тебя голова. Чѣмъ меня брать, возьми лучше 15 лучшихъ лошадей.

Узю барган джокъ, 15 ат берып кутылды—сама не вышла за него, а отдала 15 лошадей.

14. Состязаніе во взаимовосхваленіи.

Милая, черныя брови, писанныя перомъ! Удивится красотѣ твоей всякій, кто увидитъ тебя. Между Петербургомъ, Омскомъ и Семипалатинскомъ не родилось еще ни одного человѣка красивѣе тебя!

Милый, бѣлые зубы, сладкіе, какъ сахаръ, сладкіе, какъ „казы“ (нѣчто вродѣ нашей колбасы), рѣзанные наискось, сладкіе, какъ „яль“ (шенна), сладкіе тавъ-же, какъ если-бы я съ сахаромъ, урюкомъ и конфетами пила вкусный фамильный чай цѣною въ десять рублей фунтъ.

15. Первое формальное знакомство жениха съ невестой.

(Кюсю илия калындыгын кесарда ыйткан джирлар)

Молитва „Алхамъ“ стоитъ въ нѣчалѣ корана.

О, любовь, любовь (джар, джар! ¹⁾)

¹⁾ После каждого стиха.

Всѣ пророки находятся передъ Богомъ.
 Одинъ—жемчугъ (шерруарт), а другая „маржанъ“ (красн. камень)
 Одинъ—яхонтъ (яхут), а другая—изумрудъ (каухар).
 Двое безгрѣшныхъ вмѣстѣ соединились:
 Одинъ—царь, а другая—царица;
 Одинъ, какъ серебро, а другая, какъ золото, красивы.
 На одной дочери пророка женился Гали,
 Съ того времени начали устраивать игры и пиры.
 Не трогайте у черныхъ коровъ рога;
 Отъ матери не отдѣляйте дочери.
 Съ дѣвкой парень видится на пирушкахъ.
 Въ черную воду власть ледъ,—унесетъ;
 Отдать дѣвушку въ дальнюю землю,—не увидишь.
 Двѣ постели и пять подушекъ—мало будетъ.
 Одинъ, какъ солнце, а другая, какъ мѣсяцъ, сошлись.
 Будьте неразлучны до скончанія вѣка!
 О, любовь, любовь!

16. *Плачь матери по умершемъ сынѣ.*

(Анасын улгѣн баласына джизлаганы).

Ахъ, ты, любимый мой сыночекъ, ты, дитя, оставилъ меня! Богъ самъ далъ, самъ взялъ. Всѣ люди сами знаютъ объ этомъ.

Я теперь осталась безъ сына. Послѣ смерти сына нутро (животъ) разгорѣлось; я не могла ходить отъ печали. Теперь мы ничего не можемъ сдѣлать безъ тебя. Все знаетъ самъ одинъ Богъ.

Ахъ, Боже мой, далъ сына ты на радость, взялъ въ наказаніе. Я похудѣла. О, сынъ, теперь ты умеръ, а бывало, играя, ты сосалъ молоко изъ груди моихъ.

Ты теперь не тоскуешь, про меня не думаешь; я плачу день и ночь, думая о тебѣ. Плачу я: нѣтъ у меня сына; стою, нутро горитъ; одна дума о тебѣ.

О, дитя, я плачу, думая о тебѣ; нѣтъ тебя играющаго, нѣтъ тебя бѣгающаго. О, Боже, зачѣмъ ты взялъ его, зачѣмъ унесъ его, какъ быстрая лошадь! Прошло веселое время...

На сердце печаль пала... Осталась я одна, несчастная, громко

рыдающая мать. Ты ушелъ, дорогой, въ дальній путь. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ съ такою печалью!

Увижу чужого мальчика, еще больше плачу; плачу, когда стану думать о любимцѣ моемъ. Не прощайся ты когда уходилъ. Богомъ данный, единственный сынъ, гдѣ теперь я увижу тебя?

Милый мой, любимый, единственный сынъ, съ бобровой головой (басымдагы кундызым), отчего Богъ не взялъ меня туда, гдѣ лежишь ты? Горитъ мое сердце, нутро переворачивается...

Хожу вокругъ тебя, любимый, послѣ тебя не осталось у меня никого. Осталась я одна, какъ трава, стоптанная лошадьми.

Давить тебя черная земля. Закрыли тебя тесомъ, могилу сравняли съ землей. Теперь ты, не прийдешь ко мнѣ, дорогой. Осталась твоя карая лошадь.

Ахъ, любимый сынъ, большой былъ у тебя умъ. Дай Богъ, чтобы ты нашелъ себѣ мѣсто въ раю!

Я хожу кругомъ твоей могилы, единственный сынъ, какъ небесная звѣздочка. Тебѣ вернуться нельзя; ты ушелъ въ такое мѣсто, откуда нѣтъ возврата... О, горе, горе мнѣ!..

17. Плачь жены по умершемъ мужѣ.

(Хатыны улгѣн бани джон таганн).

Буду стихи начинать, если вы мнѣ позволите. Я смерть порицаю; объ этомъ нужно запѣвать.

Всѣ умираютъ; нѣтъ никого, кто-бы вѣчно оставался въ живыхъ. Я объ этомъ и не пѣла-бы, если-бы не было такъ велико горе мое.

Если я буду пѣть со слезами, не прийдешь ли ты, мой милый? Я готова плакать по три раза въ день.

Я буду просить объ этомъ безпрестанно. Если-бы ты пришелъ обратно, я была-бы очень тому рада.

Если буду думать о тебѣ, очень грустно будетъ мнѣ. Недавно ты былъ живъ, а теперь оставилъ насъ сиротами.

Смерть хитрая подкралась къ тебѣ какъ разъ въ то время, когда намъ съ тобой, мой любимый, только бы играть да веселиться.

Я теперь осталась безъ веселья. Люди умираютъ во всемъ мѣрѣ... При тебѣ я была всегда сыта, теперь же совсѣмъ голодна.

Буду молиться Богу, буду просить за своего покойнаго мужа, буду во всё стороны раздавать милостыню.

Ты былъ человекъ честный, благодѣтельный, щедрый. Если къ тебѣ собиралось и сто гостей, ты всёхъ ихъ принималъ.

Великій Богъ взялъ тебя. Теперь мнѣ ходить по-миру... Гдѣ мнѣ искать тебя? Земля тебя скрыла отъ меня.

Ишѣль пророкъ сына Омара... Много плакать—грѣхъ. Въ раю во семь отдѣленій; отворишь въ него дверь, пріятный запахъ пойдетъ.

Ишѣль пророкъ сына Идриса. Вездѣ смерть приходитъ неожиданно. Горько мнѣ вспоминать о тебѣ.

Ишѣль пророкъ сына Сыдыка. Уѣхалъ теперь ты, мой родимый супругъ, далеко. Нѣтъ веселья безъ тебя.

Я пою губами и пошевеливаю тридцатью зубами. Много постороннихъ людей постоянно вспоминаютъ о тебѣ.

Дорожить тобою стоило: я не знала никого лучше тебя. Теперь ты лежишь покойно. Не стану я больше плакать.

18. Утѣшеніе оплакивающей покойника.

Поютъ, когда нужно оставить пѣніе.

Не плачь ты, молодая, будетъ тебѣ плакать, хорошая молодуха. Ахъ ты, смерть, всегда людей разволнуешь! Теперь, молодуха, будетъ ужъ плакать, перестань!.. Много хорошихъ людей умирало и о нихъ много также пѣли пѣсенъ. Хотя и убѣдительно просили Бога, но ни разу мертваго Онъ не дѣлалъ живымъ. Умираютъ цари, богатые, богатыри, большіе и малые... Не плачь-же больше!..

ПОПРАВКИ И ДОБАВЛЕНІЯ.

Къ II кн. Стр. 5, стр. 13 сл., нн. 631 чт. 581 (въ опечаткахъ исправлено невѣрно).

Стр. 39, № 24: о „Висраміанн“ ошибочно сказано, что извѣстнѣ англійскій переводъ; слѣд. читать: „извѣстнѣ персидскій текстъ, ннд. въ Калькутѣ (Wis o Romain и ар.) и нѣмецкій переводъ (Zeitschr. der Morgenländ. Gesellsch., В. XXIII):

Къ III кн.

Стр. 6, стр. 4 и 11 снѣзу, нн. domicin	чт. domasin
— 29—40 нѣсколько разъ „	табли „ табла
— 31 стр. 1 сн.	„ в „ в
— 36 — 15 „	„ первый „ первый
— 38 — 12 „	„ есть „ ѣсть
— 53 — 4 сн.	„ высылка „ высылка
— 123 — 4 „	„ вснѣ „ пѣснѣ
— 134 — 7 сн.	„ ete „ eté
— — — 9 „	„ gelos „ gelós
— 160 — 6 „	„ Трауенберга „ Трауенберга
— 91 — 5 сн.	„ № 5 „ № 2.

По поводу статьи г. Пюеннига слѣдуетъ замѣтить, что авторъ въ ней имѣдъ въ виду также свой фортепанный аккомпаниментъ къ приложеннымъ здѣсь напѣванамъ, во правѣ напечатаніи его онъ оставилъ за собою.

Упомянутан на стр. 49 (въ выносѣ) книжечка издана не въ Кіевѣ, а въ Харьковѣ, подъ загл.: „Своимъ землякамъ хлѣборобамъ“ и пр. А. К., 1876.

Киргизскія и сартскія пѣсни, записанныя Р. А. Пфеннигомъ.
(Приложеніе къ его статьѣ *).

♩ = 88 тт.

11

Ай а - стын - да бер джол - дуз ай - дан джак - сы.

Дос э - гиз - бө джар-джан-дө бай-дан джак - сы. Джа-ман - га

бер сюзъ айт - сянгъ те-рес ка - рай - ды, Бал-кы - ган

кур - га - сын - дан кай-ра - ан джак - сы. *ср. № 5.*

♩ = 40 тт.

12

Ба-ра-гузъ мөнь кель ген-че джурдынга, а-ман, Бур-ге-лө ан джю-зинг ды
А-сык джар, кур-мөй бен-дөп көп за-рык-тымъ Бур-се-теръ кунъ бар и-кенъ

кель-дымъ са ган, ау!
се - ни ма - ган, ау!

ср. № 3.

♩ = 40 тт.

13

Джерь-сары сал-сан кумайт джа-бык кере гө. Джерь-сары

ал-тынъ кумайт те-мир бер-ге, ау!

ср. № 2.

*) №№ 1—8 киргизскія, №№ 9 и 10—сартскія. Русскій переводъ прилагается особо.

Тор-бэсът-ат а - лянг-дэшь - ий джэ-кын эль джок.

Ал-дын - гда ша - га - ла - лы тчал кар куль джок А -

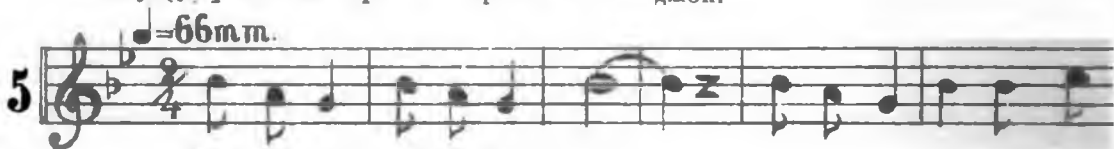

лы-стан тор-бэсът - ат мёнъ - кэль ге-ным - де. Бозь уй - ден

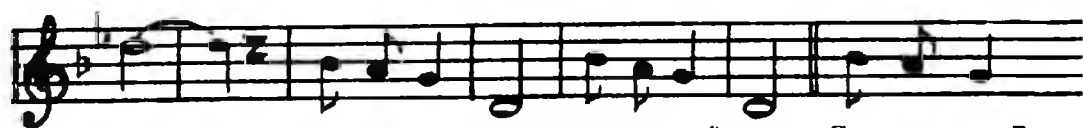

джуг(у)-рыпъ ши-гарь бранг бэль джок.

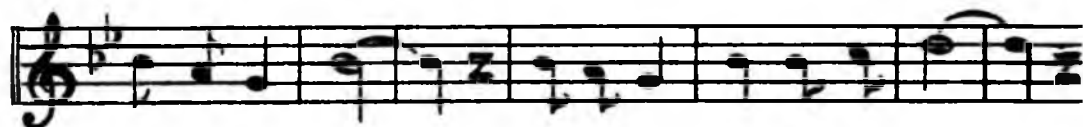
ср. № 8.

Ба - сы - на А - зе - рет - тынг ку-нар лий-лехь. Ал-тып

нан са - ма - у - рынг ку-мыс чай некъ. Сун - кар - дай

ушь-тю-ле - гён аб - пак бу - лып уй - ни - де

От - ур ми - кень уй, ал - лай бэ - зынгъ ай некъ?

ср. № 1

♩ = 80 m.m.

Да - им ма-нам мен ге-немь Та ра-лаз-бан. Ат джур-ал-мас бал - чик - тан
Ул - гён дө-гень без-дер ге, Кызмет-пе, уз-гя кый-бат бул - са - да,

джаз-ге саз-дан, ау-ай! Япыр - мау, я-пыр - мау а-джи-көм, ау! А-кыр-мау
Ул-гён ар-зан, ау-ай? Япыр - мау... и т. д. (припѣвъ).

ак-рын ской-ле! Джар кын-мау, джар-кын мау!

♩ = 160 m.m.

♩ = 160 m.m.

А ляк у - терь бу - дунь - я, кузь джум - ган-дай, ау!
Джак сы-лык кыз га ит - кень бе - лен - мей - де, ау!

Кыз - дынг бе - ли джи - ши-кый джизь кум-ган-дай, ау! Кыя-
Бэр кум-ган ку-майт джер-ге куй-ган дай, ау! Кыя-

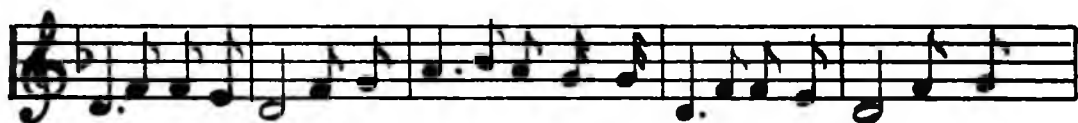
ктау, Мак па-лау! Та-бал-ма-дым ау-лым-дай. Ирь за - ли
ктау, Мак-па-лау! и т. д. (припѣвъ).

оя за - ла - нау, ус-лай бэр айт-сянгь бу-лар-ман, ау!

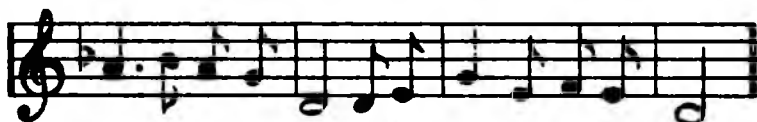
♩ = 50 m.m. *)

♩ = 50 m.m. *)

Ку - на - ды ку-чуб ау-лым ау! То-гуз бай га Ако - тау ти - гу - че-

дук чопь у рай га Ка-лык тан ка-лап ал-ган, ау, ка-ра-гы - май, Ху - да-

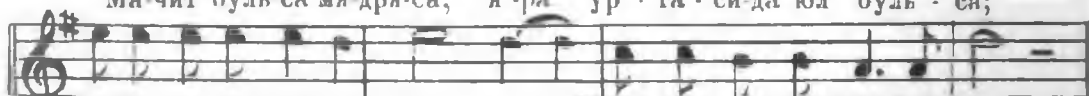
ср № 4.

ни бэр-сен джу-рем ай-нал лай Бы-ти-ма - га - ау!

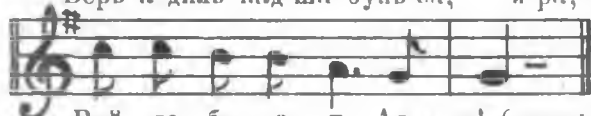
$\text{♩} = 100 \text{ мтм}$

Ки-ча му ки-ча буль - са, я - ра Кун дуз му ки - ча буль - са;
Кы-зыл гуль а-ра си - ди, я - ра мен - се - ны ку-рюб кал - дым;
Ма-чит буль са мя-дря-са, я - ра ур - та - си-да юл буль - са;

Яр би-лан та-пуш-кан - да я - ра Танг ат - мас ки-ча буль-са
У - зюнгь бля син я-ры - ым л - ра, Мен сен - га ку-юб кал-дым.
Берь а-диль пад-ша буль са, я ра, хяр ким суй га-нын аль-са.

Вай то - ба - а - и Ал - ла! (припѣвъ).

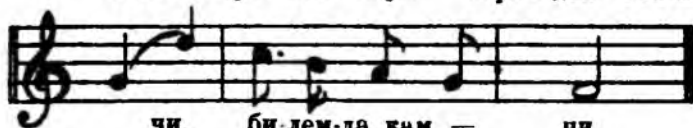
$\text{♩} = 58 \text{ мтм}$

Ка - ра - ла - сам ку - рин - май - ды дюнь-я-нын бур - чи,
И - гар то - кум кал-ни джый - да кам-чим ка - лыб-дур,

и - гар то - кум да - ла - да кал-ды би - лем - да кам -
Кам-чи буй - люк шул я-рим ден кел-лым ко - лыб -

чи, би-лем-да кам — чи.
дур, кел-лым ко-лыб — дур.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ,

подъ редакціей Секретаря Отдѣла Н. А. Янчука,
при ближайшемъ участіи слѣдующихъ лицъ: проф. Д. Н. Анучина, В. Н. Анимова, В. В. Барсова, акад. Ф. И. Буслаева, П. М. Богаевского, акад. А. Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, М. К. Васильева, В. П. Горленна, И. В. Грена, С. Я. Дерунова, И. Е. Забѣлина, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, Г. И. Куликовскаго, проф. В. Ф. Миллера, В. М. Михайловскаго, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, проф. Н. Ф. Сумцова, В. Н. Трутовскаго, Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова и др.

Изданіе посвящено главнымъ образомъ всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ, кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ также помѣщаться статьи общаго методологическаго характера, имѣющія цѣлю, во-первыхъ, уяснить современное состояніе этнографической науки, ея задачи и требованія, а во-вторыхъ—служить руководствомъ при этнографическихъ изслѣдованіяхъ.

Ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы народнаго быта:

1. Вѣрованія.
 2. Обычаи и обряды.
 3. Народная словесность, языкъ.
 4. Народная музыка.
 5. Народная медицина.
 6. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
 7. Матеріальный бытъ, поскольку онъ находится въ связи съ бытомъ духовнымъ и служитъ къ уясненію послѣдняго.
 8. Домсторическая этнографія.
- Кромѣ того, въ библиографическомъ отдѣлѣ, изданія помѣщаются:

1. Отзвымы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, если таковыя касаются во-просовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій ежемѣсячной, еженедѣльной и ежедневной прессы съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особености касающихся этнографіи Россіи.

Наконецъ, въ отдѣлахъ «смісь» и «извѣстія и замѣтки» помѣщаются мелкіе этнографическіе матеріалы, обзоръ дѣятельности ученыхъ обществъ, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

«Этнографическое Обзорѣніе» выходитъ 4 мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн.—въ началѣ марта, 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и прошлогоднія, продаются по 1 р. 50 к. съ перес.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехнической Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина и Н. П. Карбасникова.

Содержаніе «ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ» за 1889 г.:

О зачаткахъ русской этнографіи, проф. Д. Н. Анучина.—О пойдахъ (шаманяхъ) у древнихъ и современныхъ допарей, Н. Н. Харулина.—Свадебные обычаи Ахалцхскихъ армявъ, В. Н. Акимова.—О чернычкахъ, В. Н. Святъ.—Замѣтка о народной медицинѣ, П. М. Богачевскаго.—Бесѣды складчивы и смыщивы Обонежья, Г. И. Куликовскаго.—Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первоитномъ обществѣ, В. В. Калаша.—Отголоски нравскихъ сказаній на Кавказѣ, проф. В. Ф. Миллера, съ замѣткой о грузинскихъ переводахъ нравскихъ эпическихъ произведеній, А. С. Хазанова.—Тушны, А. С. Хазанова.—Очеркъ врозаній крестьянъ Елатомск. уѣз. Тамб. губ., А. П. Зевякова.—Палій и Мазепа въ народной повѣи, В. В. Калаша.—Оскаръ Вольбергъ (съ портретомъ), Н. А. Янчука.—Частныя и общественныя гульбища на Дону, А. А. Казмина.—Семейная община у грузинъ, Н. Л. Абазаде.—Празднованіе новаго года у грузинъ, А. С. Хазанова.—Сила родительскаго пролагія, по народнымъ рассказамъ, П. В. Иванова, съ замѣткой Н. А. Янчука.—Опытъ блорусскаго народнаго снотолкователя, Е. Р. Романова.—Двѣ статьи о киргизскихъ народныхъ пѣсняхъ (съ прилож. нотъ) М. В. Готтшица и Р. А. Пфеннича.—Киргизскій народный повець-пѣвецъ Ногойбай, А. А. Иванова.—Этнографическіи замѣтки (сѣнь-трава, розмай-зилье, женчужная трава, насильки, обжинни, Спасова борода, символика краснаго цвѣта, татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины), проф. Н. Ф. Сумцова.—Библиографіи (книги, журналы, газеты). Смѣсь. Извѣстія и замѣтки.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1890 ГОДУ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА,

Подписна на 1890 г. (12-й годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ Редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (NN) отъ 10 до 15 листовъ каждая. [Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годового изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Исслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Въ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

- а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;
- б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;
- в) Пробныя листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.
- г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ изданіи Русскаго Филологическаго Вѣстника принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица (профессоры и преподаватели): А. И. Александровъ, Б. Ю. Appelъ, С. К. Буличъ, А. С. Будиловичъ, Р. Ф. Брандтъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, С. Н. Брайловскій, И. М. Бѣлорусовъ, Я. И. Горожанскій, ак. Я. К. Гротъ, К. Я. Гротъ, М. П. Карпинскій, Н. И. Ивановъ, Е. П. Карскій, П. А. Кулаковскій, Л. Н. Майковъ, В. Н. Мочульскій, В. А. Истоминъ, И. С. Некрасовъ, М. П. Петровскій, Н. И. Петровъ, А. А. Потебня, С. В. Преображенскій, Н. В. Рузскій, М. П. Савиновъ, А. И. Соболевскій, И. И. Созоновичъ, П. А. Сырку, Г. Б. Ульяновъ, М. Е. Халанскій, А. А. Шахматовъ, Н. В. Шляковъ, В. А. Яковлевъ, и др.

Изъ редакціи Русск. Филол. Вѣстн. можетъ быть выписанъ Русск. Филол. Вѣсти. (г-мъ Мин. Народн. Просв. рекомендованъ для библиотекъ среднихъ учебн. заведеній, М. Н. Пр., а Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для фонд. библиот. Дух. Семинарій). Цѣна за 1880 г., 1881 и 1882 по 5 (пяти) р., за 1883, 1885, 1887, 1888 и 1889 по 7 р.; 1884 и 1886 гг. въ продажѣ нѣтъ.

Редакторъ-издатель А. Смирновъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„Юридическая Лѣтопись“.

Съ 1-го Января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Н. Д. Сергѣевскаго и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ Н. Ѳ. Дерюминскаго, А. А. Исаева и Н. М. Корнунова, ежемѣсячный журналъ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ». Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ» выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цизерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію «ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ», С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 г.

(двѣнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Программа газеты: Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. Хроника мѣстной жизни. Корреспонденціи (собственныхъ корреспондентовъ). Обзоръ событій по Россіи и за-границей. Статьи научнаго и политическаго содержанія. Статьи по вопросамъ и текущимъ нуждамъ и потребностямъ Приуралья и Зауралья. Критика и библиографія. Къ изученію Пермской губерніи. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учреждений Пермской губ. Фельетонъ. Литературный отдѣлъ (повѣсти, рассказы—оригинальныя и переводныя и стихотворенія). Смѣсь. Справочный отдѣлъ. Объявленія. Приложение: „Записки Уральского общества любителей естествознанія“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . 6 руб. † На полгода. 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіяся не менѣе, какъ на полгода, со дня подписки по 1-е января 1890 г. получаютъ газету безплатно. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ, именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 коп.

Въ 1890 г., какъ и въ предшествовавшемъ, въ „Екатеринбургской Недѣлѣ“ будутъ принимать участіе слѣдующія лица: Артлебенъ М. Н., Вольшаковъ К. А., Вологдинъ П. А., Галинъ П. Н. (Нилъ А—гъ), Голова Е. С., Гуринъ Г. И., Дмитріевъ А. А., Дядя Листаръ (псевдонимъ), Жилва Ан. (псевдонимъ), Курбатовъ Н. А., Кирпищичева А. А. (А. Е—ва), Котелянскій В. Ф. (врачъ), Коринфскій А. А., Мартыновъ А. И., Игнольскій Д. П. (врачъ), Остроумова Н. В. (Н. О—вой), Остроумовъ И. Г., Русскихъ Н. А. (врачъ), Сарахановъ К. К., Стаховичъ Н. П., Старостинъ В. И., Смородицевъ Н. С., Удницевъ В. А., Филимоновъ Ф. Ф. (Гейне изъ Ирбита), Хлопинъ Г. В., Чириковъ Е. Н.

и ив. др.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій просп., д. № 47).

Редакторъ-Издатель А. М. Симоновъ. Редакторъ П. Н. Галинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
НА
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1890 ГОДЪ.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Годъ. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	— 1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к.—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ въ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
НА ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ХУДОЖЕСТВЕННУЮ
18 годъ „ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА“ . изданіи

«ГАЗЕТА» иллюстрируется изящными рисунками и выходитъ въ объ-
емѣ 2—3 лист. въ недѣлю; въ важныхъ случаяхъ—два раза въ недѣлю.

Постоянное и близкое участіе въ «Газетѣ» будутъ принимать слѣ-
дующія лица: *Н. Ф. Анненскій, проф. В. Б. Антонович, Н. М. Астыревъ, проф. Ф. И. Буслаевъ, Л. П. Бѣльскій, А. Н. Веселовскій, В. А. Гольцевъ, проф. Н. Я. Гротъ, Д. Н. Доброхотовъ, Н. Н. Златовратскій, И. И. Иванюковъ, М. К. Югель, В. Г. Короленко, проф. Ф. Е. Коршъ, В. В. Лесевичъ, И. А. Линниченко, Н. С. Лѣсковъ, Г. А. Мачтетъ, Д. Л. Мордовцевъ, И. И. Родзевичъ, Н. И. Стороженко, Гл. И. Успенскій, А. И. Эртель и др.*

Приведенныя имена ближайшихъ сотрудниковъ «Газеты» могутъ дать рус-
ской читающей публикѣ вполне ясное и убедительное представленіе о составѣ
«Газеты» и объ ея назначеніи. «Газета» не будетъ служить, какъ вся ваши
безъидеиная иллюстрированная издавія, для празднаго легкаго чтенія: она по-
старается, насколько позволитъ ей силы, средства и обстоятельства, ставить и
освѣщать тѣ жизненные вопросы, общественные и индивидуальныя, которые съ
каждымъ годомъ все болѣе и болѣе назрѣваютъ въ русскомъ обществѣ и не
находить не только разрѣшенія, но даже в возможности быть поставленными
ясно и опредѣленно».

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА „ГАЗЕТА“ ДАСТЪ СЛѢДУЮЩІЯ
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ И ПРЕМІИ:

1. Шесть книгъ беллетристическаго
содержанія, отъ 6 до 10 печати. лист.
въ каждой.

2. Иллюстрированныя драмы Шек-
спира. Выпускъ VIII, съ англійскими
иллюстраціями.

3. Художественную премію—больш., прекрасно исполн. олеографическую картину.
Въ ближайшихъ №№ „ГАЗЕТЫ“ и приложеній будутъ напечатаны:

1. Очеркъ литературной дѣятель-
ности Н. К. Михайловскаго.—В. А.
Гольцева.

2. Исторія стараго тисса. Разсказъ
Г. А. Мачтета.

3. Новые разсказы Гл. М. Успен-
скаго, В. Г. Короленко и Н. Н. Зла-
товратскаго.

4. Это тоже человѣкъ! Разск. Н.
М. Астырева.

5. Въ старомъ домѣ. Повесть М.
К. Югеля.

3. Моды и домашнее хозяйство.
Шесть выпусковъ со множествомъ ри-
сунковъ и политипажей, съ образцами
работъ, выкройками и проч.

4. Истинный календарь на 1890 г.
(при № 1 „Газеты“).

6. Дневникъ обмыновеннаго чело-
вѣка М. М. Родзевича.

7. Борьба за существованіе. Драма
А. Додэ, переводъ Н. Александров-
вча.

Будутъ помѣщены портреты Н. К.
Михайловскаго, Гл. И. Успенскаго,
В. Г. Короленко, Н. В. Лесевича,
Г. А. Мачтета, В. А. Гольцева и
другихъ современныхъ русскихъ пи-
сателей.

Подписная цѣна на „Газету“ со всеми приложеніями, и преміями, съ пересыл-
кой и доставкой: На годъ—5 руб. На полгода—3 руб. На 1/4 года 1 р. 75 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ выдается только годовымъ подписчикамъ.
Подписчики, желающіе получить эту премію, прилагаютъ ее пересылу и до-
ставку ея 1 рубль. Разсылка преміи начнется немедленно, по порядку полученія
подписныхъ денегъ. Требованія адресуются: въ Главную Контору „Газеты А.
Гатцука“. Москва, Никитскій бульваръ, особств. домъ.

Х т. Трудовъ Этнографическаго Отдѣла

Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.

Выйдетъ въ свѣтъ въ январѣ наступающаго
года и будетъ содержать изслѣдованіе:

„РУССКІЕ ЛОПАРИ“,

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО И СОВРЕМЕННАГО БЫТА.

Николая Харузина.

(Около 50 печ. листовъ, съ рисунками)

Цѣна 3 р. 50 к.

Будетъ продаваться въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ
при канцеляріи Общества: Москва, Политехническій Музей.

Труды Этнографического Отдѣла (9 книгъ) содержатся въ едѣющихъ томѣхъ «Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи» *).

т.

- VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. Ц. 3 р.
- XII. (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей, Э. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.
- XIII. (кн. 3), вып. 1—2, 1874 г., по 1 р. 15 в.

Содержаніе. Вып. 1: Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. *Статьи:* 1) Описание быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Ст. Берковичъ.—2) О появленіи ламы въ Забайкальѣ и о планіи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелля.—3) Врогнаніе этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Об этнографическихъ трудахъ метрополита Иннокентія, докладывавш. Н. А. Попова.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (два статьи). Колоусева.—6) Одежда каменнородскихъ русскихъ и мордвинцевъ, А. П. Ринъ.—7) Домашній бытъ Мариупольскихъ грековъ, А. Антониона.—8) О перлахъ, П. Вологодина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Живцова.—10) Раскопкн воломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнографическаго о-ва Эвели, бар. Засея-Кассель.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелля.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О немесскихъ самовадахъ, Н. Г. Керцелля.—15) Сельскіе обычаи въ некоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Духаревъ.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разнѣхъ губернскихъ извѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи ирландіи въ честь Бурхана-Майдори, совершаемаго буртатми, Н. Г. Керцелля.—18) Сѣверныя сказанія о лешояхъ и удѣльщикахъ, Е. В. Барсова.—19) Обычай хороненія Бостромъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрининой, съ замѣткой Е. В. Барсова.—20) Изъ исторіи народнаго двоедвѣрія Н. А. Покронскаго.—21) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—22) О кладбищахъ въ Зубовск. у., Е. П. Добрининой.—23) О

Вып. 2. Зыряне и Зырянскій край, Е. А. Попова.

- XXVIII, (кн. 4). Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. Ц. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насекомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Э. Миллера.—3) Варованіи и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зевковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Неесковъ.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрининой.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на Орелѣ, Е. В.

* Получать можно въ канцеляріи Общества (Моск. Политехническій Музей), а также въ книжныхъ магазинахъ комиссіонера Общества А. Суворова. Первые 2 книги, изд. Дашкова, остались въ незначительномъ количествѣ только у издателя (Моск. П. бичный и Гуманитетскій Музей).

Варсона.—8) Обзоръ этнографич. данныхъ, помещенныхъ въ „Намѣ-
городецк. Сборникъ“ П. Ф. Бударина.—9) Охотничье право соб-
ственности у Зырякъ, Е. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьян-
скихъ дѣтей Калаской г., А. Ф. Можаровскаго.—11) Крестьянская
свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское
преданіе о дунѣ, Д. В. Досіевскаго.—13) О происхожденіи перво-
бытныхъ взрывовъ по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—
14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ф. Миллера.

XXX, (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго на-
селенія Архангельской губ., П. Е. Ефименка. Ц. 4 р.

Часть 1: Описаніе внутренняго и вѣшняго быта. 2 р. 50 к.

Часть 2: Народный языкъ и словесность. Ц. 1 р. 50 к.

XL, (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ф. Я.
Трейланда (Бривземніаксъ). Пословицы, загадки, заговоры,
врачеваніе и колдовство. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII, (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. Ц. 4 р.

Вып. 1. Статьи: 1) Потеряла ли законную силу бытующая ста-
ршина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Поляковскаго.—2) Мало-
русская свадьба въ Константиновск. у., Олонецкой губ., Н. А. Янчу-
ка.—3) Приговоры и прачеты о табакаѣ, П. В. Шенина.—4) О глици-
номъ языкѣ. Д-ръ Зеланда. (2 р.)

Вып. 2. Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (неврологъ). В. Ф.
Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (неврологъ). Его-же.—3) А. Л.
Дювернуа (неврологъ). Его-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкото-
рыхъ русскихъ ввородцевъ. Е. А. Покровскаго.—5) О юридиче-
скомъ бытѣ татаръ. М. М. Комалевскаго.—6) Следы измѣненій въ
рассказѣ у маньчжуръ. Н. Л. Гондатти.—7) Культъ небады у ввород-
цевъ сѣв.—зап. Сибири. Его-же.—8) Программы для собранія этнографич.
свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукова.—Программа для собранія свѣ-
дѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузиннаго. (2 р.)

LXI, (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для наученія быта крестьянскаго насе-
ленія Россіи (съ приложеніемъ портрета М. Н. Харузинна). 2 р.

Статьи: 1) Намѣт. М. Н. Харузинна. В. Ф. Миллера.—2) За-
вѣты о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарapulьскаго уѣзда, Вятской
губерніи. П. М. Вогаевскаго.—3) О заказаніяхъ по рѣшеніямъ
волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандиловскаго.—4) О до-
казательствахъ на волостномъ судѣ. А. Папиева.—5) Современные
браки и свадьбы среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда.
А. П. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъ-естественной силы въ на-
родномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской
губ. П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (записки изъ поездки
въ 1886 году). М. Янчука.—8) Петербургскія благотворительныя пріюты,
записаныя В. И. Кельсиевымъ. А. Кельсиева.—9) Изъ русской
народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ ма-
теріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой
губерніи. Н. Янчука.—11) Описаніе дѣтскихъ игру-
шекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губ.
Вас. Тихонова.—12) О народномъ леченіи въ Каласкомъ уѣздѣ.
В. Н. Аришинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарapulьскаго
уѣзда, Вятской губ. (примоч. къ статьѣ П. М. Вогаевскаго).—14) На-
писки белорусскихъ вѣсезъ (примоч. къ статьѣ Н. Янчука).

